Российская академия наук
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Предвоенный кризис 1939 года в документах

(Материалы научной конференции Института 15 ноября 1989 г.)

Москва
1992

ББК 63.3(0)
В48

Ответственный редактор

З.С.Белоусова

В 0503010000
042(02)
ISBN 5-201-00419-9

Обложка: А.И.Саплин

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории

Подписано в печать 21.09.92 Формат 60x84 Объем 6,5 а.л.
Тираж 150 экз. Заказ № 3 Цена договорная

ISBN 5-201-00419-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

В связи с 50-летием начала второй мировой войны прошли многочисленные и международные, и национальные конференции, появилась масса журнальных и газетных статей, содержащих разные (и старые, и новые) оценки международных событий 1939 г., главным образом связанных с подписанием пакта о ненападении между Германией и СССР 23 августа 1939 года.

Публикации эти продолжаются. Постепенно восстанавливается более конкретная, подробная картина проходивших весной-летом 1939 г. дипломатических переговоров, делается попытка осмыслить их в неразрывном контексте с последующим ходом событий.

Казалось бы, уже нет больше смысла проводить еще одну конференцию. Но это не так. Многие высказанные оценки, точки зрения недостаточно, на наш взгляд, аргументированы, недостаточно подтверждены документами. Поэтому мы решили обратиться к документам, которые до сих пор не включены в наш научный оборот. Такой подход не только закономерен, но и необходим.

Оценка событий конца 30-х годов, тем более с высоты сегодняшних представлений о ходе исторического процесса, должна учитывать всю совокупность документальных источников. Только на такой основе можно сделать выводы, служили ли те или иные действия руководителей разных стран интересам всеобщего мира или нет, способствовали они делу демократии или фашизма. В таком социально-историческом разрезе и видятся сегодня события 50-летней давности, их место в контексте движения всемирной истории.

Авторы данного сборника рассматривают некоторые ключевые вопросы предвоенного кризиса 1939 г. на основе документальных материалов ведущих европейских держав, а также США. Большинство этих документов никогда ранее в нашей историо-

графии не использовались, что придает особую ценность предлагаемой публикации. Читатель найдет на ее страницах в русском переводе материалы иногда по одному и тому же сюжету, изданные на английском, французском, немецком, итальянском языках.

Авторы ставили своей задачей не только высказать собственные идеи и мысли о дипломатических переговорах 1939 года, основанные на новых документальных свидетельствах, но и сопоставить их, а иногда и опровергнуть точки зрения, фигурирующие в статьях и в выступлениях историков.

май 1990 г.

З.С.Белоусова

ПРЕДВОЕННЫЙ КРИЗИС 1939 ГОДА В ОСВЕЩЕНИИ ФРАНЦУЗСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Исходя из главной задачи нашей конференции - рассмотреть по возможности узловые моменты предвоенного кризиса 1939 г. по документам разных стран, - я остановлюсь на французской публикации, последний том которой вышел не так давно, в 1986 г.[1] Обращаясь к документам, мы исходили не просто из того, чтобы выявить, какое отражение нашли те или иные международные события, дипломатические переговоры (что само по себе важно), а главное - какие выводы позволяют сделать эти документы, какие необходимо внести коррективы в имеющиеся представления по некоторым вопросам.

В нашей литературе довольно часто можно встретить термин "англо-французская политика". Лучше избегать его употребления. Внешняя политика двух стран при всем их желании, особенно с французской стороны, к согласованным действиям не была идентичной. Это подтверждают и документы, относящиеся к 1939 г. Это первый вывод.

Прежде чем перейти к анализу французских документов того времени, хотелось бы сказать несколько слов о самой публикации. Она выгодно отличается от аналогичных публикаций английских, американских, немецких документов тем, что в ней, помимо архивных фондов МИД - донесений послов, циркуляров, министров иностранных дел, генерального секретаря МИД, руководителей отделов - привлечены документы из архивов других министерств, особенно ценные из архивов военного министерства, министерства морского флота, авиации, финансов. Это записки и заключения начальников генштабов всех родов войск, сообщения военных атташе, консультантов, экспертов, протоколы заседаний Постоянного совета национальной обороны, отчеты о работе, о военных переговорах с представителями разных стран. Кроме того, много ценных документов

привлечено из частных архивов, особенно из бумаг Даладье, Фук-Дюпара, Роша.

Для изучения истории предвоенного кризиса 1939 года интерес представляют, на наш взгляд, такие документы, как извлечённое из военного архива секретное послание от 5 мая французского военного атташе в Лондоне генерала Лелонга - начальнику генштаба Франции генералу Гамелену о военных франко-британских переговорах, имевших место в Лондоне с 24 апреля по 4 мая[2]; Протокол о военных франко-польских переговорах от 17 мая[3]; донесение от 13 июня о визите Гамелена в Лондон и запись военных переговоров там 6-9 июня[4]; протокол от 16 июня о заседании начальников штабов французских родов войск о срочном рассмотрении вопроса об оказании материальной и военной помощи Польше, Румынии, Турции, Греции[5] и другие важные документы.

В ХУI-ХУШ томах, охватывающих интересующие нас события - с I мая по 25 августа 1939 года, - опубликованы свыше полутора тысяч документов, из них 402 посвящены англо-франко-советским переговорам и более 100 - советско-германским.

В приложении к ХУШ тому, помимо записей военных переговоров в Москве, опубликованы выдержки из записок Думенка о его миссии в Москву. Из 32 томов, охватывающих период с 1932 по 1939 гг., одному только 1939 году посвящено 7 томов от 800 до 1000 страниц каждый.

Я остановлюсь на освещении двух вопросов во французской публикации. Первый - степень осведомленности Франции о ведущихся весной и летом 1939 года секретных советско-германских переговорах, а главное, какое значение им придавалось во Франции и какие делались выводы.

И второй вопрос - позиция Франции на Московских переговорах, в частности, по вопросу о проходе советских войск через территорию Польши. Вопрос, которому почему-то придавалось первостепенное значение.

Не буду останавливаться подробно на советско-германских контактах и переговорах. Отмечу только, что о них было

известно французским представителям. Так, уже 27 января 1939 г. временный поверенный в делах Франции в Советском Союзе информировал министра иностранных дел Ж.Бонне о намеченной поездке немецкого специалиста МИД по экономическим вопросам Шнурре в Москву, эти сведения о цели этой миссии и особенно об условиях, в которых было принято подобное решение, писал дипломат, и с германской и с советской стороны "весьма скупы"[6]. Пайяр сообщал и о своем разговоре с Потемкиным, заместителем наркома иностранных дел, который заявил, что миссия Шнурре - это германская инициатива, "впрочем, хорошо принятая здесь", добавляет Пайяр. И тут же французский дипломат замечает: "Кажется, со стороны Германии миссия Шнурре выходит за рамки чисто экономической сферы... Речь идет для рейха дипломатически обеспечить свои тылы на Востоке, чтобы иметь возможность получить сырье и сконцентрировать свободно свои усилия на других направлениях"[7].

По различным источникам мы знаем, что в феврале, даже в апреле сведения о переговорах между Германией и СССР заметно оскудели. Но часто прерываемые торговые переговоры между СССР и Германией не были прерваны, и контакты между посредниками двух стран продолжались. Переговоры возобновились неофициально в мае 1939 года после отставки Литвинова, которая была совершенно неожиданной и произвела прямо шок на Западе. Можно привести самые различные высказывания на этот счет. В Лондоне отмечали, что отставка Литвинова свидетельствует о том, что "все более полно руководство иностранными делами сосредотачивается в Кремле", что советская политика "разрабатывается всемогущим Политбюро, членом которого Литвинов никогда не был", писал французский посол Корбэн из Великобритании. Здесь высказывают мнение, продолжал он, что Литвинов смещен военным командованием, которое "выступило против его методов выжидания и его концепции коллективной безопасности"[8]. Почти всюду высказывалась мысль, что отставка Литвинова поведет к изменению советской внешней политики.

В германской столице, сообщал 4 мая французский посол из Берлина Кулондр, прежде всего осознали, что теперь "политика сотрудничества Советов с западными демократиями получит окончательный удар". В Берлине увидели в отставке Литвинова, писал он, стремление СССР к "невмешательству в Европе, к сближению с Германией"[9]. В Италии рассматривали ее как "знак провала политики Антанты СССР с Англией и Францией"[10]. Пайяр также выражал опасение, правда, более осторожно, что "исчезновение" Литвинова в современных обстоятельствах может означать "отступление СССР от его желания антанты с западными демократиями и к возможному сближению с Германией"[11].

Любопытно отметить, что Кулондр в той же телеграмме из Берлина от 4 мая писал, что фюрер "отказывается следовать за членами его военного окружения, которые продолжают мечтать о Рапалло... Отвращение фюрера к Советам создаст, вероятно, трудности для сотрудничества между гитлеровской Германией и сталинской Россией"[12].

Однако 7 мая, то есть через два дня, Кулондр передавал в Париж со ссылкой на достоверный источник из окружения Гитлера, что "фюрер знает, что Англия и Франция никогда не уступят и что коалиция, с которой он столкнется, будет очень сильной. Поэтому он будет маневрировать, пока не пробьет его час." И далее посол передавал слова своего информатора: "Гитлер сговорится на этот случай с Россией. Придет день, когда он достигнет своих целей без того, чтобы союзники "имели какую-либо причину, или даже какое-либо намерение вмешаться". Может наступить четвертый раздел Польши. Во всяком случае, вскоре мы увидим, что что-то произойдет на Востоке", - сообщал осведомленный информатор[13].

Как мы видим, уже в начале мая возможность сговора Гитлера со Сталиным за счет Польши фигурирует в переписке французских дипломатов. Посол обращал внимание своего министра, как на исключительную, на главную новость - это ори-

ентация Германии на Россию. Он отмечал удивительное совпадение между намерениями фюрера и отставкой Литвинова.

Вместе с тем, выводы Кулондра из имеющейся у него информации были противоречивы. С одной стороны, он прекрасно понимал, какие выгоды может извлечь Гитлер, если пойдет на сближение с Россией. Более того, посол назвал три способа, которым фюрер может добиться своей цели. Первый - путем достижения с СССР более или менее молчаливой антанты, которая обеспечит ему благожелательный нейтралитет этой страны в случае конфликта и даже ее соучастия в разделе Польши. Второй - путем одной лишь угрозы сближения с СССР Германия окажет одновременно давление и на Японию, и на Польшу, которое приведет первую к подписанию военного союза, а вторую - согласиться на требуемые уступки. И третий - угрозой германо-русского сговора (collusion) заставит западные державы принять некоторые советские требования, которым противятся Польша и Румыния, и поссорить союзников.

С другой стороны, Кулондр сильно сомневался, чтобы СССР дал согласие на раздел Польши (здесь он ошибся).Наиболее правдоподобным, по мнению посла, было то, что "Россия прикрывается теперь Польшей и Румынией, чтобы как никогда уклониться от твердых обязательств против Германии"[I4]. (Официальный тезис советских руководителей, как известно, состоял в том, что СССР готов взять твердые обязательства в отношении Германии, а вот Англия и Франция - нет).

В подтверждение имеющихся у него сведений Кулондр переслал в Париж запись беседы сотрудника посольства с агентом, который сказал, что поляки "ошибаются в своих подсчетах... Гитлер не думает сегодня урегулировать германо-польские разногласия без России. Уже было три раздела Польши, я думаю, вы идете к четвертому"[I5].

Когда 8 мая берлинское бюро "Ассошиэйтед пресс" распространило новость о неизбежном заключении советско-германского пакта, Кулондр, сообщая о нем, писал, что появле-

ние подобных слухов имеет целью лишь нарушить атмосферу переговоров между Лондоном, Парижем и Москвой, то есть он видел в этом только шантаж. Может быть, так и было в тот период. Не исключено. Но идея эта уже была высказана. Это 8 мая! Надо отметить, что, передавая имеющуюся у него информацию в Париж, Кулондр не переставал обращать внимание на то, что для Гитлера трудно прийти к соглашению с Советами не только из-за факторов внутренней политики национал-социалистов, но и внешней, которая держится на антибольшевистской идеологии. Он не верил в возможность сотрудничества Гитлера со Сталиным, или не хотел верить. В подтверждение своих оценок Кулондр приводил слова временного поверенного в делах СССР в Германии Астахова, который в беседе с ним 9 мая говорил: "Я могу Вас заверить, что мы абсолютно не думаем заключать с Германией какое-либо политическое соглашение... В течение нескольких месяцев не было никаких контактов политического порядка между Россией и Германией"[16]. Подобная информация и суждения посла оказывали воздействие на выработку французской политики. Она часто дезориентировала Париж.

Вместе с тем, Кулондр тогда уже считал, что не следует исключать гипотезы, что руководители рейха решили всеми средствами "разбить" политику окружения Германии, поэтому "делают и будут делать авансы Москве, чтобы нарушить ход переговоров между Советами и западными державами. Главное, - писал посол, - это знать, как будут приняты подобные авансы в Кремле"[17]. Это действительно был главный вопрос.

В основном информация о переговорах Германии с СССР шла из Берлина, вероятно, там лучше была агентура. Французское посольство в Москве, похоже, было мало осведомлено о них. Во всяком случае, в телеграммах французского посла в Москве Наджиара до конца июня советско-германские отношения по существу не затрагиваются.

Как мы знаем, теперь уже и из советских источников (я имею в виду основанную на них статью В.Я.Сиполса в журнале "Международная жизнь", № 5, 1989 г.), 20 мая 1939 г. в беседе с Шуленбургом Молотов говорил о необходимости подвести

политическую базу под советско-германские переговоры о торговле и кредитах, то есть это была советская инициатива (на этот счет, как известно, высказываются разные точки зрения). Из французских публикаций также можно сделать вывод, что постановка вопроса о политических переговорах принадлежала советской стороне.

Через день, 22 мая, Риббентроп в беседе с Кулондром уже откровенно говорил, что германо-советское сближение является "неизбежным и необходимым, это соответствует природе вещей и традициям". Тогда же он заявил, что польскому государству "предстоит рано или поздно исчезнуть, разделенному между Германией и Россией"[18]. Это 22 мая!

Хотя Кулондр вновь подчеркнул, что политические наметки Риббентропа в отношении России все еще сталкиваются с личной оппозицией Гитлера, который по идеологическим причинам считает очень трудным ориентировать германскую политику на Москву, но министр иностранных дел не был одинок. Его идею уже приняли и крупные промышленники и верховное командование Германии. О том, что Риббентроп готов идти решительно на сближение с Россией, доносили послу и из итальянского посольства в Берлине. Кулондр посчитал тогда эту информацию достаточно серьезной, чтобы дать знать о ней английскому министру иностранных дел Галифаксу, о чем он и просил Бонне (англо-советские переговоры должны были вступить в решающую фазу). Что касается позиции английского кабинета, то она с самого начала в переговорах с Москвой была "озадачивающей... Кабинет Чемберлена не хотел бы заключать никакого прямого соглашения с СССР", - писал французский посол Корбэн из Лондона 25 мая[19]. Ссылки на поведение Польши и Румынии, продолжал он, "скорее предлог, чем настоящая причина"[20].

С мая 1939 г. вновь (после захвата Германией в марте Клайпеды (Мемеля), чему посвящена огромная дипломатическая переписка) во французских документах начинает в той или иной форме фигурировать вопрос о прибалтийских странах. После речи Гитлера в рейхстаге 28 апреля Риббентроп предложил по-

осланникам 6 балтийских стран (Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Эстонии, Латвии) заключить пакт о ненападении[21]. Это предложение было продиктовано стремлением помешать западным державам заручиться доброжелательным нейтралитетом этих стран. В начале мая три государства (Финляндия, Эстония, Латвия) дали свое согласие, после чего Германия предложила проект каждой из них, содержащий единственную статью, идентичную ст.4 германо-литовского соглашения, заключенного в ночь с 22 на 23 марта[22].

7 июня, комментируя речь Молотова, произнесенную на III сессии Верховного Совета 31 мая, генерал Паласс (французский военный атташе в Москве) писал премьер-министру и министру национальной обороны Э.Даладье, что в ней выделены два главных аспекта: политика на Балтике и на Дальнем Востоке. Генерал отмечал, что беспокойство СССР насчет Прибалтики впервые проявилось в ультиматуме, адресованном в 1938 г. Польше, которая угрожала Литве. "Быть может, - писал Паласс, - через Литву СССР рассчитывает получить балтийское побережье"[23]. Оккупация Мемеля, угроза, нависшая над Данцигом, проект укрепления Аландских островов, где сказывается германское влияние, все это побуждает Кремль, - сообщал генерал, - "принять меры, чтобы Балтика не стала германским озером". С советской точки зрения, информировал он, "мы имеем общий интерес с СССР, чтобы Эстония и Латвия не разделили судьбу Албании, и чтобы германские действия на Балтике (Мемель) не расширились"[24].

Подписанные в тот же день (7 июня) Германией пакты о ненападении с Латвией и Эстонией Франция интерпретировала как прямой удар по франко-британским действиям, стремящимся положить конец насилию в европейской политике. Кулондр писал Бонне 8 июня, что Германия гарантирует безопасность прибалтийских государств против их желания"[25].

Как явствует из документов, после отставки Литвинова, после встречи Молотова с германским послом в Москве Шуленбургом советско-германские контакты заметно активизировались. 15 июня Кулондр сообщал в Париж, что Астахов под-

твердил, что в настоящее время Германия делает серьезные усилия, чтобы восстановить и интенсифицировать экономические обмены с Россией. Но советский дипломат продолжал заверять французов, что эта акция не распространяется на политическую сферу[26].

Летом 1939 г. Германия выдвинула более выгодные, чем прежде, условия торгового соглашения с СССР. Она готова была дать многое, чтобы склонить СССР к тесному сотрудничеству и помешать тройственному соглашению Франции, Англии и СССР.

Как подметил французский посол в Москве Э.Наджиар, советское правительство, которое "долго держали особняком, в настоящий момент расценивает себя как арбитра, и нет сомнений, что оно будет стремиться использовать это положение", - телеграфировал он 27 июня в Париж[27]. Действительно, Советский Союз приобрел тогда огромное влияние на развитие международной обстановки, его поддержки искали все. Многое зависело от того, с кем он пойдет вместе.

В Париже тогда полагали, что советские власти будут ждать исхода политических переговоров с Парижем и Лондоном, прежде чем предпринять официальные, даже чисто экономические контакты с Берлином. Наджиар, правда, предупреждал, что какими бы ни были торговые советско-германские переговоры, они имеют "политическую тенденцию, и этим нельзя пренебрегать". Они открыто используются Россией, писал он, "как средство давления на Францию и Англию, чтобы привести их к заключению тройственного договора на советских условиях"[28]. Тогда же он сообщал Бонне, что Германия старается "убедить СССР, что, если он не присоединится в двум западным демократиям, он может выиграть спокойствие на Западе и даже на Дальнем Востоке"[29].

Во всяком случае, в июне во Франции было точно известно, что "Москва предложила Берлину политические переговоры"[30]. В документе от 30 июня со ссылкой на "самый высокий американский авторитет в европейских делах" (речь идет о Буллите) читаем: "Немцы были крайне удивлены, когда Со-

веты предложили сверх экономического политическое соглашение". "Основа русских предложений - установление общей границы между двумя странами в результате раздела Польши. Советы потребовали гарантий против германского нападения. Буллит не знает, в чем могут состоять эти гарантии". Далее: "Москва потребует от Парижа и Лондона, чтобы вступление в силу тройственного соглашения было отсрочено до подписания военной конвенции. Недели, которые они выиграют, будут использованы ими (русскими. - З.Б.), чтобы поставить точки над системой гарантий, которых они ожидают от Германии"[31].

Очень интересный документ! Именно этот прогноз и оправдался. СССР буквально следовал ему, как по сценарию.

Приведу еще один документ. Это телеграмма от 4 июля генерального консула Франции в Гамбурге Гарро в МИД Франции. "Обычно хорошо информированные экономические круги города думают, - писал он, что, если в эти дни не будет заключено соглашение между Парижем, Лондоном и Москвой, правительство СССР готово подписать с рейхом пакт о ненападении сроком на три года"[32]. Однако Астахов в беседе с Кулондром 8 июля категорически заявил, что никакой политической сделки (tractation) между Берлином и Москвой нет, что в Москве продолжаются торговые переговоры[33]. И Кулондр заключает от себя: если и имеются политические контакты между Москвой и Берлином, то ничто еще не доказывает, что они ведутся официально.

Что касается торговых переговоров между Германией и СССР, то слухи о них широко распространялись, начиная с июля, официально же они были возобновлены 21 июля в Берлине. Любопытно, что объявление о возобновлении этих переговоров произошло в момент, когда англо-франко-советские переговоры подошли к поворотному пункту. В это время и германская и советская дипломатия отрицали, что ведутся переговоры по поводу заключения политического советско-германского соглашения. Немцы заявляли, что они не видят пользы в подобном соглашении, поскольку германо-советский пакт

о ненападении 1926 г. продлевалось и никогда не денонсировалось. Как абсурдные, квалифицировал эти слухи и Астахов, повторив, что переговоры идут исключительно экономического порядка, более того, имеют ограниченное значение[34].

Советско-германское соглашение о торговле и кредитах было подписано, как известно, в Москве 19 августа.

Интересна реакция западных держав на это соглашение. Как сообщал строго секретно в Париж 21 августа временно поверенный в делах Франции в Лондоне Камбон, Стренг (руководитель Центрально-европейского отдела Форин офис) отказался в настоящий момент интерпретировать этот акт как изменение советской политики в отношении западных держав. "Он считает это подписание скорее маневром, предназначенным произвести впечатление на Францию и Великобританию с тем, чтобы подвести их принять все условия СССР",- писал французский дипломат[35].

Наджиар в своей телеграмме из Москвы 21 августа вообще никак не оценивал это соглашение, переслав техническую оценку, данную коммерческим советником посольства[36].

А в тот же день, 21 августа, за несколько минут до полуночи, берлинское радио, прервав музыкальную передачу, передало коммюнике о достигнутой между правительствами Германии и СССР договоренности подписать пакт о ненападении и поездке Риббентропа в Москву.

Отход сталинского руководства в тот момент от достижения союза с западными демократиями (а такая возможность, на мой взгляд, была) к сближению с фашистской Германией можно объяснить все теми же расчетами Сталина на столкновение двух империалистических группировок, в результате которого выиграл бы Советский Союз, выиграло бы "дело победы социализма" в мировом масштабе.

Поэтому утверждение советской историографии о том, что СССР заключил пакт с Германией только потому, что Англия и Франция затягивали переговоры и не хотели соглашения с Советским Союзом, что Гитлер в самый последний момент предложил подписать пакт, не подтверждается французской

публикацией и даже опровергается.

Таким образом, из французской публикации ясно:

Первое. Париж был в курсе ведущихся германо-советских переговоров.

Второе. Французские круги недооценивали поступающую к ним информацию. С одной стороны, они уверовали в непримиримость советско-германских противоречий, основываясь на официальных заявлениях предыдущего времени, не допускали возможности сотрудничества Германии и СССР по идеологическим мотивам. С другой стороны, считали эти переговоры дипломатической тактикой, ведущейся с целью использовать их как средство давления на Париж и Лондон, чтобы привести их к заключению тройственного соглашения на советских условиях.

Другими словами, все было известно - и цели, и средства, и пути их достижения. Поражает только, почему, зная обо всем этом, Франция ничего не предприняла, чтобы предотвратить запланированный таким образом ход событий. Может быть, потому, что во Франции не знали коварства и злодейства Сталина?

Теперь о переговорах военных миссий в Москве.

До последнего времени советская историография обвиняла в срыве тройственных переговоров Англию и Францию, и только их - позицию СССР мы всегда оценивали как абсолютно правильную. Сейчас высказываются и иные точки зрения. Что же на этот счет можно найти во французской публикации?

Прежде всего, на ее страницах имеется немало документов, которые в несколько ином и неожиданном для нас свете раскрывают позицию и роль Ж.Бонне на разных стадиях тройственных переговоров. Мы хорошо знаем Бонне как ярого "мюнхенца", "умиротворителя", сторонника соглашений с гитлеровской Германией и противника всяких договоренностей с СССР. Однако, как видно из документов, события весны-лета 1939 года внесли коррективы в его подходы к международным проблемам. Во-первых, его позиция теперь отличалась от подходов английских руководителей. Во-вторых, Бонне пытался

даже воздействовать на негативную позицию Великобритании по ряду вопросов на переговорах трех держав. Он осознал, по-видимому, необходимость в сложившихся условиях соглашения с СССР. "Колебания британского правительства на пороге решающей фазы переговоров, - писал Ж.Бонне послу в Лондоне Корбену 19 июля, - рискуют сегодня скомпрометировать не только судьбу соглашения, но и саму консолидацию нашей дипломатической и стретегической позиции в Центральной Европе". Со своей стороны, французское правительство "предпочитает трудности, которые может повлечь принятие русского определения косвенной агрессии, серьезной и намеренной опасности, которая последовала бы за провалом, окончательным или временным, переговоров". Министр иностранных дел Франции понял, что "независимо от его сути, рассматриваемое соглашение обладает достаточной превентивной ценностью ввиду угрозы, даже неопределенной, которую оно представляет для Германии, поэтому его заключение или провал окажут решающее влияние на действия держав " ось" в течение ближайших месяцев". Даже временная приостановка переговоров, считал Бонне, поощрит Германию в ее "самых авантюрных намерениях", предоставит ей возможность "измерить нашу неспособность организовать в нужное время эффективную коалицию элементов сопротивления, которые мы обольщались сгруппировать"[38]. Министр просил посла самым серьезным и настоятельным образом обратить внимание Галифакса на вышеизложенные соображения. В личном послании Галифаксу в тот же день Бонне писал: "Не следует скрывать губительные последствия не только для наших двух стран, но и для сохранения мира, которые повлечет за собой провал переговоров. Я даже опасаюсь, не стало бы это сигналом для действий Германии в Данциге. Президент Совета и я считаем, что в таких обстоятельствах крайне важно достичь завершения переговоров, успех которых нам представляется сегодня одним из главных условий сохранения мира"[39].

Когда три правительства уже достигли достаточного согласия, и 23 июля Молотов предложил перейти к рассмотрению

воры не приведут к результатам. Во Франции понимали, что без русской поддержки гарантии Польше "рискуют быть.. неэффективными", телеграфировал Наджиар в Париж 15 августа[43]. Будучи искренним сторонником соглашения с СССР, он писал на следующий день Бонне, что "главное на данной стадии - продвинуть вперед военные переговоры в Москве и не привести их к разрыву в результате нашего отказа договориться по существу проблем"[44].

Бонне пытался убедить поляков разрешить проход советских войск через территорию Польши. Это подтверждает масса документов, в частности, записка Бонне о разговоре с польским послом Лукасевичем 15 августа. "Я изложил ему русское требование (проход их войск через Виленский коридор и в случае негативного ответа - разрыв переговоров). Я просил это передать Беку и добавил, что в моих глазах оно имеет главное значение. Ответить "нет" - значит придти к разрыву переговоров со всеми вытекающими последствиями, ...разрыв будет подлинной катастрофой. Я просил подчеркнуть все значение, которое я придаю быстрому и благоприятному урегулированию вопроса, поднятого делегацией СССР... Лукасевич ответил, что передаст мое послание Беку без комментариев, от себя лично добавив, что "Бек будет противиться до конца требованиям русских. Польское правительство не верит в силу советской армии. И оно в любом случае не разрешит проход через его территорию, которую она (советская армия) оккупирует затем окончательно". "Что бы Вы сказали, - спросил Лукасевич, - если бы Вас просили предоставить охрану Эльзас-Лотарингии Германии?"[45].

16, 18, 19 августа Бонне вновь телеграфирует французскому послу в Варшаве Ноэлю и просит получить от поляков ответ о проходе русских армий. Он писал, что факторы стратегического порядка диктуют "необходимость для русских армий пройти через две четко очерченные полосы польской территории с тем, чтобы позволить им действовать наступательно в общих рамках согласованных действий союзных армий против немецких войск"[46]. Ввиду обязательств, которые "мы

что такого согласия (особенно Польша) никогда не дают, а следовательно, отпадет и соглашение с Англией и Францией? Не следует забывать, что именно в этот момент, в середине августа 1939 г., окончательно согласовывались сферы интересов Германии и СССР "на всем протяжении между Балтийским и Черным морями".

Подписание 23 августа пакта "Риббентроп-Молотов" положило конец переговорам трех держав в Москве.

Следует, конечно, признать, что поведение Англии, Франции на переговорах не отличалось большой конструктивностью, а главное, все участники тройственных переговоров не очень стремились к поискам компромиссных решений. Им не хватало взаимного доверия, все как бы старались "перехитрить" друг друга, не сумели осознать глобальной опасности фашизма.

Документы убедительно показывают, что обвинения против Франции, что она якобы не желала подписывать военную конвенцию в Москве, несостоятельны.

Один любопытный факт. У нас о нем не любят упоминать. Генерал Думенк получил полномочия подписать конвенцию 21 августа, но телеграмма из Парижа была задержана советскими властями на 6 часов("время, необходимое, вероятно, советским секретным службам для ее расшифровки", цитирует редколлегия тома в сноске к документу из книги французского историка Роже Женебрие "Франция вступает в войну, сентябрь 1939 г.", изданной в Париже в 1982 г.). Телеграмма, посланная в 17 часов, была получена посольством в 23 часа. А через несколько минут германское телеграфное агентство объявило о поездке Риббентропа в Москву для подписания советско-германского пакта.

Гитлер спешил заключить пакт со Сталиным. Он был согласен на любые его условия, т.к. уже наметил дату нападения на Польшу и крайне был заинтересован в нейтралитете СССР. Но почему так надо было спешить СССР? Почему не подписать было прежде политического соглашения с Англией и Францией? Ведь в 1938 г. советская дипломатия настойчиво

предлагала подписать совместную декларацию трех держав, считая, что сам факт ее подписания "имеет больше шансов удержать Гитлера от военной авантюры, чем всякие другие меры", писал Литвинов.

В 1939 г. в условиях быстро приближающейся войны (разведчикам был известен гитлеровский план "Вайс") подобную дипломатическую акцию Сталин фактически отклонил, настаивая прежде всего на заключении военной конвенции.

Утверждения о том, что СССР был вынужден пойти на заключение пакта с Гитлером, в свете приведенных французских документов не представляются убедительными, не подтверждаются ими.

Сталин пошел на пакт с Гитлером, т.к. именно он предоставлял ему (в соответствии с пунктами секретного протокола) то, чего он не мог добиться от Франции и Англии. В соглашении с нацистской Германией реализовывались имперские наклонности сталинизма. Это фактически подтверждала "Правда" в передовой статье 23 августа 1940 г. (к годовщине заключения пакта), когда писала, что московские переговоры "потерпели неудачу, ибо СССР стремился к осуществлению своих государственных задач в районах западных границ нашей страны и к укреплению мира, а англо-французская дипломатия - к игнорированию этих задач СССР, к организации войны и вовлечению в нее Советского Союза".

Подписание пакта 23 августа, конечно, не было неизбежным, ему была альтернатива.

Пакт "Риббентроп-Молотов" - это та же политика умиротворения агрессора, причем не просто за счет других государств, Польши прежде всего, но еще и к собственной выгоде. О моральной стороне дела уже говорить не приходится.

Таковы некоторые выводы, к которым можно придти на основе изучения французской публикации документов.

Примечания

1 Documents diplomatiques français. 1932-1939. 2-ème série. 1936-1939. T.I-XIX. Paris, 1963-1986 (далее - DDF).

2 DDF. T.XVI. P.,1983. N 79.

3 Ibid. N 214.

4 Ibid. N 413.

5 Ibid. N 457.

6 Ibid. T.XIII. N 443.

7 Ibidem.

8 Ibid. N 48.

9 Ibid.N 54.

10 Ibid. N 54.

11 Ibid. N 45.

12 Ibid. N 48.

13 Ibid. N 100.

14 Ibidem.

15 Ibidem.

16 Ibid. N 119.

17 Ibidem.

18 Ibid. N 2[illegible]1.

19 Ibid. N 283.

20 Ibidem.

21 Ibidem.

22 Ibid. N 88.

23 Ibid. N 364.

24 Ibidem.

25 Ibid. N 370.

26 Ibid. N 408.

27 DDF. T.XVII. N

28 Ibidem.

29 Ibidem.

30 Ibid. N 56.

31 Ibid. N 56.

32 Ibid. N 88.

33 Ibid. N 151.

34 Ibid. N 291.

35 DDF. T.XVIII. N 186.

36 DDF. T.XVIII. N 187.
37 Ibid. N 113.
38 Ibid. T.XVII. N 231.
39 Ibid. N 237.
40 Ibid. N 282.
41 Ibid. N 283.
42 Ibid. N 327.
43 Ibid. T.XVIII.N 43.
44 Ibidem. N 43.
45 Ibid. N 51.
46 Ibid. N 144.
47 Ibidem.
48 Ibidem.
49 Ibid. N 147.

Н.Д.Смирнова

ИТАЛЬЯНСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ О ЕВРОПЕЙСКОМ КРИЗИСЕ 1939 г

Публикация итальянских дипломатических документов за предвоенный период была предпринята в начале 50-х годов. Но вышедшие тогда в свет два последних тома 8-й серии, охватывающей период 1935-1939 гг., к сожалению, так и остались в последующие 35 лет как бы оторванными от всего предыдущего периода. Были полностью завершены 7-я и 9-я серии, но документация, касающаяся самых драматичных событий предвоенных лет - таких, как эфиопская авантюра, вмешательство в гражданскую войну в Испании, подготовка мюнхенского сговора, оккупация Албании, осталась пока недоступной для широкого круга исследователей, не имеющих возможности работать непосредственно в Историческом архиве Министерства иностранных дел Италии. Но и опубликованные два тома документов, охватывающие период с 23 мая по 3 сентября 1939 г., недостаточно использовались историками, в то время как они позволяют увидеть в новом ракурсе сложные перипетии того трагического периода, скорректировать или подтвердить сведения, вызывавшие сомнения или кривотолки. В этой связи наибольший интерес представляют донесения таких послов, как Аугусто Россо (Москва), Дино Гранди (Лондон), Бернардо Аттолико (Берлин). Находившиеся в самой гуще событий, обладавшие самыми широкими связями в дипломатических кругах стран, при правительствах которых они были аккредитованы, эти дипломаты оставили после себя свидетельства и суждения (особенно это касается Россо), сохранившие актуальность и в наши дни.

Известно, что мюнхенское соглашение оценивалось итало-фашистскими идеологами как наивысшее достижение политики Муссолини. Казалось, что наконец-то осуществилась идея европейского директората четырех держав, которая вынашивалась итальянским диктатором с начала 30-х годов. Причем, если тогда, в 1938 г., Италия представлялась в

качестве равноправного члена четверки, то Мюнхен должен был дать явные преимущества странам "оси" перед слабыми западными демократиями. В рамках же фашистского блока роль Италии определялась политикой "решающего веса" ("пезо детерминанте"), согласно которой страна должна была выступать на международной арене только тогда, когда ее вмешательство сможет оказать определяющее воздействие на развитие событий.

Итак, мюнхенское соглашение гарантировало тандему Гитлер-Муссолини главенство в европейских делах, а пока оба диктатора должны были постепенно готовиться к "большой войне", начало которой планировалось не ранее 1942 г. В Риме надеялись, что в рамках договоренности о разделе сфер влияний между Германией и Италией, Гитлер будет "искоренять коммунизм" на Востоке, оставив Муссолини Балканы и Средиземноморье. Однако уже в ноябре Муссолини из личного послания фюрера, врученного ему Риббентропом, узнал, что нацистский союзник выбрал направление ближайшего удара против западных демократий. Это явилось неприятной неожиданностью для Муссолини, который в период советско-германского сближения поддерживал линию на развитие экономических контактов, активно противился вооруженному разрешению "польского вопроса", пытаясь повторить мюнхенский вариант, а соглашение Молотов-Риббентроп счел изменой принципам т.наз.Антикоминтерновского пакта.

Встреча Шуленбург-Молотов 20 мая 1939 г. Посла Россо связывали с Ф.Шуленбургом наисердечнейшие отношения. Последний регулярно и полно информировал своего итальянского коллегу о встречах и беседах с официальными советскими лицами. Не стал исключением и разговор с Молотовым 20 мая.

В пространной записи беседы Россо сообщает о том, что Шуленбург, находившийся в Тегеране на торжествах по случаю бракосочетания наследного принца и собиравшийся уже было выехать оттуда в Москву через Баку, был неожиданно вызван в Берлин для получения инструкций. На Вильгельмштрассе Риббентроп предписал ему немедленно отправиться в Мос-

кву, встретиться с Молотовым и предложить ему возобновить переговоры о торговом соглашении.

На следующий день после возвращения из Берлина Шуленбург был принят Молотовым и от имени своего правительства предложил возобновить торговые переговоры, прерванные несколько месяцев тому назад по той причине, что германская сторона не была готова удовлетворить запросы советской стороны на тот обширный список товаров, главным образом - станко- и машиностроительной промышленности, который был заявлен А.Микояном. "На это Молотов ответил, - передает Россо слова Шуленбурга, - что Советское правительство никоим образом не отвергает обсуждения коммерческих вопросов, но в настоящий момент оно будет заинтересовано в торговом договоре, т о л ь к о е с л и о н б у д е т о п и р а т ь с я н а п о л и т и ч е с к у ю о с н о в у (разрядка в документе. - Н.С.)"[2]. На вопрос посла, что же Молотов подразумевает под "политической основой", последний не стал расшифровывать смысл, но лишь дословно повторил формулировку. Шуленбург обещал известить об этом свое правительство.

Россо высказал гипотезу, и Шуленбург с ней согласился, что "Советское правительство выдвинуло это предложение в качестве непосредственной задачи с целью маневра, чтобы узнать, какие политические гарантии можно получить от Германии в то же самое время, когда оно старается узнать, до какой точки готова идти Англия, чтобы заручиться изъявлениями военной солидарности от России".

Оба посла согласились в том, что Германия может пойти разве что на чисто формальный договор о ненападении, чтобы не помешать развитию более тесного сотрудничества в рамках треугольника Рим-Берлин-Токио.

Симптоматичной была реакция в Берлине на заявление Молотова о подведении политической базы под экономические отношения. Как сообщал 29 мая посол в Берлине Аттолико, Риббентроп не был склонен в тот момент воспользоваться предложением и наладить прямые контакты с Россией[3]. В

большинстве своем политики с Вильгельмштрассе склонялись к тому, что неясность в ходе англо-советских переговоров о двустороннем договоре исключает возможность достижения практических результатов в политических советско-германских контактах. Более того, Вайцзеккер не исключал того, что загадочная формулировка Молотова может быть истолкована в качестве завуалированного отказа от ведения торговых переговоров[4]. Поэтому главной заботой и германских, и итальянских дипломатов стало выяснение истинных намерений России. А до того Шуленбург информировал Россо о том, что поступило указание из Берлина не обсуждать вопрос о "политической базе" на встречах с советскими официальными лицами, когда речь будет касаться возобновления торговых переговоров[5]. Случай вскоре представился во время беседы атташе по вопросам торговли Г.Хильгера с Микояном. Хильгер, ссылаясь на свою некомпетентность в вопросах политики, отказался обсуждать с Микояном "необходимые политические предпосылки", о которых нарком упомянул, говоря о гарантиях того, что возобновление торговых переговоров должно было завершиться положительными результатами[6].

Вместе с тем перспектива возможного советско-германского политического диалога (пока еще не сближения) не сбрасывалась со счетов итальянскими политиками. И, вероятно, этими соображениями было продиктовано письмо Муссолини, направленное Гитлеру 30 мая, в котором он напоминал о достигнутой на встрече в Милане договоренности о необходимости длительного, до 1942 г. включительно, периода мира для подготовки к "большой войне", и обращал внимание на опасность внедрения большевистской России в Западную Европу, куда ее "ведет за руку Лондон"[7].

Письмо Муссолини открывало новую страницу в итальянской внешней политике: отталкиваясь от тезиса о неподготовленности Италии к войне, убедить своего партнера по "оси" добиваться разрешения проблем политическими средствами. Отсюда - неприятие советско-германского сближения, противодействие эвентуальному англо-франко-советскому до-

говору, настойчивые попытки созвать конференцию мюнхенского типа и таким образом "мирно" решить "польский вопрос".

Неподготовленность Италии к войне. Письмо Муссолини от 30 мая должен был вручить Гитлеру генерал Уго Кавалле-ро в качестве итальянского сопредседателя двусторонней военно-экономической комиссии, предусмотренной договором о союзе между Германией и Италией. Поэтому и само письмо получило название "документа Кавальеро". Около двух недель Кавальеро встречался с военными и дипломатическими деятелями рейха - Риббентропом, Кейтелем, Вайцзеккером, Риттером, обсуждал общие принципы и детали сотрудничества в рамках "оси"[8]. Через Риббентропа Гитлер просил довести до сведения Муссолини о том, что он в целом полностью согласен с точкой зрения, изложенной в послании, но хотел бы детально обсудить отдельные его пункты при личной встрече с дуче летом. Аттолико, сообщавший графу Чиано о ходе миссии Кавальеро, уточнил, что Гитлер намеревался посетить Флоренцию с частным визитом, но ввиду непереносимости им жары, планирует эту поездку на октябрь[9].

В позиции германских официальных лиц проступало нежелание делиться своими планами с итальянским союзником. Это беспокоило Муссолини, и он через Аттолико настаивал на встрече с Гитлером. Особенное беспокойство вызвала провокационная речь Геббельса 21 июня, содержавшая угрозы в адрес Польши. Аттолико писал, что весь дипломатический корпус "вновь пребывает в состоянии черного пессимизма", а в этих обстоятельствах встреча Гитлер-Муссолини желательна не позднее первых чисел августа[10]. Однако немецкая сторона эту встречу всячески оттягивала. Даже заседания постоянно действующих комиссий согласно итало-германскому договору о союзе (а они должны были заниматься конкретными вопросами военно-экономического сотрудничества) проходили нерегулярно[11].

В конце июля, когда Гитлер поехал инспектировать западные границы, а Риббентроп в беседе с Аттолико недвусмысленно высказался в том духе, что Германия намерена "реа-

гировать и реагировать быстро" на польские "провокации", в палаццо Киджи поселилась тревога. Данные разведки свидетельствовали о том, что удар по Данцигу может состояться 15 августа[12]. И тогда Муссолини выступил с предложением провести международную конференцию с участием Италии, Германии, Франции, Великобритании, Испании и Польши. Муссолини направил посольству Италии в Берлине инструкцию, в которой предписывал обратить внимание немецкой стороны на важность этой конференции, сугубо европейской, без участия СССР и Японии. Он выражал надежду на мирное решение судьбы Данцига, а в случае неудачи предлагал возложить вину за срыв на западные державы. Ознакомившись с мыслями дуче, Риббентроп нравоучительно заявил итальянскому послу в Берлине Аттолико, что сама идея созыва конференции может быть истолкована как признак слабости, о чем и просил передать в Рим[13].

Аттолико и другие сотрудники посольства с тревогой сообщали о нарастании военных приготовлений в Германии. Военный атташе М.Роатта сообщал 3 августа шефу военной разведки Дж.Карбони подробнейшие сведения о концентрации немецких войск у польской границы. Муссолини принял решение направить в Германию Чиано с предписанием "доказать немцам с документами в руках, что развязывание войны в теперешних условиях является безумием".

Чиано приехал в Германию 10 августа и из разговоров с Риббентропом убедился, что остановить заведенную машину было уже невозможно. Риббентроп уже в первые минуты встречи сказал, что "считает ситуацию чрезвычайно тяжелой и что, по его мнению, столкновение между Германией и Польшей неизбежно". Из записи беседы двух министров видно, что Риббентроп пытался убедить Чиано, что конфликт может быть локализован, а тот доказывал, что Англия и Франция обязательно вмешаются. В ответ на это Риббентроп развернул аргументацию в поддержку своей точки зрения, охарактеризовав позицию практически всех европейских стран. Относительно СССР он сказал: "Россия не вмешается, потому что

московские переговоры полностью провалились и потому (он поведал мне это под большим секретом), что сейчас развернутся переговоры со вполне определенной направленностью между Москвой и Берлином"[14].

Воинственные намерения нацистской Германии были подтверждены и в беседе со Гитлером, который посоветовал Италии воспользоваться первым же благоприятным случаем для расчленения Югославии путем оккупации Хорватии и Далмации[15]. Но в Риме на приманку не клюнули и поддерживать Германию вооруженным путем не собирались. Итальянские дипломаты с рвением собирали сведения о неминуемом выступлении Англии и Франции на стороне Польши, сообщали об этом своим немецким партнерам, а также развернули активную подготовку нового Мюнхена. В Берлине как бы закрывали глаза на эту сторону деятельности союзника, надеясь вовлечь его в войну.

Отношение фашистской Италии к московским переговорам было аналогичным германскому, а именно отрицательным. Однако исходные позиции, на основе которых вырабатывался этот общий подход, были различными. Нацистская Германия видела в коалиции трех стран непосредственную угрозу своим завоевательным планам в Европе. Для Италии, рассчитывавшей на относительно долгий мирный период (до 1942-43 гг.), привлечение Советского Союза к европейским делам было крайне нежелательным, ибо разрушало схему европейского директората четырех держав. Отсюда понятен тот интерес, который проявляли итальянские дипломаты в Москве и Берлине к тройственным переговорам.

Итальянские историки-международники от М.Тоскано до Б.Ди Нольфо придерживаются той точки зрения, что в Риме поддерживали идею усиления экономических германо-советских отношений, отрицательно относясь к идее политического сближения. Опубликованные документы свидетельствуют о том, что до начала августа 1939 г. итальянская дипломатия поддерживала линию на улучшение политических германо-советских отношений как противовес сближению СССР с англо-

французским блоком. Правда, впоследствии, когда стала вырисовываться перспектива германо-советского союза, начало которому положил договор от 23 августа, политика Италии резко изменилась. Но 23 июня 1939 г. Чиано в телеграмме дал указание послу Россо соблюдать осторожность, по возможности "способствовать окончательному провалу проекта советско-английского договора и облегчить эвентуальное сближение Советов с Германией".[16] И уже через день, 25 июня, Россо сообщил, что при первом же визите к Молотову он сделал соответствующий заход, но тот не стал развивать эту тему. Посол сделал вывод, что немцы должны дать заверения советскому правительству в отсутствии каких-либо агрессивных намерений по отношению к СССР и более четко проводить мысль, что сближение с Лондоном и Парижем - это попытка включиться в политику окружения Германии, т.е. может быть сочтена враждебным шагом. Аналогичные демарши с тем же успехом предпринимались и в последующие дни, во время бесед с Потемкиным[17].

В те дни Россо считал, что создание "политической основы" германо-советских экономических отношений не пойдет дальше формальных заверений в миролюбии. Только однажды, а именно в донесении от 28 июня, он сообщил со слов Шуленбурга, что в Берлине, откуда тот только что возвратился, ставился вопрос о преобразовании действующего договора о нейтралитете в пакт о ненападении[18]. Но в целом Россо не верил в возможность решительного шага Германии навстречу России, ибо это противоречило бы интересам ближайших союзников - Италии и Японии. Равным образом он отрицал такую вероятность и со стороны СССР, ибо даже предрекая неоднократно неуспех англо-франко-советских переговоров, он исходил из того, что "люди в Кремле" не собираются связывать себя с "типичными представителями капитализма и буржуазии", а целью их является: "1) уничтожить Великобританию, взяв реванш за Мюнхен; 2) спровоцировать падение Чемберлена; 3) способствовать возникновению конфликта в Европе с надеждой использовать его в идеологических и политиче-

ских интересах большевистского режима"[19]. Характерно, что комментируя статью А.А.Жданова в "Правде" от 29 июня, "Английское и французское правительство не хотят равного договора с СССР", Россо ставит вопрос, "а не значит ли это, что Сталин решил с этого м мента торпедировать переговоры?" Утверждать так, рассуждает посол, пожалуй, преждевременно, но то, что Сталин не хочет договора и поэтому поручил Жданову подготовить почву, возложив вину за возможный срыв, на Лондон и Париж[20]

Изменение политики нацистской Германии в сторону резкого обострения европейской ситуации, вызвало активность итальянской дипломатии, стремившейся организовать новый Мюнхен.

Несмотря на отрицательное отношение Берлина к идее конференции, высказанное в конце июля, попытки возобновить усилия по ее созыву начались 18 августа и продолжались со все нараставшей интенсивностью вплоть до первых чисел сентября. 2 сентября утром Муссолини послал в Берлин предложение созвать конференцию четырех держав с приглашением Польши. Дескать, Данциг уже оккупирован Германией, а поэтому надо 1) объявить перемирие, остановив войска там, где они сейчас находятся; 2) созвать конференцию в течение двух-трех дней; 3) урегулировать немецко-польские разногласия в благоприятном для Германии духе. В Берлине не стали даже отвечать на эту телефонограмму. Как сказал Вайцзеккер, ее приняли к сведению[21]. Даже объявление войны не остановило итальянских политиков: последний срок начала конференции был назначен на 5 сентября.

Пробный шар насчет возможной встречи четырех держав для решения "польского вопроса" был пущен лондонской "Таймс". Вслед за публикацией статьи 16 августа на Вильгельмштрассе была проведена пресс-конференция, в ходе которой было заявлено: "Данциг является германским городом и нет никакой необходимости созывать конференцию, чтобы доказать это. Если и можно будет говорить о конференции, то только после интегрального возвращения Данци-

га райху"[22]

Итальянская дипломатия пыталась склонить нацистского союзника на мирное решение "польского вопроса". 19 августа Аттолико сделал устное заявление Риббентропу от имени Муссолини. Оно состояло из двух пунктов: 1) итальянское правительство не считает, что эвентуальный конфликт из-за Данцига может быть локализован; 2) итальянское правительство подтверждает, что в настоящий момент оно не в состоянии выдержать длительную войну. В свою очередь Риббентроп передал мнение Гитлера, ответив: 1)по всей вероятности, но и не с гарантией на 100%, война может быть локализованной; 2) если этого не случится, то "ось" все равно победит[23]. Во второй половине 19 августа Аттолико вновь встретился с Риббентропом и тот дал более обширную трактовку текущей политики Германии, выработанную Гитлером. Он отводил страхи Муссолини перед длительной войной. "Ось" в состоянии выдержать и такую войну, "принимая во внимание, что Россия, этот европейский Восток, будет снабжать как Германию, так и Италию всем, что им понадобится"[24].

Более успешными были контакты с западными демократиями. И французское, и английское правительства были согласны с идеей конференции. Итальянские политики собирались вынести на ее обсуждение следующие пункты: а)окончателвное урегулирование отношений между Германией и Польшей; б) франко-итальянские проблемы; в) вопрос о германских колониях; г) экономические проблемы и распределение сырья; е) сокращение вооружений[25]. Англо-французские союзники были согласны с инициативой Муссолини. Как-то в эти напряженные дни итальянский посол в Париже Р.Гварилья написал в Рим, что даже самые решительные люди выступают за мирное решение "польского вопроса". Если раньше депутат Марсель Деа в статье "Умереть за Данциг" призывал к оружию, то теперь заголовок его статьи другой - "Договориться о Данциге"[26].

Однако четвертый участник мюнхенского сговора оста-

вался непреклонным. 20-21 августа в палаццо Венеция были выработаны 3 внешнеполитических документа: записка для Чиано с перечислением обоюдных обязательств по "Стальному пакту" и о нарушениях их немцами; записка для Чиано с выражением несогласия с поли кой союзника ("Германия всегда оставляла Италию в неведении относительно военных и политических мер, приготовленных для Данцига"); проект письма Муссолини Гитлеру об оценке текущего момента и об условиях дальнейшего сотрудничества[27].

Ни один из вышеперечисленных документов не был использован по назначению, ибо планировавшаяся встреча Чиано с руководителями райха не состоялась. В своем дневнике Чиано пишет, что за время его отсутствия в Риме (19 августа утром он отбыл в Тирану, а утром 20-го уже был оттуда отозван срочной телеграммой), Муссолини резко изменил свою точку зрения и "решил во что бы то ни стало присоединиться к Германии в приближающемся конфликте". Он хотел немедленно отправить соответствующее послание Гитлеру через Аттолико, хотя именно в этот день, как пишет Чиано, англичане обратились к дуче с призывом разрешить спор миром. С трудом переломив упорство Муссолини, Чиано восстановил прежние решения и обязался лично изложить их, договорившись о встрече с Риббентропом на Бреннере. Но германский министр не мог ничего ответить определенного (Чиано дозвонился ему в 17.30 21 августа), "так как ждал важного сообщения из Москвы". Утром следующего дня он сам позвонил в Рим, пригласив Чиано прибыть в Инсбрук, ибо он должен был срочно отправиться в Москву "на подписание политического пакта с Советами"[28]. Что касается проекта письма Гитлеру от Муссолини, то оно не было отправлено, так как содержало согласие на присоединение к германской акции.

Известие о подписании советско-германского договора от 23 августа не изменило решимости Муссолини и его окружения добиваться созыва "мирной" конференции. Сам текст "пакта Молотова-Риббентропа" представлял как бы академи-

ческий интерес для итальянских политиков. Он воспринимался очень спокойно. Для них и раньше было очевидным, что "Россия не выступит", а поэтому на первых порах уделяли больше внимания переводу назревшего кризиса в мирное окончание. Контакты с Лондоном и Парижем вселяли уверенность в реальности именно такого решения. Особенно они усилились с 25 августа. Как известно, первоначально выступление против Польши было назначено на это число. В этот день внешняя телефонная связь западных посольств в Берлине (и на какое-то время итальянского посольства) была заблокирована и значение Рима как координационного центра резко возросло. Известно, что вся эта бурная деятельность окончилась неудачей. Конференцию созвать не удалось, ибо Гитлер категорически отвергал эту идею. И тогда в итальянской дипломатии стала пересматриваться оценки договора 23 августа. Сложилась официальная его трактовка как акта, противоречащего Стальному, Антикоминтерновскому пактами самому духу "оси".

Оценка договора 23 августа в донесениях итальянских дипломатов прошла, таким образом, эволюцию от нейтральной до резко отрицательной. Причем представляет интерес не только мнение самих дипломатов, но и его восприятие официальными и общественными кругами тех стран, при правительствах которых они были аккредитованы.

Одной из первых интерпретаций значения договора для судеб мира была реакция датской печати. Так, в телеграмме посланника в Копенгагене Дж.Сапуппо 22 августа сообщается о единодушном мнении местной печати, что пакт является триумфом "оси", прелюдией к разделу Польши между Россией и Германией, ведет к европейской войне[29].

Россо после разговора с Шуленбургом телеграфировал 22 августа в Рим, что решение о немедленном приглашении Риббентропа в Москву было принято накануне, причем лично Сталиным. Остается открытым, писал посол, вопрос о протоколе, "в который Советское правительство требует внести ранее обозначавшиеся пункты об обязательства немецкой

стороны оказать успокоительное воздействие на Японию и дать гарантии балтийским государствам. "Шуленбург также упомянул о каких-то предложениях Молотова в отношении Польши, но не расшифровал, какие именно"[30].

В тот же день в четырех телеграммах М.Маджистрати из Берлина говорится о благожелательной реакции немецкого народа, который освободился от страха быть втянутым в изнурительную войну на Востоке. Он говорит, что в политических кругах столицы райха, будь то традиционалисты бисмаркского толка, видящие в договоре возрождение филорусской линии, или крайние элементы НСДАП, испытывающие злорадство от того, что при встрече Риббентропа в Москве будет звучать гимн Хорста Весселя, пакт одобряют, считая его несомненным успехом Германии. Причем, как он передает, царившее в Берлине настроение, договор приведет к смягчению внутригерманской атмосферы, погасив недовольство в таких центрах, как Гамбург, где существуют подпольные коммунистические организации[31].

После опубликования советско-германского договора в печати тон комментариев стал меняться. Так, посол в Брюсселе Лояконо сообщал о панических настроениях в антифашистских и либеральных кругах, причем не только в самой Бельгии, но и в скандинавских странах[32]. Даже в Иране возникли опасения, что Россия, освободившись от угрозы своей безопасности на Западе, возобновит свое движение на Ближний Восток, в Иран и Афганистан[32].

По иронии судьбы только прибалтийские государства сохраняли спокойное отношение к договору.

Когда во второй половине августа появились слухи о готовящемся англо-польском соглашении, предусматривавшем в том числе предоставление гарантий Литве, правительство последней обратилось с соответствующим запросом в Лондон, отвергая самую возможность считаться зоной "особых интересов" Польши. Вопрос о принадлежности Вильнюса всегда оставался открытым, и нацистская дипломатия пыталась со-

блазнить литовский кабинет своей поддержкой в случае присоединения Литвы к "оси" Берлин-Рим"[34]. Статус нейтралитета, которого строго придерживалась Литва, сделал такой шаг невозможным.

Сразу же после известия о подписании советско-германского договора вновь оживились дебаты относительно возможности воссоединить исторические земли в случае вооруженного конфликта. Высказывались опасения, что развивая экспансию на Восток, нацисты попытаются осуществить на практике великогерманскую идею также и за счет Литвы. Поэтому в целом и в общественном мнении, и в правительственных кругах Литвы побеждало стремление сохранить нейтралитет.

Итальянский посланник в Каунасе Дж.Д. Джюра сообщал 24 августа о беседе со своим немецким коллегой Э.Цехлином, который категорически отрицал, что Германия собирается предложить Литве присоединиться к "оси". Дескать, это может оказать неблагоприятное воздействие на другие малые страны, такие, как Бельгия, Голландия и Дания. Только через несколько месяцев, сказал Цехлин, Литва сможет присоединиться к "оси", чтобы вернуть в свои границы населенные литовцами территории Польши[34].

В целом реакция прибалтийских государств на договор 23 августа была спокойной. Если судить по донесениям итальянских дипломатов из Риги и Таллинна, то аргументация в пользу положительного к нему отношения сводилась к трем основным положениям:

а) договор ставил предел продвижению Германии на Восток, дальше которого она не пойдет;

б) советско-германское сближение ликвидировало угрозу оккупации прибалтийских государств Советским Союзом под тем предлогом, что им угрожает Германия;

в) советско-германский пакт - это договор о союзе, который не может быть прочным ввиду противоречий, раздирающих обе державы, которые поэтому заинтересованы в существовании между ними буферной зоны из нейтральных неза-

висимых государств[36].

В Италии отношение к договору стало постепенно приобретать устойчивое отрицательное отношение, которое внешне не проявлялось. Наиболее интересный и глубокий постатейный анализ пакта содержался в обширном комментарии Россо, посланном в Рим уже 25 августа. Посол подчеркивает коренное отличие нового договора от того, который была заключен между обоими государствами в апреле 1926 г., хотя в преамбуле и содержится ссылка на то, что за основу взяты положения договора о нейтралитете. И буква, и дух нового договора, пишет посол, противоположны тому, что было заложено в условиях прежнего.

Накануне приезда в Москву Риббентропа Шуленбург говорил Россо, что проект советско-германского договора разработан в соответствии с нормами обычных договоров о ненападении как, например, советско-польский договоро 25 июля 1932 г. Россо, рассмотрев пункт за пунктом статьи обоих договоров, опровергает утверждение Шуленбурга. Отсутствие в ст.I традиционной ссылки на так наз.пакт Бриана-Келлога и расшифровки формулы об определении агрессора он не считает случайным, ибо в следующей статье понятие агрессии подменяется термином "военные действия". Посол считает противоречащим духу пакта о ненападении включение в статью Ш формулировки о консультациях. Но когда он разговаривал с Риббентропом и указывал на это несоответствие, то министр сказал, что это была его идея квалифицировать пакт как "договор о ненападении и консультациях".

Особенное значение Россо придал звучанию статьи IУ, запрещающей участие договаривающихся сторон "в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны". Такая редакция обеспечивает уверенность Германии в том, что СССР "не будет принимать участия в какого-либо рода политике окружения". Именно эта статья вызвала у Россо саркастическое

замечание о совпадении ее с конотатцией в редакционной статье правительственной газеты "Известия", которая квалифицировала этот договор как "документ чрезвычайной важности"[37].

В последующие после заключения договора дни главными заботами итальянской дипломатии было: а) избежать вовлечения в конфликт и б) добиться созыва конференции четырех. В публикации приводится текст письма Гитлера Муссолини 25 августа, в котором делается попытка вовлечь Италию в вооруженный конфликт, проявить понимание ситуации, как писал Гитлер[38]. Чиано позвонил в Берлин Аттолико и попросил довести до сведения немцев, что "мы не готовы выступить"[39].

Дальнейшее развитие итало-германских контактов известно: итальянцы запросили поставки такого количества сырья и вооружений, на которые Германия не могла пойти. 27 августа Гитлер вновь обратился к Муссолини. Получив подтверждение того, что решение воздержаться от участия в войне окончательное, Гитлер попросил оказать "акции" психологическую поддержку, а также направить итальянских рабочих на германские промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Успокоившийся Муссолини обещал все это и даже больше: он сообщил, что 17 пехотных дивизий и 27 батальонов альпийских стрелков подтянуты к границам Франции и что войска в Ливии усиливаются за счет переброски двух новых дивизий[40]. Отправив Гитлеру столь обнадеживающее послание и обещав не раскрывать до последнего момента о своем решении не участвовать в войне, Муссолини, а вместе с ним и Чиано, непрерывно обменивались с Чемберленом, Галифаксом и Даладье заверениями, что никаких враждебных действий друг против друга их страны не предпримут.

Гитлер был вынужден согласиться с решением Италии о невступлении в войну. Единственное, что могла сделать нацистская пропаганда, это представить дело так, что новый агрессивный шаг был результатом решения, горячо одобренного Италией. На самом деле, как писал Аттолико в Рим уже после начала войны 4 и 7 сентября, Гитлер 25-26 августа

был готов повести дело на разрыв. Только начиная с 29 августа нормальные отношения были восстановлены[41]. Вероятно поэтому, чтобы окончательно оправдать себя в глазах союзника, Муссолини направил 10 сентября послу Аттолико в Берлин инструкцию, содержавшую разъяснение итальянской позиции. Она состояла из II пунктов, в которых, в частности, подчеркивалось, что "неучастие" - это не нейтралитет, а новое, выгодное Германии состояние. Опираясь на официальные сентябрьские заявления, Муссолини утверждал, что Германия якобы сама не была заинтересована в итальянском вмешательстве, ибо оно, "оттянув на Италию силы англо-французов и их союзников, могло бы, вероятно, обесценить эффект военного успеха Германии в Польше". Вслед за этим шли пункты, определявшие политику Италии. Коротко они сводились к следующему: сохранение спокойствия в дунайско-балканском регионе, что соответствовало также германским интересам; не Запад, а Восток является стратегической и экономической целью Италии; расширение деятельности в политической и дипломатической областях в интересах "оси". Муссолини выражал готовность оказать экономическую помощь Германии. Возвратившись в конце инструкции к причинам принятия решения о неучастии в войне на этой стадии, дуче не без подковырки заметил: "Если бы Италия проявила инициативу, начав военные операции против французов на сухопутных границах в то время, как, судя по официальным немецким признаниям, Францию старались не трогать, то мы показали бы себя большими католиками, чем сам Папа Римский"[42].

Через четыре месяца, 5 января 1940 г., Муссолини возвращается к характеристике политики Италии в период кризиса 1939 г. Это самое длинное послание за все время переписки фашистских диктаторов. Оно касается и отрицательной реакции Испании на советско-германское сближение, и отношения к побежденной Польше, и предательства Финляндии, и многих других моментов. Значительная часть письма

посвящена теме "Договоры с Россией".

Муссолини в очень резких выражениях критикует Гитлера, обвиняя его в том, что он ради незначительного тактического выигрыша пожертвовал принципами. Он посчитал своим долгом сказать, что "последний шаг в ваших отношениях с Москвой мог бы иметь катастрофический отзвук в Италии, где антибольшевистская настроенность, особенно среди фашистской массы, является абсолютной, твердогранитной, неотъемлемой". Муссолини призывает Гитлера поднять вновь знамя антисемитизма и антибольшевизма. "Разрешение вопроса о вашем Lebensraum находится в России и нигде больше, - пишет он. - Россия, которая занимает необъятные просторы в 21 млн.кв.км с плотностью населения 9 жителей на км. Она чужда Европе. Несмотря на протяженность своей территории и численность населения, Россия является не силой, а олицетворением слабости. Массу ее населения составляют славяне и азиаты. В старое время связующим элементом в ней были прибалты, сегодня - евреи, и это определяет все. Долг Германии состоит в защите Европы от Азии. Этот тезис принадлежит не одному Шпенглеру. Только четыре месяца назад Россия была врагом номер один: не может она превратиться в друга номер один. Это глубоко потрясло фашистов в Италии и, пожалуй, также многих национал-социалистов в Германии". Далее он призывал к походу на Россию, а только после ее разгрома наступит время и "великих демократий"[43].

Письмо произвело впечатление как на Гитлера, так и на его окружение. Однако оно не повлияло на немецкую политику. Что касается официального ответа на обвинения и советы, содержавшиеся в послании, то Муссолини так его и не получил. Гитлер предпочел ответ делом. 16 января итальянцы получили сведения из косвенных источников, что Германия начнет войну на Западе с оккупации Бельгии и Голландии[44].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 I documenti diplomatici (DDI). Ottava serie: 1935-1939. Volume XII (23 maggio- 11 agosto 1939). Roma, 1952; Volume XIII (12 agosto - 3 settembre 1939). Roma, 1953.

2 DDI. Vol.XII. P.12.
3 Ibid. P.44.
4 Ibid. P.45.
5 Ibid. P.60.
6 Ibid. P.89.
7 Ibid. P.50.
8 Ibid. P.49, 56, 60, 81, 82, 84, etc.
9 Ibid. P.112.
10 Ibid. P.263-264, 328, 390.
11 Ibid. P.329, 334.
12 Ibid. P.538.
13 Ibid. P.550, 566-568, 572; DDI. Vol.XIII. P.3.
14 DDI. Vol.XIII. P.3. Характеристика ситуации, сделанная Риббентропом, весьма симптоматична, если принять во внимание, что именно в эти дни был определен состав военной делегации во главе с К.Е.Ворошиловым на трехсторонних переговорах, а прощупывание позиций советской стороны по вопросу политического германо-советского сближения только началось. См. Год кризиса 1939-1939. Документы и материалы. Том 2. М., 1990. С.159, 176, 177.
15 DDI. Vol.XIII. P.6.
16 DDI. Vol.XII. P.259.
17 Ibid. P.273, 344, 364.
18 Ibid. P.303.
19 Ibid. P.388.
20 Ibid. P.314-315.
20a DDI. Vol. III. P.352-353.
21 DDI. Vol.XIII. P.41.
22 Ibid. P.67.
23 Ibid. P.73.
24 Ibid. P.83.
25 DDI. Vol.XII. P.414.
26 Ibid. Vol.XIII. P.85, 89, 92.
27 Ciano G. Diario 1939-43. Milano, 1969. P.163-165.
28 DDI. Vol.XIII. P.102.
29 Ibid. P.102-103.

30 DDI. Vol.XIII. P.103, 108.
31 Ibid. P.149.
32 Ibid. P.195.
33 Ibid. P.67.
34 Ibid. P.128.
35 Ibid. P.137, 167.
36 Ibid. P.182-184.
37 Ibid. P.161.
38 Ciano G. Op.cit. P.168.
39 DDI. Vol.XIII. P.218.
40 DDI. Nona serie: 1939-1943. Vol.I. 4 settembre - 24 ottobre 1939. Roma, 1954. P.10, 48.
41 Ibid. P.84-85.
42 DDI. Vol.III. I gennaio - 8 aprile 1940. Roma, 1959. P.19-22.
43 Ibid. P.98.

Д.Г.Наджафов

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1939 ГОДА
(по документальным публикациям США)

Информация о советско-германских переговорах, поступавшая в государственный департамент США по дипломатическим каналам, сосредоточена в первом томе официального издания "Внешняя политика Соединенных Штатов. Дипломатические бумаги. 1939 год". Конкретнее – в его разделе "Улучшение германо-советских отношений, завершившееся подписанием в Москве 23 августа 1939 года договора о ненападении"[1]. Раздел этот входит в обширную подборку документов под названием: "События, приведшие к возникновению войны в Европе 1 сентября 1939 года".

Разумеется, документация, посвященная истории заключения советско-германского договора, этим не исчерпывается. В упомянутом разделе содержатся ссылки на такие известные публикации, как "Нацистско-советские отношения, 1939-1941 годы" и "Внешняя политика Соединенных Штатов. Дипломатические бумаги. Советский Союз. 1933-1939 годы" (изданные соответственно в 1948 и 1952 гг.)[2]. Их дополняют мемуары государственного секретаря США в 1933-1944 гг. К.Хэлла, американских дипломатов Л.Гендерсона и Ч.Болена[3], а также весьма обильная историография темы.

Привлечение американских документов, имеющих отношение к истории заключения советско-германского договора о ненападении, сохраняет свое значение, поскольку соответствующие советские публикации все еще недостаточны. Никак не выйдет в свет очередной, 22-й том "Документов внешней политики СССР", охватывающий 1939 год (предыдущий том опубликован в 1977 год). Недавняя публикация документов о советско-германских отношениях 1939 года в журнале "Международная жизнь" начинается с 15 августа 1939 года[4]. То есть налицо старая, сталинская версия договора, сводящая причины его заключения к дипломатическим событиям тех нескольких дней, которые предшествовали злополучного дню 23 августа 1939

года.

Что касается недавно изданного сборника документов и материалов "Год кризиса. 1938-1939: В 2-х томах", то в предисловии к первому тому оговаривается, что он подготовлен на основе вышедшего в 1971 г. сборника "СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны". Другими словами, хотя и говорится, что в сборник "включено немало новых документов, главным образом из советских архивов"[5], ясно, что это "немало" немногое меняет в долголетней практике утаивания основной массы архивных материалов МИД СССР. Иначе автор предисловия не решился бы повторить официальный тезис о причине заключения советско-германского договора, согласно которому он был "вынужденным, но необходимым шагом в реальных условиях второй половины августа 1939 г."[6] (подчеркнуто мною. - Д.Н.). Если центр тяжести в объяснении причин договора - этой "дипломатической бомбы" нашего столетия - переносится на вторую половину августа 1939 г. (точнее - на неделю между 15 и 23 августа), то как это согласовать с названием сборника - "Год кризиса. 1938-1939"?!

Изданный в Вильнюсе сборник документов и материалов о советско-германских отношениях в 1939-1941 гг.[7] воспроизводит в переводе на русский давно известные на Западе дипломатические документы, в основном немецкие.

Таким образом, иностранные, в том числе американские, публикации документов о советско-германском договоре остаются весьма важным источником для всякого, кто изучает историю заключения этого договора.

То, что американские публикации многообразны и обильны, уже говорит само за себя. И все же: какова степень надежности официальных дипломатических публикаций США, касающихся советско-германского договора, степень их достоверности? Ведь в свое время публикация на Западе сборника "Нацистско-советские отношения. 1931-1941 годы" вызвала гневную реакцию И.В.Сталина. По его указанию была составлена так называемая историческая справка "Фальсификаторы

истории", в которой составители сборника обвинялись в односторонности и тенденциозности, в фальсификации истории[8]. Но кто сегодня решится сказать, что документы сборника не выдержали проверку временем?

Вопрос о степени надежности американских дипломатических документов интересующего нас периода имеет еще одну сторону. Если угодно - специфику, которая отразила в своем роде уникальную позицию США, куда из европейских столиц непрерывным потоком регулярно поступала большая и разнообразная информация. По авторитетной историографической оценке, "в 1939 году как американская общественность, так и правительство США были исключительно хорошо информированы о событиях за рубежом"[9].

"Исключительно хорошая" информированность официальных кругов объясняется тем, что они получали нужные сведения прежде всего от американских послов У.Буллита в Париже и Дж.Кеннеди в Лондоне. Правительства Франции и Великобритании, дорожившие своими отношениями с Соединенными Штатами, их союзниками в первой мировой войне, старались держать США в курсе своих дел. По поводу осведомленности Буллита и Кеннеди в вопросах внешней политики правительств, при которых они были аккредитованы, Э.Беннет, автор монографии об американо-советских отношениях в 30-е годы, пишет: "Никто, помимо тех, кто входил в правительственные круги Великобритании и Франции, не знал о замыслах групп, руководивших этими странами, лучше, чем эти два человека"[10].

Несмотря на то, что с середины 1938 г. США не имели своего посла в Москве и с конца того же года в Берлине, из этих столиц в Вашингтон также постоянно поступала богатая информация, в том числе по дипломатическим каналам.

Особую ценность для США приобрела информация, которая стала поступать из Москвы со второй половины мая 1939 г. Именно в это время антинацистски настроенный второй секретарь германского посольства Г.Биттенфелд вступил в контакт с американским дипломатом Ч.Боленом (впоследствии послом США в СССР), взявшись сообщать американцам о тай-

ных советско-германских переговорах[11]. О значимости этого канала информации говорит тот факт, что одновременно с закулисными переговорами с Гитлером сталинское руководство вело переговоры с Великобританией и Францией о военно-политическом союзе против агрессии того же Гитлера.

Американский информатор в германском посольстве действовал с присущей немцам пунктуальностью. В результате, пишут У.Лангер и Э.Глисон, одними из первых получивших доступ к архиву государственного департамента США, "фактически каждый шаг, который вел к немецко-советскому пакту, становился известным Вашингтону почти одновременно с Берлином"[12].

Не удивительно, что американцы дорожили информацией из германского посольства, заботясь о сохранении в тайне ее источника. С американской стороны посвященными в дело лицами, помимо Ч.Болена, были его жена, поверенный в делах США в СССР С.Грамон и прибывший в Москву в начале августа 1939 г. посол Л.Штейнгардт.

Сопоставляя дипломатические депеши американского посольства в Москве о содержании бесед В.М.Молотова с Ф.Шуленбергом, имевших место начиная с 20 мая 1939 г., депеш, основанных на информации Г.Биттенфелда, с опубликованными соответствующими немецкими (в сборнике "Нацистско-советские отношения. 1939-1941 годы".) и советскими (в сборнике "Год кризиса. 1938-1939") документами, нетрудно прийти к выводу об их фактической, за некоторым исключением, тождественности.

Итак, как же выглядит по американским источникам история переговоров о заключении советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г.?

Государственный секретарь США К.Хэлл писал в своих мемуарах, что впервые сведения о возможности сближения между Германией и СССР он получил в конце 1938 г. Хэлл имел в виду донесение из американской миссии в Бухаресте, датированное 30 ноября 1938 г., о секретном германском предложении заключить пакт о ненападении между двумя странами[13].

Косвенное подтверждение этой ранней даты движения в сторону сближения с СССР мы находим в речи Гитлера перед командующими всех видов вооруженных сил Германии 22 августа 1939 г.: "С осени 1938 года... я решил идти вместе со Сталиным"[14].

Вопросы: кому принадлежала инициатива - Гитлеру или Сталину - заключить договор и когда наметилось сближение между ними, имеют принципиальное значение. Ответить на них - значит лучше понять цели и намерения обоих диктаторов, фашистского и коммунистического. Особенно это важно с точки зрения понимания предвоенной сталинской внешней политики.

Донесения, которые шли с начала 1939 г. из посольства США в Москве в госдепартамент, содержали указания на начавшееся "улучшение" советско-германских отношений. Основанием для этого служили возобновившиеся в конце 1938 г. переговоры о торгово-кредитном соглашении между Германией и СССР на условиях предоставления германского кредита в 200 млн.марок.

Первое такое донесение, отправленное 16 января, завершалось словами, что предполагаемое соглашение "не имеет политического значения"[15]. Через месяц сообщение о том,что экономические переговоры застопорились, временный поверенный в делах США в СССР А.Керк резюмировал: "... До сих пор нет никаких признаков того, что это (улучшение советско-германских экономических отношений. - Д.Н.) приведет к подлинному политическому сближению между двумя странами, о чем строят так много предположений"[16].

Но уже через несколько дней (20 февраля) тот же Керк высказывает, хотя и в осторожной форме, иное мнение относительно возможных последствий советско-германских переговоров по экономическим вопросам. В очередной депеше в госдепартамент он писал, что такие переговоры, какой бы ограниченный характер они не носили, учитывая антагонизм в прошлом между правительствами СССР и Германии, "едва ли могут быть отделены от соображений, включающих возможные политические последствия"[17].

Что касается различных "предположений" о будущем советско-германских отношений, то они заметно умножились в послемюнхенский период. Об одном из таких предположений-прогнозов Керк сообщал Хэллу в шифровке от 20 января. Американские корреспонденты, писал Керк, получили информацию из Лондона о предстоящей в скором времени тайной советско-германской встрече в Стокгольме или Копенгагене на предмет экономического и военного сотрудничества. В этой связи упоминалась проявленная Гитлером любезность в отношении советского посла в Германии А.Ф.Мерекалова (на официальном приеме по случаю завершения строительства нового здания рейхсканцелярии), когда в ходе беседы с послом Гитлер,"как говорят, просил советского посла сообщить Сталину, что Германия в настоящее время не имеет никаких намерений в отношении Украины, и предложил обменяться мнениями, на что Сталин дал согласие"[18].

Больший интерес представляет, пожалуй, телеграмма А.Керка, посланная в госдепартамент 31 января. В ней сообщалось о публикации в газете "Правда" статьи из лондонской газеты "Ньюс кроникл" ее дипломатического корреспондента В.Бартлетта, в которой говорилось о явном игнорировании Советского Союза со стороны Великобритании и Франции,тогда как из Варшавы и Берлина поступают предложения о торговых переговорах. Английский журналист писал: "В настоящее время Советское правительство, как это очевидно, не имеет намерения оказывать какую-либо помощь Великобритании и Франции в случае их конфликта с Германией и Италией. СССР намеревается вступить в соглашения со своими соседями при условии сохранения мира для себя. С точки зрения Советского правительства нет большого различия между позициями Великобритании и Франции, с одной стороны, и Германии и Италии, с другой, чтобы это оправдало риск серьезных последствий выступления в защиту западной демократии"[19].

Телеграмма завершалась фразой, раскрывающей интерес американских дипломатов к публикации "Правды", которая в условиях тотального контроля над советскими средствами

массовой информации не могла появиться случайно: "Из этой публикации со всей очевидностью следует: либо изложенные в ней мнения действительно отражают советскую политику, либо их публикация в советской прессе является предупреждением другим сторонам"[20].

Публикация в "Правде" в самом деле представляет значительный интерес. Напомним, что это был январь 1939 г., время наступившего на западе разочарования итогами Мюнхенской конференции (сентябрь 1938 г.). Выяснилось, что участники мюнхенского сговора -Великобритания, Франция, Германия, Италия, в общем исчерпали возможности взаимного политико-дипломатического маневра, поскольку так или иначе связали себя заключенными там соглашениями. В этих существенно изменившихся условиях повысились роль и значение других главных участников разворачивавшейся европейской драмы, прежде всего Советского Союза, а также заокеанских Соединенных Штатов, известных своими традиционными связями с Великобританией и Францией.

В Москве уже поняли, что рано или поздно взоры западных руководителей обратятся к Советскому Союзу, как естественному (по геополитическим соображениям) союзнику. Но у Сталина были свои цели и намерения, которые он с достаточной ясностью изложил в знаменитом "Кратком курсе" истории партии.

В этой книге, появившейся в сентябре 1938 г. и, таким образом, свободной от воздействия Мюнхена как "антисоветского" сговора, утверждалось, что "вторая империалистическая война на деле уже началась"[21]. Та самая вторая мировая война, которую давно предсказывали деятели коммунизма и с которой они связывали, по аналогии с первой мировой войной, успехи коммунистического и революционного движения. Так стоило ли "стране победившего социализма" вмешиваться в "естественный" - ход вещей, тем более, что "империалистическая война" только "началась"? Участвующие в войне классово враждебные государства были, следовательно, еще далеки от краха - условия, необходимого, опять-та-

ки по примеру первой мировой войны, для последующей победы дела социализма. Тем более вмешаться на стороне Великобритании и Франции, по сталинскому определению "так называемых "демократических" государств", солидарных с фашистской политикой борьбы "против рабочего и национально-освободительного движения"[22].

Наоборот, Сталин, отнюдь не обремененный морально-нравственными нормами, желал бы максимально осложнить положение всех остальных - капиталистических - стран, нисколько не заботясь о гибельных для человечества последствиях мировой войны. Особенно положение крупнейших империалистических стран, в первую голову Великобритании, к которой он испытывал давнее чувство враждебности.

Впрочем, Сталин и не скрывал намерения воспользоваться мировой войной в интересах социализма. В "Кратком курсе", в котором очевидна тенденция переноса критического акцента с агрессоров, с Германии, Японии и Италии, на демократические Великобританию, Францию и США, он проводил историческую параллель между русскими либерально-монархическими буржуа, потерпевшими поражение в октябре 1917 г. из-за своей, по мнению Сталина, политики сговора с царем, и политикой западных стран, поддерживавших, по его же мнению, по классовым мотивам агрессию фашистских стран. Сталин писал: "Как известно, либерально-монархическая буржуазия России жестоко поплатилась за такую двойственную игру. Надо полагать, что правящие круги Англии и их друзья во Франции и США тоже получат свое историческое возмездие" (подчеркнуто мною. - Д.Г.)[23].

"Историческое" - значит самое сокрушительное. Следуя сталинской логике, основанной на аналогии с революцией 1917 г., нетрудно догадаться, кому, по мысли Сталина, история отводила роль исполнителя ее приговора. Порочные идеи Сталина затем благополучно перекочевали из "Краткого курса" в его доклад на 18-м партийном съезде, проходившем 10-21 марта 1939 г. (вплоть до текстуальных совпадений).

То, что советское правительство, говоря словами В.Бартлетта, "не имеет намерения оказывать какую-либо помощь Великобритании и Франции в случае их конфликта с Германией и Италией", было очевидным для А.Керка и других американских дипломатов в Москве. Статья английского корреспондента, перепечатанная в главной советской газете, привлекла внимание посольства США потому, что интерпретация в ней позиции СССР по отношению к назревавшему в Европе всеобщему конфликту вписывалась в контекст сталинской внешнеполитической стратегии.

Кстати, еще до появления разбираемой публикации в "Правде" было принято решение о созыве 18-го партийного съезда[24].

Следующая группа американских дипломатических документов относится к одному из ключевых моментов в советско-германских переговорах - беседе В.М.Молотова с Ф.Шуленбургом 20 мая.

Ранее, в апреле, немецкий посол выехал из Москвы в Тегеран для участия в церемонии бракосочетания члена семьи тамошнего монарха. Оттуда он был вызван в Берлин, где получил новые инструкции от министра иностранных дел И.Риббентропа. Посол еще не возвратился в советскую столицу, а временный поверенный в делах США в СССР С.Грамон (сменивший получившего назначение в Берлин А.Керка) доносил в госдепартамент 17 мая, основываясь на секретной информации Г.Биттенфелда: ожидается прибытие Шуленбурга с важной, но пока не известной инструкцией, и он будет принят Молотовым 20 мая[25].

В день приема Шуленбурга главой советского правительства посольство США информировало госдепартамент о существе полученных германским послом инструкций. Их основные пункты: германское правительство считает, что отныне между Германией и Россией не существует непреодолимого идеологического барьера; у Германии более нет враждебности к СССР, в связи с чем она хотела бы выяснить нынешнюю советскую позицию. Послу вменялось в обязанность соблюдать осторож-

ность, чтобы не вызвать тревогу у Японии (одного из участников Антикоминтерновского пакта)[26].

Грамон в своем донесении в Вашингтон выражал мнение, что несмотря на отрицание германской стороной связи между немецкой инициативой и тройственными переговорами в Москве, "немецкое обращение не могло не быть связанным с советско-английскими переговорами"[27]. Разумеется, сталинское руководство также не могло не понимать, что речь идет о выборе между соглашением с западными демократиями и соглашением с нацистской Германией.

Американский информатор из германского посольства подчеркивал, что "инструкции послу носят общий характер и пока не могут рассматриваться как определенное немецкое предложение Союзу Советских Социалистических Республик, хотя и являются, возможно, первым шагом в этом направлении, и что дальнейший прогресс по очерченной линии будет зависеть от того, какова будет здесь реакция на беседы с послом"[28].

Данный документ, взятый в отдельности, говорит в пользу тезиса о немецкой инициативе в вопросе переговоров об улучшении двусторонних отношений. Вероятно, поэтому составители издания "Внешняя политика Соединенных Штатов" отмечают, что советские официальные представители в Берлине, в частности советник посольства, временный поверенный в делах СССР в Германии Г.А.Астахов, еще до описываемой подготовки к приему Шуленбурга давали знать, что теперь советская внешняя политика строится на новой основе. Исследователей вопроса составители издания отсылают к немецким документам, помещенным в "Нацистско-советских отношениях. 1939-1941 годы".

Действительно, картина меняется, если обратиться к немецким документам. Еще 17 апреля посол СССР в Германии А.Ф Мерекалов, впервые за все время пребывания в Берлине (т.е. с начала июня 1938 г.) по собственной инициативе нанесший визит статс-секретарю МИД Германии Э.Вейцзеккеру, согласно меморандуму последнего, заявил в беседе, что

"идеологические расхождения... не должны стать камнем преткновения в отношении Германии. Советская Россия не использовала против нас существующих между Германией и западными державами трений и не намерена их использовать. С точки зрения России, нет причин, могущих помешать нормальным взаимоотношениям с нами. А начиная с нормальных, отношения могут становиться все лучше и лучше"[29].

Через месяц, 17 мая, Г.А.Астахов в беседе с заведующим Восточно-Европейской референтурой политико-экономического отдела МИД Германии К.Шнурре "подробно объяснил, что в вопросах международной политики у Германии и Советской России нет противоречий и поэтому нет никаких причин для трений между двумя странами"[30]. На "случайный вопрос" Шнурре советский дипломат "коснулся англо-советских переговоров в том смысле, что при нынешних условиях желательные для Англии результаты вряд ли будут достигнуты"[31]. В подтверждение возможности улучшения советско-германских отношений Астахов "неоднократно ссылался" на пример отношений СССР и фашистской Италии[32].

В выявившейся таким образом смене внешнеполитического курса сталинского руководства было мало удивительного, если учесть, что дело происходило после выступления Сталина на 18-м партсъезде (10 марта), где этот курс был официально провозглашен. А последовавшее 3 мая смещение М.М. Литвинова, который был и оставался сторонником сближения с западными странами[33] и его замена В.М.Молотовым подтвердили смену курса.

22 мая С Грамон посылает К.Хэллу подробную информацию о часовой беседе германского посла Ф.Шуленбурга с В.М.Молотовым, состоявшейся (как и было заранее оговорено) 20 мая.

В ответ на заявление посла, что он нашел в Берлине новую, более благоприятную по отношению к СССР атмосферу, и что следует возобновить экономические переговоры, Молотов выразил сомнения в перспективности таких переговоров, пока между двумя сторонами не создана соответствующая

"политическая база", в связи с чем поинтересовался мнением посла[34].

Дальнейший разговор сконцентрировался на политическом аспекте советско-германских отношений, причем каждый из собеседников попытался выведать у другого что-либо конкретное. Шуленбург сказал, что как посол, он не может определять политику своего правительства; Молотов же, будучи главой правительства, обладает для этого полномочиями и может объяснить, что он имеет в виду под "политической базой". Молотов, однако, уклонился от расшифровки своего предложения, ограничившись словами о том, что вопрос требует дальнейшего обсуждения[35].

Недавно опубликованная советская версия этой беседы подтверждает, что именно советской стороне принадлежала инициатива перевода переговоров между двумя странами с экономических на политические рельсы. После упоминания молотовского предложения о том, что "экономическим переговорам должно предшествовать создание соответствующей политической базы", в записи беседы (подписанной Молотовым), говорится: "Во время этой беседы видно было, что для посла сделанное мною заявление было большой неожиданностью. Он всячески пытался заверить, что Германия серьезно относится и рассчитывает на заключение экономического соглашения с СССР. Посол, кроме того, весьма стремился получить более конкретные разъяснения о том, какая именно политическая база имеется в виду в моем заявлении, но от конкретизации этого вопроса я уклонился"[36].

Хотя В.М.Молотов уклонился от конкретизации своего интереса к политическому соглашению с Германией, Шуленбург в своем выводе оказался близок к истине: "...Только определенное предложение, исходящее от германского правительства, будет здесь рассматриваться всерьез"[37]. Какого "определенного предложения" от немцев ожидало сталинское руководство? Не согласия ли Германии на территориальное расширение СССР за счет его западных соседей, на что указывали дискуссии на тройственных переговорах по вопросу о "га-

рантиях советской безопасности"? Эти ожидания "определенного предложения" с немецкой стороны и привели в конце концов к сделке Сталина с Гитлером о разделе сфер интересов в Восточной Европе.

Но нацистские руководители еще не были готовы к сделке, по-видимому, выжидая более приемлемого для себя момента. 25 мая С.Грамон сообщает К.Хэллу о реакции Берлина на предложение Молотова: воздержаться от дальнейших шагов по сближению с советским правительством[38]. Через месяц, 29 июня, в очередном послании в госдепартамент американское посольство сообщало, что в беседах с Ф.Шуленбургом (только что вернувшимся из Берлина) И.Риббентроп все еще не дает определенного ответа на предложение В.М.Молотова подвести "политическую базу" под двусторонние отношения[39].

До того, как 29 июня произошла вторая (после 20 мая) встреча В.М.Молотова с Ф.Шуленбургом, депеши, посылаемые американским посольством в госдепартамент, в основном касались советско-германских экономических переговоров. Такие переговоры шли - не очень активно, но и без формального разрыва[40].

Запрос Шуленбурга о новой, второй встрече с Молотовым был тут же удовлетворен. Без сомнения, глава советского правительства спешил узнать ответ на свое предложение относительно "политической базы". Однако его ждало разочарование. Германский посол повторил заверения об отсутствии у Германии агрессивных намерений, приведя в подтверждение такие аргументы: полное прекращение антисоветских публикаций в германской прессе, уступка Венгрии Закарпатской Украины, заключение договоров о ненападении между Германией с Эстонией и Латвией (7 июня)[41].

Когда Молотов ответил, что договоры с прибалтийскими странами заключены не с СССР, посол поинтересовался, не желает ли Советский Союз заключить с Германией аналогичный договор. "Молотов уклонился от обсуждения этого вопроса"[42]. Далее Молотов жаловался на несоблюдение Германией советско-германского договора 1926 г., указал на ненадежность

договоров о ненападении в свете аннулирования Германией 27 апреля 1939 г. такого договора (1934 г.) с Польшей.

Молотов ответил утвердительно на вопрос, распространяется ли на Германию советская политика поддержания нормальных отношений со странами, которые не покушаются на интересы СССР[43]. (Заявление, содержавшееся в выступлении Сталина на 18-м съезде, которое как раз и было расчитано на отклик в Германии).

Любопытен вывод, к которому пришли немцы по результатам второй встречи посла с главой советского правительства: "...Молотов снова занял выжидательную позицию в вопросе германо-советских отношений, но проявил определенный интерес к возможности конкретного предложения политического характера, которое исходило бы от Германии"[44]. Самому Советскому Союзу, учитывая продолжавшиеся в Москве переговоры с Великобританией и Францией, проявлять излишнюю инициативу на параллельных, но тайных переговорах с Германией было, конечно, ни к чему.

Тем временем возобновились советско-германские экономические переговоры, на этот раз в Берлине[45]. Но инструкция МИД Германии Ф.Шуленбургу по-прежнему предписывала воздерживаться от каких-либо шагов по сближению с СССР[46]. Из рассматриваемых документов не ясны причины медлительности германской стороны - то ли сказывалась борьба мнений в нацистском руководстве[47], то ли Гитлер выжидал, чтобы "советский плод" окончательно созрел. Наконец, из сообщения ТАСС, опубликованного 22 июля, о возобновлении советско-германских переговоров о кредитах и торговле (см.телеграмму С.Грамона от 22 июля[47]) узнали и советские люди.

Экономические переговоры, как об этом свидетельствуют донесения американского посольства из Москвы, фактически возобновились раньше. Задержку с официальным объявлением об этом можно объяснить политическими соображениями - пониманием того международного резонанса, который неизбежно вызвало бы любое улучшение советско-германских отношений. Прежде всего это не могло не сказаться на тройственных пе-

реговорах, провозглашенной целью которых было изолировать нацистского агрессора.

На Западе многие государственные деятели (но далеко не все) отказывались верить в возможность советско-германского сближения. Показательно послание посла США в Польше А.Биддла-младшего, отправленное К.Халлу 3 августа. В нем излагалось мнение министра иностранных дел Польши Ю.Бека, который не верил, вопреки циркулировавшим слухам, в возможность сближения Берлина с Москвой, по крайней мере в ближайшем будущем. Не верил по причине, как полагал Бек, фундаментальных расхождений в доктринах нацизма и коммунизма, служащих основой внешней политики Германии и СССР. Бек считал, что легче Западу найти какое-то взаимопонимание со странами оси, чем нацистам с коммунистами[48].

По-другому думали немецкие дипломаты в Москве, равно как люди из сталинского окружения. 6 августа С.Грамон передает в Вашингтон выводы, к которым пришел по итогам еще одной беседы В.М.Молотова с Ф.Шуленбургом (3 августа) американский информатор в германском посольстве: наблюдается улучшение советско-германских отношений, но потребуется время для устранения советского недоверия. В этом же дипломатическом документе ссылка Молотова на стремление СССР к соглашению "о действенной обороне против агрессии" интерпретировалась как согласие на такую договоренность с Великобританией и Францией, партнерами Советского Союза по московским переговорам, которая будет основана "исключительно на советских условиях"[49].

Многое говорит о том, что к началу августа 1939 г., последнему предвоенному месяцу в Европе, советско-германским отношениям было придано роковое ускорение - сказалась подготовительная работа и с той, и с другой стороны в предыдущие месяцы.

9 августа А.Керк сообщает из Берлина К.Халлу, основываясь на информации, полученной им от Г.А.Астахова: на советско-германских экономических переговорах наблюдается быстрый прогресс[50].

В.М.Молотов в ходе полуторачасовой беседы с Ф.Шуленбургом, состоявшейся 15 августа, получает долгожданный ответ на свое предложение от 20 мая подвести под советско-германские отношения прежде всего "политическую базу". На следующий день новый американский посол в СССР Л.Штейнгардт (он вручил свои верительные грамоты 8 августа) подробно изложил содержание беседы в телеграмме в госдепартамент США.

Это была та самая беседа, в ходе которой с немецкой стороны было сделано заявление об отсутствии столкновения интересов Германии и СССР в регионе "от Балтики до Черного моря", подкрепленное готовностью обсудить "любые территориальные вопросы в Восточной Европе"[51]. Это вполне соответствует памятной записке, врученной Шуленбургом во время беседы Молотову (теперь опубликованной и в Советском Союзе), в которой говорится: "Германское правительство стоит на точке зрения, что между Балтийским и Черным морями не существует ни одного вопроса, который не мог бы быть разрешен к полному удовлетворению обеих стран. Сюда относятся вопросы Балтийского моря, Прибалтийских государств, Польши, Юго-Востока и т.п."[52]. Яснее не скажешь.

Немцы стояли за всемерное форсирование переговоров, для чего хотели послать в Москву министра иностранных дел И.Риббентропа[53].

Теперь и Молотов оказался готов несколько расшифровать свое майское предложение о подведении под двусторонние отношения "политической базы". Он изложил советские условия соглашения: 1) заключение пакта о ненападении; 2) немецкий отказ от поощрения японской агрессии на Дальнем Востоке; 3) урегулирование взаимных интересов в Прибалтике. Условия эти следовало предварительно обсудить[54].

Американский посол писал, что советско-германские переговоры происходят втайне от Великобритании и Франции[55]. Так оно, разумеется, и было.

21 августа Л.Штейнгардт телеграфирует в Вашингтон об опубликованном в тот же день сообщении ТАСС о заключении

советско-германского кредитного соглашения (с перечислением его условий). Внимание госдепартамента привлекалось к передовым статьям в "Правде" и "Известиях", посвященных соглашению. Цитировалась заключительная фраза из передовицы "Правды": "Оно может явиться серьезным шагом в деле дальнейшего улучшения не только экономических, но и политических отношений между СССР и Германией"[58].

В тот же день (21 августа) в Берлине было опубликовано сообщение германского телеграфного агентства (переданное также по радио) о том, что "германское и советское правительства согласились заключить пакт о взаимном ненападении" и что для его заключения министр иностранных дел Германии И.Риббентроп прибудет в Москву 23 августа. Тут же поверенный в делах США в Берлине А.Керк направил в Вашингтон соответствующую телеграмму[57].

На следующий день такую же информацию послал из Москвы Л.Штейнгардт. От себя посол добавил: "Быстрое развитие советско-германских отношений явилось полным сюрпризом для английского и французского посольств и их персонал..."[58].

По-своему любопытна телеграмма А.Керка, посланная из Берлина 22 августа, в которой излагалось мнение "советского дипломата из посольства в Берлине, только что вернувшегося из Москвы". Любопытна объяснениями, которые давались предстоявшему заключению советско-германского договора. Договор, со слов советского дипломата, оправдывался такими соображениями: отказом Великобритании и Франции предоставить (на тройственных переговорах в Москве) исчерпывающую информацию о своих армиях; их отказом согласиться, в случае войны, на большее, чем на консультации; английскими уступками Японии на Дальнем Востоке и готовностью Великобритании пойти на "второй Мюнхен" за счет Польши. Советский источник не исключал продолжения англо-франко-советских переговоров после заключения советско-германского договора и даже того, что "явный" акт агрессии Германии против Польши может привести к участию СССР в антигерманском союзе[59].

Трудно представить себе, чтобы "советский дипломат из

посольства в Берлине" был посвящен в помыслы сталинского руководства; его информация больше похожа на пропагандистское прикрытие уже подготовленной сделки. Главное же в другом: пакт с Гитлером отвечал сущности и целям сталинской внешней политики; все прочие соображения, включая неудачу трехсторонних переговоров, имели второстепенное значение.

23 августа посол США в Великобритании Дж.Кеннеди послал К.Хэллу длинную телеграмму, целиком посвященную намеченному подписанию советско-германского договора о ненападении. В телеграмме передавалось содержание бесед посла с министром иностранных дел Великобритании Э.Галифаксом и главным политическим советником британского МИДа Р.Ванситартом.

Галифакс поделился информацией, поступившей от посла Великобритании в Москве У.Сидса. Последний сообщал об ответе В.М.Молотова на вопрос посла о том, будет ли советско-германский договор включать обычный для соглашений о ненападении с советским участием пункт о его неприменимости в случае акта неспровоцированной агрессии. Ответ, высказанный в явном замешательстве, гласил: "Посмотрим, что будет потом"[60].

Разъяснения, которые давались в Москве официальными советскими лицами по поводу перемены во внешней политике СССР, оказались неубедительными для англичан. По оценке Галифакса, "русский ответ едва ли мог быть более неудовлетворительным"[61].

Р.Ванситарт предвидел, что заключаемый между Германией и СССР договор предусматривает "4-й раздел" Польши[62].

Заявление Галифакса об английской решимости защитить Польшу американский посол комментировал так: "Однако у меня сложилось твердое убеждение, что они (англичане. - Д.Н.) не хотят быть большими поляками, чем сами поляки, и что они молятся, чтобы поляки как можно скорее нашли какой-либо способ урегулировать свои споры с немцами"[63].

Следующие два документа, датированные 24 августа, передавали в Вашингтон содержание советско-германского дого-

вора и секретного протокола к нему.

В первом из них кратко перечислялись все семь статей договора, текст которого появился в советской печати в тот же день[64]. Второй документ - телеграмма американского посла, излагавшая содержание секретного дополнительного протокола, наличие которого долго отрицалось советской стороной - он был опубликован в СССР только в 1989 г.[65].

Зашифрованная телеграмма Л.Штейнгардта с содержанием секретного протокола была отправлена в Вашингтон в полдень 24 августа (как известно, советско-германский договор и секретный дополнительный протокол, датируемые 23 августа, на самом деле были подписаны в первые часы следующего дня). То, что оставалось тайной для подавляющего большинства советских людей в течение полстолетия, стало известно правительству США в считанные часы. Телеграмма основывалась на данных, полученных от информатора в германском посольстве в Москве[66].

Посол писал, что он получил "строго конфиденциальное сообщение" о достижении между Германией и СССР полного взаимопонимания относительно территориальных изменений в Восточной Европе, конкретно относительно Эстонии, Латвии, восточной части Польши, Бессарабии, признанных сферой советских интересов[67].

Как видим, в этом перечне отсутствует Финляндия, которая также фигурировала среди обреченных на сталинский произвол стран. Штейнгардт в телеграмме особо отмечал, что "Финляндия, по-видимому, не упоминается (в секретном протоколе. - Д.Н.)"[68]. Однако это была ошибка, одна из немногих, допущенных информатором из германского посольства.

Телеграмма американского посольства заканчивалась еще одной немаловажной констатацией: "Как мне сообщили, переговоры вел сам Сталин, который не скрыл от Риббентропа, что он давний сторонник советско-германского сближения. После заключения договора Сталин поднял тост за Гитлера и за "возрождение традиционной германо-русской дружбы"[69].

Еще в одной телеграмме от 24 августа Л.Штейнгардт вы-

оказывал мнение, что "по существу, далеко идущее соглашение по политическим вопросам было достигнуто между правительствами Германии и Советского Союза до решения послать Риббентропа в Москву и пребывание здесь Риббентропа носило прежде всего характер театрального жеста, рассчитанного на то, чтобы произвести впечатление на мировое общественное мнение, в частности, на английское и французское"[70]. Несомненно одно: поездка И.Риббентропа в Москву состоялась именно потому, что обе стороны еще до этого выказали готовность к взаимной договоренности.

Далее документы, опубликованные в рассматриваемом первом томе (за 1939 г.) "Внешней политики Соединенных Штатов", касаются ближайших последствий советско-германского договора. Они также представляют большой интерес, поскольку в известной мере раскрывают сущность сделки Сталина с Гитлером.

31 августа, в канун гитлеровского нападения на Польшу (и начала всеобщей войны в Европе), поверенный в делах США в Германии А.Керк передал в госдепартамент, что секретарь советского посольства в Берлине назвал слухи о советско-германском соглашении о совместных действиях против Польши "злобным измышлением". Керк, однако, полагал, что в советском посольстве вряд ли располагали полной информацией о советско-германском договоре[71].

Ратификация советско-германского договора о ненападении Верховным Советом СССР, состоявшаяся 31 августа, была прокомментирована послом Л.Штейнгардтом в телеграмме К.Хэллу от того же числа. Особое внимание привлекло выступление В.М.Молотова, который "построил свои рассуждения о договоре на речи Сталина на 18-м партийном съезде, опустив, что примечательно, ту часть речи, в которой заявлялось, что Советский Союз поддержит страны, ставшие жертвами агрессии"[72]. Другими словами, путь к договору был проложен еще в марте 1939 г., когда состоялся 18-й съезд ВКП(б) и на котором Сталин сделал особый упор на готовности установить "мирные, близкие и добрососедские отношения" со всеми странами - при одном условии: "поскольку они не попытаются нарушить инте-

ресы нашей страны", "поскольку они не попытаются нарушить, прямо или косвенно, интересы целости и неприкосновенности границ Советского государства"[73].

Агрессия нацистской Германии против Польши сконцентрировала внимание американских дипломатов в Москве на позиции СССР. Л.Штейнгардт в телеграмме, направленной в госдепартамент I сентября, с одной стороны, подвергал сомнению достоверность слухов о тайном военном соглашении Германии и СССР, направленном против Польши, а с другой - писал: "Однако соглашение (советско-германский договор от 23 августа 1939 г. - Д.Н.), как представляется, не исключает вознаграждения Советского Союза, пожелай он этого, посредством военной оккупации"[74]. Понятно, имелось в виду "вознаграждение" за счет Польши.

У.Буллит, посол США во Франции, менее других американских дипломатов в европейских столицах был склонен доверять сталинскому руководству. В телеграмме К.Хэллу от 2 сентября он писал, сопоставляя заявление советского посла в Варшаве о том, что советско-германский договор не имеет отношения к торговле между СССР и Польшей, с прибытием в Берлин советской военной миссии: "Это может означать, что советское правительство намерено оказывать дозированную помощь обеим сторонам в начавшейся войне, чтобы она продолжалась как можно дольше - для того, чтобы максимально продлить страдания и чтобы в конечном счете свежие советские армии смогли промаршировать по континенту"[75].

Последний документ из рассматриваемой серии - меморандум Л.Гендерсона от 2 сентября. В нем анализировался текст уже упомянутого выступления В.М.Молотова на сессии Верховного Совета СССР, утвердившего советско-германский договор о ненападении.

Меморандум фиксировал внимание на следующих моментах выступления: I) отсутствие упоминания "мировой революции". Гендерсон задавался вопросом, не означает ли это, что Сталин, как и предвидел Л.Д.Троцкий, отбросил идею мировой революции; 2) отсутствие твердого обязательства не вмеши-

ваться в европейский конфликт; 3) не означает ли подчеркивание международного значения советско-германского договора, что это больше, чем просто договор о ненападении? 4) вина за возникновение войны в Европе скорее возлагается на Великобританию и Францию, чем на Германию; 5) отсутствие ссылки на положение о помощи жертвам агрессии, содержавшееся в речи Сталина на 18-м партийном съезде. Гендерсон комментировал: "Считают, что Сталин включил это положение, чтобы вновь заверить Китай в продолжении помощи. Не означает ли умолчание Молотова выражение советской готовности пересмотреть свою политику в отношении Китая?"[76].

Американские дипломатические документы о развитии советско-германских отношений, приведшем к заключении договора о ненападении между СССР и Германией 23 августа 1939 года, позволяют сделать ряд выводов.

Советско-германский договор, как видно из этих документов, отвечал антидемократической, имперской сущности сталинской внешней политики. Подтверждение тому - секретный дополнительный протокол к договору. Судя по документам, ответ на вопрос, какой из сторон - германской или советской - принадлежала инициатива заключения договора, можно свести к следующему положению: обе стороны, хотя и по причинам далеко не одинаковым, но обоюдно стремились к урегулированию взаимоотношений. Как видно из этих же документов, не август 1939 г., а май, июнь, июль 1939 г. были критически важным периодом, если говорить о времени, когда произошло сближение международных позиций нацистской Германии и сталинского Советского Союза. В преддверии германского нападения на Польшу это встречное движение решительно ускорилось.

Примечания

1 Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol.1-5. Wash., 1955-1957. Vol.I. General. P.312-350.

2 Nazi-Soviet Relations. 1939-1941; Documents from the Archives of the German Foreign Office / Ed. by R.J.Sontag, J.S. Beddie. Wash., 1948; FRUS. Diplomatic Papers. The Soviet

Union, 1933-1939. Wash., 1952.

3 The Memoirs of Cordell Hull. Vol.1-2. N.Y., 1948; A Question of Trust: The Origins of U.S. - Soviet Diplomatic Relations. The Memoirs of Loy W.Henderson / Ed., with an introd. by G.W.Bae.. Stanford, 1986; Bohlen Ch.E. Witness to History, 1929-1969. N.Y., 1973.

4 Вокруг пакта о ненападении (Документы о советско-германских отношениях 1939 года) // Международная жизнь. 1989. № 9. С.90-123.

5 Год кризиса. 1938-1939. Документы и материалы: В 2 т. М., 1990. Т.I. С.5.

6 Там же. С.25.

7 СССР - Германия. 1939-1941. Кн.I-2 / Сост.Ю.Фельштинский. Вильнюс, 1989.

8 Фальсификаторы истории. (Историческая справка). М., 1948. С. 6,7.

9 Langer W.L., Gleason S.E. The Challenge to Isolation, 1937-1940. N.Y., 1952. P.122.

10 Bennett E.M. Franklin D.Roosevelt and the Search for Security: American-Soviet Relations, 1933-1939. Wilmington, 1985. P.137.

11 Bohlen Ch.E. Witness to History. P.69-72.

12 Langer W.L., Gleason S.E. Op.cit. P.124-125.

13 The Memoirs of Cordell Hill. Vol.1. P.655-656. См. FRUS. 1938. Vol.I. P.106.

14 Международная жизнь. 1989. № 9. С.125.

15 FRUS. 1939. Vol.1. P.313.

16 Ibid. P.316.

17 Ibid. P.317.

18 Ibid. P.313. По-другому дело изложено в телеграмме полпреда СССР в Германии А.Ф.Мерекалова в НКИД СССР от 12 января 1939 г.: "Обходя послов, Гитлер поздоровался со мной, спросил о житье в Берлине, о семье, о поездке в Москву, подчеркнул, что ему известно о моем визите к Шуленбургу в Москве, пожелал успеха и распрощался...Внешне

Гитлер держался очень любезно и, несмотря на мое плохое владение немецким языком, поддерживал свой разговор без переводчика". // Год кризиса. Т.I. С.186.

19 FRUS. 1939. Vol.I. P.314.

20 Ibidem.

21 История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред.Комиссии ЦК ВКП(б). М., 1938. С.318.

22 Там же. С.319.

23 Там же.

24 Правда. 1939. 27 января.

25 FRUS. 1939. Vol.1. P.318-319.

26 Ibid. P.319-320.

27 Ibid. P.320.

28 Ibidem.

29 Nazi-Soviet Relations. P.2.

30 Ibid. P.5.

31 Ibidem.

32 Ibidem.

33 Громыко А.А. Памятное. Кн.I-2. М., 1988. Кн.2. С.321-322; Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.Чуева. М., 1991. С.95.

34 FRUS. 1939. Vol.1. P.321.

35 Ibidem.

36 Год кризиса. Т.I. С.483.

37 FRUS. 1939. Vol.1. P.321.

38 Ibid. P.322. См.также: Nazi-Soviet Relations. 1939-1941. P.7, 9, 10-11.

39 FRUS. 1939. Vol.1. P.326-327.

40 Ibid. P.322-326.

41 Ibid. P.327-328.

42 Ibid. P.328.

43 Ibidem.

44 Ibid. P.329.

45 Ibid. P.329-330.

46 В депеше из Берлина от 3 июля поверенный в делах США

в Германии А.Керк оценивал факт возобновления экономических переговоров с СССР в немецкой столице вместо посылки Ю.Шнурре в Москве как компромисс между сторонниками и противниками сближения с СССР. - Ibid. P.329.

47 Ibid. P.330-331.

48 Ibid. P.331.

49 Ibid. P.332-333.

50 Ibid. P.333.

51 Ibid. P.334.

52 Международная жизнь. 1989. №9. С.99.

53 FRUS. 1939. Vol.1. P.334.

54 Ibid. P.335.

55 Ibidem.

56 Ibid. P.336.

57 Ibid. P.338.

58 Ibid. P.338.

59 Ibid. P.339.

60 Ibid. P.339.

61 Ibid. P.340.

62 Ibid. P.339.

63 Ibid. P.341.

64 Ibid. P.342.

65 См.: Международная жизнь. 1989. № 9. С.91-92.

66 The Memoirs of Low W.Henderson. P.563-564.

67 FRUS. 1939. Vol.1. P.343.

68 Ibidem.

69 Ibidem.

70 Ibid. P.344.

71 Ibid. P.345-346.

72 Ibid. P.346-347.

73 ХУШ съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 10-21 марта 1939 г. Стенограф.отчет.М.1939.С.15.

74 FRUS. 1939. Vol.1. P.347-348.

75 Ibid. P.348-349.

76 Ibid. P.349-350.

М.Л.Коробочкин

ДОКУМЕНТЫ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ОБ АНГЛО-ФРАНКО-СОВЕТСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ 1939 г.

Политические и военные переговоры между Англией,Францией и СССР, проходившие в Москве весной-летом 1939 г., стали последней попыткой коллективными усилиями предотвратить дальнейшую экспансию фашистской Германии в Европе. Их ход и результаты тесно связаны с шедшими параллельно тайными советско-германскими переговорами. Срыв договоренности между СССР и Западом и резкая переориентация Сталина на Германию, которая привела к заключению "пакта Риббентропа-Молотова", означали неминуемое перерастание политического кризиса 1939 г. в мировую войну. Драматизм ситуации усугублялся тем, что кризис на московских переговорах возник тогда, когда партнеры уже проделали огромную работу и преодолели многие разногласия по политическим вопросам: текст политического соглашения между Англией,Францией и СССР был в основном выработан.

Рассматриваемые в данном сообщении документы позволяют, на наш взгляд, показать причины такого поворота событий, а также существенно скорректировать распространенную в историографии точку зрения об однозначной ответственности западных держав, и прежде всего Англии, за неудачный исход переговоров. Они дают достаточно полное представление о целях британской политики в отношении СССР и позволяют полнее осветить некоторые методы действий советской стороны на московских переговорах.

Документы, о которых пойдет речь, были обнародованы в Великобритании в конце 60-х годов и оказали существенное влияние на британскую историографию 70-х - 80-х гг. В трудах же советских историков они, на наш взгляд, использовались пока недостаточно. Рассматриваемые материалы британского кабинета министров включают протоколы заседаний всего кабинета, а также его внешнеполитического комитета (фактически более узкий состав правительства, куда входи-

ли премьер-министр, министры внутренних дел, по координации обороны, министры финансов, иностранных дел, колоний, по делам доминионов и др.), занимавшегося как подготовкой и детальным обсуждением внешнеполитических вопросов перед вынесением на кабинет, так и принятием конкретных решений. Используются и прилагаемые к ним для информации меморандумы, докладные записки, донесения послов, инструкции дипломатам и проекты соглашений. Весной-летом 1939 г. вопросы, связанные с тройственными переговорами, обсуждались почти на каждом заседании правительства и внешнеполитического комитета, занимая одно из важнейших мест в их работе. Конечно, многие конкретные шаги осуществлялись непосредственно руководством Форин Оффис во взаимодействии с премьер-министром, однако наиболее важные проблемы, касавшиеся целей переговоров на различных этапах, и решения, обусловившие их ход и результаты, нашли свое отражение в рассматриваемых протоколах.

Что касается достоверности источника, то, на мой взгляд, она несомненна. Материалы не предназначались для публикации, заседания, как правило, имели характер свободной дискуссии, где все члены правительства могли высказать свои мнения. Можно считать, что данный источник в целом адекватно отражает намерения правительства в тот или иной момент, показывает расстановку сил внутри кабинета и процесс принятия решений. При этом, конечно, необходимо сделать поправку на то, что полнота информации, сообщаемой своим коллегам (прежде всего самим премьер-министром), была различной. Кроме того, в документах кабинета, конечно, не могла отразиться подлинная закулисная роль и влияние ближайшего окружения Н.Чемберлена, его "команды", возглавлявшейся Г.Вильсоном, который нередко присутствовал на заседаниях.

Большой объем источника и сложность рассматриваемой проблемы не позволяют в рамках данного сообщения охарактеризовать все стадии англо-франко-советских переговоров с необходимой полнотой. Поэтому хотелось бы привести в

начале несколько общих соображений концептуального порядка, основанных на анализе документов кабинета, затем остановиться на эволюции британской позиции в ходе переговоров, и несколько подробнее проанализировать один из ключевых моментов, который в конечном итоге привел к срыву политического соглашения - вопросу о гарантиях независимости прибалтийских государств от косвенной агрессии.

Как известно, захват Германией Чехословакии не вызвал поначалу адекватной реакции со стороны британского правительства: заявления Чемберлена в парламенте от 14 и 15 марта по этому поводу были более чем одержанными. Однако уже 17-го, выступая в Бирмингеме, премьер-министр довольно резко осудил действия нацистов, а на следующий день Риббентропу были переданы английская и французская ноты протеста.

Осознание того, что ни Мюнхен, ни англо-германская декларация о ненападении не приносят желаемого результата и не обеспечивают безопасности Британии, начало приходить к некоторым членам кабинета еще в конце 1938 г. Так, на одном из заседаний кабинета в ноябре министр иностранных дел Э.Галифакс заявлял о необходимости "решительного" подхода в отношениях с Германией, подкрепленного демонстрацией силы с тем, чтобы развеять убеждение нацистов в слабости Англии[1]. В конце января 1939 г. внешнеполитический комитет обсуждал полученную британской разведкой информацию (впоследствии не подтвердившуюся) о готовящемся германском вторжении в Голландию. Вдохновляемые Галифаксом, министры заняли довольно решительную позицию, резко контрастировавшую с послемюнхенской эйфорией. Было решено, в случае, если голландцы окажут агрессору сопротивление, считать необходимым вступление Британии в войну, а также начать штабные переговоры с Францией[2]. И хотя "военная тревога" конца января - начала февраля оказалась ложной, факторы, побудившие британцев занять такую позицию, сохранялись. Правительство должно было считаться с тем, что дальнейшее по-

творство нацистской агрессии подорвет влияние Англии в Европе и в глазах доминионов, лишит ее союзников, усугубит наметившееся стремление ряда малых и средних стран к ориентации либо на строгий нейтралитет, либо на Германию.

Новый виток германской экспансии в марте 1939 г. (захват Чехословакии и Мемеля, ультиматум Польше) потребовали от британского правительства перейти от консультаций к активным действиям, воплотить на практике наметившуюся тенденцию к более решительному противодействию агрессору. Эта линия могла быть реализована только коллективными усилиями, поэтому в марте Лондон отказывается от сдержанного, даже негативного отношения к союзам с другими государствами (помимо Франции), в том числе в Восточной Европе, характерного для британской политики предвоенного десятилетия, и начинает совместно с французским правительством создавать на границах Германии "фронт мира" - своеобразную замену Версальской системы, разрушенной в немалой степени усилиями самих "умиротворителей". На практике это воплощалось в формировании на путях возможной агрессии барьера из государств, связанных с Англией и Францией гарантиями независимости. Приоритет получило наиболее угрожаемое - восточноевропейское направление. 31 марта Англия предоставляет гарантии Польше, 13 апреля - Румынии и Греции. Начинаются переговоры с целью подключения к этой схеме СССР и Турции, предпринимаются попытки добиться согласия прибалтийских стран на англо-французские гарантии.

Ряд мер по укреплению обороноспособности страны весной-летом 1939 г. (увеличение территориальной армии, введение воинской повинности, начало штабных переговоров с французами) должен был подкрепить эту политику недвусмысленной демонстрацией силы и решительных намерений.

В то же время новая линия британской политики была отмечена значительными колебаниями, беспорядочностью и неопределенностью действий[3]. Частично это объяснялось тем, что курс на "сдерживание" начал осуществляться слишком поздно, когда инициатива была уже захвачена агрессором,

поэтому предпринимаемые англичанами и французами шаги зачастую имели импровизированный характер, были лишь ответной, не всегда адекватной реакцией на действия Германии. Им так и не удалось вырвать у Гитлера инициативу, а ответные меры, хотя и принимались в срочном порядке, часто запаздывали.

Но были и другие, более важные факторы, ставившие политику сдерживания в строго определенные рамки. Главной целью правительства Чемберлена было вынудить Германию пойти на уступки, приостановить ее экспансию и защитить свои интересы мирными средствами, не прибегая к войне, угрожавшей даже в случае победы ослаблением британских позиций в Европе и крушением империи. Как заметил министр финансов сэр Джон Саймон, "мы не готовимся к войне, мы строим фронт мира"[4]. Такая задача требовала определенной дозировки политического давления на Германию, равно как и осторожности в отношении будущих союзов и взятых на себя обязательств, чтобы не допустить "случайного" вступления в войну. Политика гарантий оставляла Лондону некоторый простор для маневра и достаточно широкой трактовки своих обязательств в случае, если ситуация обострится до предела. Суть концепции сдерживания достаточно откровенно сформулировал Н.Чемберлен: "Наш общий курс в отношении Германии направлен не на защиту отдельных государств, которые могут оказаться под угрозой с ее стороны, а на предотвращение германского господства на континенте, в результате чего Германия усилится настолько, что сможет угрожать нашей безопасности"[5].

Кроме того, ужесточение британской позиции не означало отказа от попыток договориться с Германией, если не с Гитлером, то с более "умеренными" кругами. Рецидивы "умиротворения" и иллюзии относительно возможности компромисса с агрессором мешали выработке последовательного курса на сдерживание Германии, побуждали Чемберлена и его окружение идти на закулисные контакты с нацистскими эмиссарами, делать им далеко идущие предложения, что существенно ослабляло впечатление силы и решимости, которое англий-

ское руководство стремилось создать у Гитлера. По мере обострения обстановки политика сдерживания все больше приобретала форму панических попыток любой ценой отсрочить начало войны хотя бы на год. Однако при этом необходимо отметить ее качественное отличие от "умиротворения" 1935-1938 гг.: англичане поставили своим уступкам четкий предел, дальше которого они не собирались идти. Так, 2 августа, при обсуждении возможности "мирного урегулирования" проблемы Данцига и коридора Галифакс заметил: хотя сам по себе Данциг "не представляет casus belli", но в случае возникновения из-за этого конфликта угрозы польской независимости Британия вступит в войну[6].

Переход Лондона, хотя и с существенными оговорками, на путь противодействия агрессору сделал возможным начало московских переговоров, но его стремление избежать обязательств военного характера и переоценка своих возможностей добиться цели мирными средствами оказали значительное негативное воздействие на их ход и результаты.

Непосредственное вступление в контакт с советским правительством в марте 1939 г. диктовалось как целями политики сдерживания, так и определенным переосмыслением роли СССР в европейской политике. Еще в ноябре 1938 г. Галифакс отмечал: Россия плохо ли, хорошо ли, но является частью Европы, и мы не можем игнорировать ее существование"[7]. Кроме того, после Мюнхена британское правительство опасалось, что изоляция СССР при решении судьбы Чехословакии может толкнуть его к сближению с Германией. В беседе с американским послом Дж.Кеннеди Галифакс указывал, что во избежание этого Англия будет по возможности пытаться наладить отношения с советским правительством[8].

Более того, на востоке Европы только СССР мог послужить достаточно мощным фактором сдерживания германской агрессии, а в случае начала войны - оказать непосредственную помощь Польше и Румынии.

Такого рода опасения и надежды активно поддерживались и советской стороной: так, в беседе 9 марта 1939 г. между

министром внешней торговли Великобритании Р.Хадсоном и советским послом И.М.Майским последний подчеркнул, что в результате политики "умиротворения" и особенно Мюнхена в СССР возросло недоверие к Англии и появились изоляционистские настроения. Одновременно он указал на необходимость сотрудничества и поддержки СССР, без чего Англия и Франция "не смогут устоять перед германской агрессией"[9].

Английская инициатива от 18 марта была реакцией на германский ультиматум Румынии и в то же время одной из импровизаций Лондона, а не продуманным предложением союза, хотя она имела под собой некоторую подготовленную почву.

Несмотря на готовность советского правительства присоединиться к предложенной англичанами декларации о консультациях, и принятое кабинетом на заседании 20 марта решение продолжать усилия в этом направлении, британское правительство вскоре отказалось от своей инициативы. С самого начала идея сотрудничества с СССР встретила препятствия как внешнеполитического порядка, так и внутри самого кабинета. На заседании внешнеполитического комитета 27 марта, где обсуждалась судьба декларации, Чемберлен сообщил министрам, что Польша категорически отказалась к ней присоединиться из-за опасений вызвать недовольство Германии, а также из-за "врожденной неприязни и недоверия" к Советской России. О своем отрицательном отношении к сотрудничеству между западными державами и СССР дали понять также Румыния, Финляндия, Югославия, Италия, Испания и Португалия. "Наши попытки создать фронт против германской агрессии,- резюмировал Чемберлен, - потерпят неудачу, если Россия окажется тесно связанной с этой схемой"[10]. Несмотря на возражения отдельных министров, в частности С.Хора, комитет принял точку зрения Чемберлена, что "настаивать на партнерстве с Россией - значит разрушить все шансы на создание единого...фронта против германской агрессии"[11]. Позднее против сотрудничества с СССР высказа-

лись и британские доминионы: Канада, Южноафриканский союз и Новая Зеландия[12].

Другим существенным моментом являлось убеждение англичан в военной и экономической слабости Советского Союза, возникшее на основе донесений британского посольства в Москве и оценок Комитета начальников штабов[13]. Считая, что мощь Красной Армии подорвана чистками офицерского состава, ее техническое оснащение оставляет желать лучшего, а экономические возможности не позволят снабжать и оснащать армию, превышающую 30 дивизий для наступательных действий за пределами СССР, начальники штабов и министр по координации обороны лорд Чэтфилд в то же время отмечали большие оборонительные возможности России и считали желательным иметь ее в качестве союзника на случай войны[13]. Такая оценка обусловила отношение к СССР как к важному, но все же второстепенному фактору в Европе, "неопределенной величине".

В то же время британское правительство не желало отвергать саму идею сотрудничества с СССР, намереваясь предложить ему секретное соглашение, согласно которому он мог бы оказывать помощь Польше и Румынии в случае агрессии против них[14]. Позднее эта идея материализовалась в виде предложения об односторонних гарантиях этим странам со стороны СССР.

Возобновленные по инициативе Советского Союза и Франции контакты вначале также не принесли успеха: советское предложение о широком военно-политическом альянсе трех держав от 17 апреля поставило британское правительство перед теми же трудностями. Необходимость объединить вокруг себя максимально большее число различных европейских государств, поддержания в этих целях хороших отношений с рядом антисоветски настроенных правительств, учет позиции доминионов - все это побуждало кабинет отказаться от столь широкого соглашения, способного "оттолкнуть" многих потенциальных союзников, сплотить членов Антикоминтерновского пакта и "объединить" умеренные элементы в Германии

вокруг Гитлера.[15]

Свою роль сыграла и неспособность британских стратегов увязать между собой интересы страны в разных частях Европы и определить приоритеты, предугадать характер будущей войны: так, по мнению лорда Чэтфилда, "стратегическая важность" Испании и Португалии "перевешивала" преимущества союза с Россией[16]. Ей в первоначальных британских планах отводилась довольно скромная роль. 19 апреля на заседании внешнеполитического комитета Чемберлен заметил:"Нельзя делать вид, что такой союз (с СССР) необходим для поставок вооружения малым странам Восточной Европы"[17].

Поэтому вместо принятия советского предложения от 17 апреля, которое могло бы послужить удачной основой соглашения, кабинет нашел более "простое" решение, позволявшее обойти большинство "подводных камней" - предложить советскому правительству выступить с односторонней декларацией по типу англо-французских гарантий Польше и Румынии. Дабы устранить подозрения в стремлении навязать партнеру неравноправное положение, в соответствующей телеграмме послу в Москве У.Силсу Галифакс отмечал, что советское правительство может выступить на стороне жертв агрессии только после вмешательства Англии и Франции[18]. Однако это предложение не учитывало своеобразный "мюнхенский синдром", владевший советским правительством, его боязнь, что такая схема позволит англичанам и французам уклониться от вмешательства, как они это сделали в сентябре 1938 г., и тем самым лишить договоренность всякого смысла.

СССР действительно отверг предложение об односторонней декларации, однако с середины апреля между тремя правительствами был установлен постоянный контакт: с этого момента начинаются собственно переговоры. 24 мая, частично по настоянию Франции, частично во избежание тупика, британский кабинет окончательно отказался от своей идеи сепаратных деклараций трех стран, и 27-го советскому правительству был представлен первый англо-французский проект трехстороннего политического договора о взаимопомощи.

К такому решению, представлявшему собой даже по оценке Молотова "шаг вперед"[19], англичан подталкивала как международная обстановка (непрекращающееся давление нацистов на Польшу, заключение 22 мая "Стального пакта" между Германией и Италией), так и нажим со стороны консервативной и лейбористской оппозиции в пользу сотрудничества с СССР. Определенную роль сыграли и данные разведки. В начале июня Даладье информировал англичан о беседе Гитлера с Кейтелем и Браухичем относительно возможного исхода войны, если против Германии выступят Англия, Франция и Россия. Оба генерала выразили сомнение в возможности победить такую коалицию[20]. Какова бы ни была степень достоверности этой информации, она не могла не произвести впечатления на британское руководство - ведь судя по ней, союз с СССР мог бы стать самым эффективным средством сдерживания агрессора. Примерно в это же время были получены и сведения о том, что в случае войны Германия намерена занять оборону н Западе и перенести основные наступательные действия на Восток, что требовало дальнейшего укрепления позиций Польши[21].

Тогда же несколько изменились и экспертные оценки Форин оффис и комитета начальников штабов. Военное руководство, частично сняв свои оговорки, выступило за "полномасштабную гарантию взаимной помощи" между тремя странами[22]. Высшие чины министерства иностранных дел также пришли к выводу о необходимости "какого-либо соглашения" с Советским Союзом[23].

Менялась и расстановка сил внутри самого кабинета. Министр внутренних дел С.Хор, министр торговли О.Стэнли, министр колоний М.Макдональд и министр без портфеля Л.Берджин с самого начала были за сотрудничество с "непобедимой", по выражению Хора, Россией. В мае с ними все чаще стали солидаризироваться министр по координации обороны лорд Чэтфилд и министр по делам доминионов Т.Инскип.

Решающую роль сыграла эволюция взглядов Галифакса - ого из наиболее выдающи и влиятельных деятелей ч-

берленовского кабинета. Первоначально министр иностранных дел скептически относился к идее "тесных связей" с советским правительством, полагая, что это приведет к ухудшению отношений с целым рядом государств и чрезмерному расширению британских обязательств. Однако по мере "втягивания" Англии в процесс переговоров он понял, что договоренность может быть достигнута только путем компромисса. Не очень доверяя "гарантиям и обязательствам большевиков" и считая, что в "конечном итоге политика советского правительства будет определяться тем, что это правительство сочтет наилучшим с точки зрения собственных интересов" (дальнейшие события показали, что он был не так уж далек от истины) Галифакс тем не менее выступил в пользу "твердого союза с Россией", так как это позволит избежать "главной опасности" - советско-германского сближения, а также усилит позицию Польши[24]. Глава Форин оффис последовательно выступал против срыва переговоров, даже если за продолжение диалога придется платить уступками, "поскольку иной исход ...может поощрить Гитлера на насильственные действия"[25].

Именно изменение позиции Галифакса по ряду важных пунктов будущего соглашения, против включения которых он сам ранее выступал, позволило в конечном итоге принять точку зрения советской стороны в вопросах об отказе от сепаратного мира, о гарантиях прибалтийским странам, о начале военных переговоров и др.

В результате Чемберлен, заявлявший, что он "испытывает весьма значительное недоверие к России и у него нет уверенности, что мы получим от этой страны активную и постоянную поддержку"[26] и его наиболее последовательные сторонники (министр финансов Дж.Саймон, канцлер герцогства Ланкастерского С.Моррисон) все чаще оставались в меньшинстве на заседаниях кабинета.

Впрочем, активизация переговоров не означала, что трудности и проволочки исчерпаны. Главной причиной осложнений теперь стало не нежелание той или иной стороны заключать договор, а взаимное недоверие и подозрительность

партнеров. Приведенные выше высказывания Чемберлена и Галифакса на этот счет разделялись как сторонниками, так и противниками соглашения. Советское правительство испытывало аналогичные сомнения, которые Галифакс довольно точно суммировал как "подозрения и неуверенность в добросовестности и решительности западных держав, а также определенный комплекс неполноценности".[27]

Партнерами владел страх оказаться обманутыми, вовлеченными в войну против своей воли из-за принятых на себя чрезмерных обязательств или заплатить за союз слишком высокую цену. Из-за этого в ходе переговоров постоянно возникали неприятные инциденты, приводившие к проволочкам и затруднявшие поиск компромиссов.

Так, британская сторона почти два месяца отказывалась включить в текст договора пункт об обязательстве партнеров не заключать сепаратный мир, опасаясь, что в случае войны СССР может придерживаться пассивной стратегии и перенести всю тяжесть боевых действий на плечи союзников, которые, даже потерпев поражение, не смогут заключить мир[28].

Столь же неадекватную реакцию вызвало у Молотова английское предложение включить в договор упоминание о принципах устава Лиги наций. Председатель Совнаркома оценил это как попытку затянуть оказание конкретной помощи в случае войны, подчинив ее сложной процедуре Лиги наций, и никакие заверения Сидса и поверенного в делах Франции в СССР Пайяра о том, что ничего подобного не имелось в виду, а речь шла только о правовых принципах, не возымели действия[29]. В конечном итоге англичане сняли свое предложение.

Когда в июне британское правительство сочло необходимым направить на переговоры в Москву начальника Центрально-европейского управления Форин оффис У.Стрэнга, советское руководство восприняло это как оскорбление: Стрэнг был недостаточно высокопоставленным лицом по сравнению с Молотовым, который вел переговоры с советской стороны. На самом же деле Стрэнг был не полномочным представителем для заключения соглашения, а экспертом-советником, и его задачей было помогать Сидсу[30].

В свою очередь британцев возмущало упрямство и неуступчивость советских партнеров, их нежелание пойти навстречу по конкретным вопросам: ведь англичане хоть и с неохотой, но шли на уступки. Этот, по выражению Чемберлена, "базарный торг"[31] вызывал постоянное раздражение, как и поведение Молотова: начиная от его привычки сходу отвергать почти каждое предложение, пресекая ответные аргументы фразами типа "нет смысла дальше обсуждать этот вопрос", до его склонности к грубому давлению, постоянным упрекам партнеров, что их "не столько интересует сам пакт, сколько разговоры о нем", что они унижают членов советского правительства, обращаясь с ними как с "наивными людьми или дураками"[32]. Впрочем, англичане также были чувствительны к разного рода деталям, воспринимавшимся как унизительные: например, их обидело, что Молотов вел беседы с англо-французскими представителями не за общим столом для переговоров, а сидя на возвышении, предоставляя Сидсу, Наджиару и Странгу смотреть на него снизу вверх и пытаться делать записи, держа блокноты на коленях[33].

Однако, несмотря на все трудности и взаимные претензии, к середине июля стороны добились значительных результатов: текст договора был в основном согласован, уточнен список государств, которым партнеры дают гарантии от агрессии, очерчен круг обязательств самих договаривающихся стран. Подозрения англичан в отношении СССР несколько уменьшились, а их готовность идти на уступки ради заключения договора возросла. 21 июня Галифакс на заседании кабинета заметил, что, по его мнению, "Молотов не ищет предлога для срыва переговоров" и в таком случае "не существует отдельных пунктов, которые могут вызвать трудности"[34]. 12 июля даже Чемберлен согласился, что "советское правительство намерено заключить... договор", впрочем, оговариваясь, что оно, похоже, не торопится с этим[35].

Именно в этот кульминационный момент на переговорах возник кризис. Он был вызван советским предложением о гарантиях Латвии, Эстонии и Финляндии в случ косвенной

агрессии.

Вопросу о прибалтийских государствах советское правительство с самого начала придавало большее значение. Еще 22 марта Литвинов высказал Сидсу пожелание, чтобы эти страны присоединились к рассматриваемой декларации о консультациях в случае агрессии, а 28-го он сделал послам Латвии и Эстонии довольно резкое предупреждение, что СССР не потерпит никаких соглашений, даже добровольных, результатом которого было бы господство на их территории третьего государства, предоставление ему привилегий[36]. Эта акция, несомненно, имела целью предотвратить наметившееся сближение Латвии и Эстонии с Германией. 14 мая на трехсторонних переговорах Молотов поставил перед англичанами и французами вопрос о совместных гарантиях независимости прибалтийских государств[37]. Британское и французское правительства долгое время отказывались от этого предложения, опасаясь быть втянутыми в войну из-за Прибалтики, которая с их точки зрения не представляла стратегической важности, а также учитывая явно отрицательное отношение Латвии, Эстонии и Финляндии к получению таких гарантий.

Когда же британцы все же согласились на включение этих трех стран в список гарантируемых государств, Молотов 1 июля ответил требованием о распространении гарантий на "косвенную агрессию", имея в виду случаи, аналогичные капитуляции чехословацкого правительства в марте. 9 июля он представил партнерам развернутое определение: под косвенной агрессией подразумевалось действие, на которое гарантируемое государство "соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территории и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон"[38].

Из опубликованных советских документов неясно, чем было вызвано появление столь широкой и двусмысленной формулы, явно выходящей за рамки чехословацкого варианта марта 1939 г. Можно лишь выдвинуть несколько гипотетических

предположений о возможных целях, преследовавшихся советским правительством. Во-первых, советская формула появилась вскоре после заключения Латвией и Эстонией договоров о ненападении с Германией, и несомненно отражала беспокойство советской стороны по этому поводу. Возможно, что трехсторонние гарантии фактически против любых изменений статус-кво в Прибалтике могли рассматриваться Сталиным и Молотовым как средство давления на Германию, чтобы предотвратить ее дальнейшую экспансию в регионе в ущерб советским интересам. Во-вторых, советское руководство могло использовать это требование для того, чтобы более прочно связать обязательствами Англию и Францию, получить максимальное обеспечение своей безопасности (возможно, оно считало,что западные партнеры уже загнаны в угол.и согласятся на любые условия, чтобы избежать срыва переговоров). Не исключено также, что сталинский режим, рассматривая Прибалтику как свою "сферу интересов" (выражение советского поверенного в Берлине Г.Астахова в беседе с сотрудником германского МИДа К.Шнурре от 27 июля 1939 г.) стремился заранее заручиться санкцией Запада на любые действия в регионе, в том числе затрагивающие суверенитет соседних государств, на введение туда своих войск, как это случилось после советско-германского пакта осенью 1939 г., или даже формирование послушных Советскому Союзу правительств (как было сделано летом 1940 года),либо некий "смягченный" вариант такого же рода. По крайней мере, британское правительство расценило предложение Молотова именно как "карт-бланш" на вмешательство во внутренние дела прибалтийских государств. Кроме того, британцы опасались оказаться "во власти русских" и, возможно, быть втянутыми в войну из- за любого события в Прибалтике, которое могло не понравиться советскому руководству.

12 июля кабинет министров отклонил молотовскую формулу как неприемлемую. В то же время он не отказывался в принципе давать гарантии против "косвенной агрессии", выработав собственное определение, относящееся к любому действию, предпринятому под угрозой применения силы и влекущему за

особой утрату рассматриваемым государством своей независимости и нейтралитета. По мнению Галифакса, на наш взгляд справедливому, эта формула была приемлемой с точки зрения чехословацкого варианта[39]. Чтобы побудить Москву отказаться от своей формулировки в пользу англо-французской, был сделан ряд других уступок: 5 июля англичане отказались от своего требования о включении в список гарантируемых государств Голландии и Швейцарии, 12-го кабинет выразил готовность "в крайнем случае" согласиться с другим советским требованием - об одновременном вступлении в силу политического пакта и военной конвенции[40]. Предлагались также немедленные трехсторонние консультации о спорных случаях "косвенной агрессии", не охватывавшихся английской формулой.

Молотов же твердо стоял на своем. По мере развития кризиса нарастало взаимное раздражение партнеров: 17 июля в телеграмме полпредам в Париже и Лондоне Молотов обозвал англичан и французов "жуликами и мошенниками" и заметил: "Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет"[41].

19 июля кабинет и внешнеполитический комитет вновь отвергли советскую формулу "косвенной агрессии". В этот же день обсуждался и вопрос о начале советско-германских переговоров. Галифакс заметил, что хотя начавшиеся дискуссии, судя по всему, посвящены экономическим вопросам, они отражают стремление Германии затруднить англо-франко-советское соглашение"[42].

Именно это беспокойство наряду с давлением Франции вынудило британцев принять наконец и последнее требование Молотова - о немедленном начале военных переговоров. Однако надежды на то, что советское руководство, в свою очередь, пойдет на уступки в вопросе о косвенной агрессии, не оправдались. Несмотря на неоднократные намеки Молотова о возможности пересмотра этого вопроса в случае согласия Запада на штабные переговоры, в ходе бесед с Сидсом и Наджиаром 27 июля и 2 августа он продолжал настаивать на советской формуле. Он также отказался принять предложенный англичанами

и французами проект совместного коммюнике о том, что основные пункты политического соглашения урегулированы[43]. Таким образом, политическое соглашение, которое, по мнению англичан и французов, должно было послужить основой для штабных переговоров, повисло в воздухе. Это стало одной из причин неудачи военных миссий в Москве.

Нет никаких данных, позволяющих объяснить нежелание советской стороны идти на компромисс в этом вопросе. Возможно, Сталин и Молотов надеялись с помощью этого козыря сделать западных партнеров более сговорчивыми на штабных переговорах, и заняли пока выжидательную позицию, приберегая его на потом (хотя, как известно, военные миссии даже не успели подойти к обсуждению этого вопроса). Но, скорее всего, они вовсе не собирались идти на какие-то уступки, ожидая, что Англия и Франция рано или поздно предпочтут отказ от своей формулы срыву переговоров.

Впрочем, существовало еще одно обстоятельство, побуждавшее Москву занять выжидательную позицию. 27 июля произошла знаменательная встреча советских представителей в Берлине Астахова и Бабарина с сотрудником германского МИДа К.Шнурре. Берлин, через своих информаторов хорошо осведомленный о ходе переговоров в Москве и о возникающих там трудностях[44], активизировал свои попытки договориться с Москвой. В достаточно откровенной беседе Шнурре умело затронул спорные вопросы на англо-франко-советских переговорах. "Что Англия может предложить России? - спрашивал германский дипломат.-- В лучшем случае участие в Европейской войне и враждебность Германии, но вряд ли может предложить хоть одну заманчивую для России цель". Германия же, подчеркнул он, готова предложить СССР "неучастие и нейтралитет" в возможной войне, а также урегулирование взаимных интересов "от Балтийского до Черного моря". Особое внимание Шнурре уделил заверениям об отсутствии у Германии и СССР противоречий в Прибалтийском регионе. Условием для будущего сближения Шнурре выдвинул отказ от договора с Лондоном[45]. Такие предложения, несомненно, способствовали решению Сталина и Молотова

не торопиться и ждать, какой из вариантов окажется более привлекательным, тем временем "держа обе двери открытыми".

Основные события на переговорах военных миссий в документах кабинета отражены намного слабее, поскольку в начале августа правительство ушло в отпуск и следующее его заседание состоялось 22 числа. Впрочем, причины, вынудившие его принять советское предложение, вырисовываются достаточно ясно. Помимо стремления отстоять свою формулу косвенной агрессии, доказать советской стороне свою добросовестность и вызвать положительные отклики в мире, они надеялись "выиграть время"[46], лишить агрессора возможности для активных действий, пока погодные условия не помешают ему напасть на Польшу. Кроме того, как отмечал Галифакс, "пока идут переговоры, мы можем предотвратить переход Советской России в германский лагерь"[47].

Судя по характеру обсуждения задач и инструкций британской миссии, кабинет, даже согласившись на начало штабных переговоров, не имел четкой концепции военного соглашения, не верил в его скорое достижение и скептически относился к возможным результатам. Так, 10 июля Галифакс высказал мнение, что "дискуссии затянутся" и в конечном счете стороны ограничатся принятием "общих обязательств" друг-друга[48]. О неизбежных трудностях на будущих переговорах говорил и министр по координации обороны лорд Чэтфилд.

Такие настроения, в сочетании с фактическим тупиком на политических переговорах, просчетами в оценках характера возможной войны и явной неготовностью обсуждать конкретные стратегические варианты предопределили ограниченность задач, поставленных перед военной миссией: "вести переговоры очень медленно, пока не будет заключен политический пакт", и постараться до этого момента не предоставлять советской стороне "конфиденциальную информацию". В общей форме говорилось о желательности улучшения отношений между СССР и Польшей, однако о конкретных шагах в этом направлении не упоминалось[49].

Необходимо сказать и о том, что другая линия британ-

ской политики, т.е. различные закулисные контакты между британскими и германскими эмиссарами, не нашла никакого отражения в материалах кабинета (за исключением посредничества Б.Далеруса в последних числах августа). На наш взгляд, это свидетельствует о том, что подобные контакты, при всей их значимости, имели характер предварительных и неофициальных зондажей, осуществляемых прежде всего по инициативе непосредственного окружения Чемберлена, и возможно, самого премьер-министра, без ведома и за спиной кабинета. Из членов правительства в них принимал прямое участие лишь министр внешней торговли Хадсон Галифакс, осведомленный о некоторых из этих контактов, и считавший их полезными, тем не менее настаивал,что правительство не должно иметь к этому отношения[50].

В целом, документы британского кабинета, на наш взгляд, позволяют существенно скорректировать оценку позиции Англии на московских переговорах. Попытки Запада договориться с Советским Союзом были составной частью политики сдерживания нацистской агрессии в Европе и создания в этих целях системы безопасности на западной и восточной границе Германии. Поэтому неправомерно рассматривать тройственные переговоры как провокацию, имеющую целью направить германскую агрессию против СССР. Нельзя также оценивать их только как резервное средство давления на Гитлера, чтобы заставить его пойти на договоренность с Лондоном, а также для предотвращения советско-германского сближения, хотя оба эти элемента присутствовали в английской политике.

Главной целью Запада на переговорах с Москвой было все же укрепление "фронта мира" на востоке Европы, защита Польши и Румынии, создание дополнительного сдерживающего фактора, достаточно сильного, чтобы вынудить агрессора отказаться от дальнейшей экспансии, не прибегая к такому крайнему средству, как война.

В то же время англо-французская концепция сотрудничества с СССР имела ряд изъянов, затруднявших поиски наиболее эффективной договоренности. Прежде всего, Советскому

Союзу в рамках системы безопасности отводилась второстепенная роль. Частично это было связано с традиционной осторожностью британской политики в отношении союзов с другими государствами, частично - с просчетами в оценке сравнительной военной мощи СССР и Польши, а также хода и характера будущей войны. Это создавало иллюзию, что Польша и без активной военной помощи от СССР сможет достаточно долго противостоять германскому нашествию.

Нельзя забывать также о сложностях, связанных с необходимостью сотрудничества одновременно с Советским Союзом и рядом антисоветски настроенных правительств.

По мере втягивания в переговоры и осложнения международной обстановки рассмотренная выше тенденция постепенно ослабевала, возрастало значение советского фактора в английской политике. Однако британское правительство так и не смогло до конца осознать ту истину, которую выразил У.Стрэнг в своем письме Галифаксу от 20 июля 1939 г.: Запад нуждается в трехстороннем соглашении не меньше, если не больше, чем Советский Союз[51]. Поэтому западные державы, и прежде всего Англия, так медленно и неохотно признавали необходимость уступок. И хотя в конце концов они очень далеко продвинулись по пути компромисса с советской позицией, Англия и Франция не пожелали заплатить за соглашение ту цену, которую запрашивал партнер.

Кроме того, конструктивность их позиции в отношении политического договора серьезно подрывалась неготовностью заключить эффективную военную конвенцию. Правда, такой конвенции у Англии не было и с Польшей, а долгое время - и с ближайшей союзницей, Францией. К тому же, военные миссии отправились в Москву, когда политические переговоры были уже фактически сорваны, надежда на их успешный исход была очень слабой, а заключение конвенции требовало сложных согласований с Польшей.

Нацисты учли это и сумели ясно продемонстрировать Сталину и Молотову, что в отличие от Англии и Франции, Германия стремится к быстрому заключению договора и готова

ради этого на безоговорочные уступки именно в тех вопросах, где Запад не идет навстречу.

Другое дело, была ли справедливой и оправданной та цена, которую Советский Союз требовал от Англии и Франции. Именно советское определение косвенной агрессии, весьма сомнительное с точки зрения международных норм и явно неприемлемое для Запада, в сочетании с постоянным давлением и нежеланием принять какое-либо из требований партнеров, вызвало в критический период июля 1939 г. тяжелый кризис, имевший фатальные последствия. Двумя годами позже Сталин признал, что именно эта проблема, а не разногласия по поводу военной конвенции, привела к срыву переговоров. 17 декабря 1941 г. он напомнил Идену, что "как раз вопрос о Прибалтийских странах и Финляндии явился камнем преткновения на переговорах о пакте взаимопомощи в 1939 году"[52].

Недостатки и просчеты обеих сторон лишь усиливали еще один, может быть, самый важный отрицательный фактор - глубокое взаимное недоверие, накопившееся за два десятилетия, опасения, что партнер стремится прежде всего выторговать себе преимущества в ущерб другим, и к тому же в решающий момент может обмануть и уклониться от выполнения своих обязательств.

Таким образом, в тот момент негативные факторы перевесили тенденцию к объединению трех держав против общей опасности. Вина договаривающихся сторон состоит прежде всего в том, что они не сумели преодолеть своих страхов и амбиций, принести их в жертву ради предотвращения войны. Однако опыт московских переговоров 1939 г. нельзя оценивать как однозначно отрицательный. Разработав, несмотря на все трудности, основу политического соглашения, стороны показали, что при известных условиях они способны урегулировать разногласия. Приобретенные ими знания о позициях друг друга и навыки ведения дискуссии сыграли свою роль в дальнейшем, при образовании антигитлеровской коалиции.

1 Public Record Office (Далее - PRO). Commitee on Foreign Policy. Cab.27.624. P.34, 35.
2 Ibid. P.157, 158.
3 Reynolds D. The Creation of the Anglo-American Alliance. 1937-1941.Chapel Hill, 1982. P.38.
4 Ibid.
5 PRO. Cab.27.625. P.138.
6 PRO. Cab.23.100. P.277.
7 Documents on British Foreign Policy 1919-1939. (Далее - DBFP)/3 Ser., Vol.III. P.285.
8 Foreign Relations of the United States. 1938. Vol.I. P.86.
9 DBFP. 3 Ser. Vol.IV. P.207.
10 PRO. Cab.27.624. P.200.
11 Ibid. P.201.
12 Ibid. P.337.
13 DBFP. 3 Ser. Vol.III. P.194-199; PRO.FO. 371/23064. P. 253-264. См.также сообщение Л.В.Поздеевой в данном сборнике.
14 PRO. Cab.27.624. P.203.
15 Ibid.Cab.27.625.P.66, 67-68.
16 Ibid. Cab.27.624. P.337.
17 Ibid. P.299.
18 Ibid. P.354.
19 Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т.2. С.109.
20 PRO. Cab.27.625. P.114.
21 Ibid. P.101.
22 PRO.FO. 371. 23066. P.141.
23 DBFP. Ser.3. Vol.V. P.646.
24 PRO. Cab.27.625. P.100-101.
25 Ibid. P.186.
26 PRO.FO. 371.23016.P.159.
27 PRO. Cab.27.625. P.189.
28 Ibid. P.86.
29 Документы и материалы кануна второй мировой войны. С.102-103.

30 PRO.Cab.27.625. P.105.

31 Ibid. P.195.

32 Ibid. P.293; Документы и материалы... С.101,367.

33 Ibid. P.291; Подробнее см.: A.Read and D.Fisher. The Deadly Embrace. Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact 1939-1941. L.,1988.

34 PRO. Cab.23.100. P.5.

35 Ibid. P.148.

36 Документы и мате[риа]лы... С.56, 59.

37 Там же. С.87.

38 Там же. С.133.

39 Там же. С.157.

40 PRO. Cab.23.100. P.76, 146.

41 Документы и материалы... С.140.

42 PRO. Cab.23.100. P.186-187.

43 См.отчеты Сидса об этих беседах: DBFP. 3 Ser. Vol.VI. P.521-525, 570-574.

44 По данным Д.К.Уотта, одним из таких информаторов был Дж.Кинг, сотрудник отдела связи Форин оффис. См. Watt D.C. How War came. N.Y., 1989. P.116.

45 См. Вопросы истории, 1990. № 3. С.24.

46 PRO. Cab.23.100. P.224-225; PRO. Cab.27.625. P.268.

47 PRO. Cab.27.625. P.258.

48 Ibid. P.268.

49 PRO. Cab.23.100. P.226.

50 См.: Безыменский Л.А. "Второй Мюнхен": замысел и результаты. Новая и новейшая история, 1989. № 4. С.97.

51 DBFP. 3 Ser. Vol.VI. P.422.

52 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Т.I. М., 1983. С.188.

Л.В.Поздеева

БРИТАНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ О ВОЕННОМ ЗНАЧЕНИИ СОЮЗА АНГЛИИ С СССР

Изучение части относящихся к 1939 г. британских документов[1] дает возможность ознакомиться с британскими оценками состояния боеспособности Советских Вооруженных Сил во время предвоенного политического кризиса, а также судить о реакции правительства Великобритании на важные внутриполитические события в СССР.

Массовые репрессии 1930-х годов, ликвидация по вине Сталина основного ядра командного состава вооруженных сил, прежде всего в армии, имели серьезнейшие последствия для страны. Это сказалось в ходе войны с Финляндией, а затем, с еще большей силой, в начальный период Великой Отечественной войны. "Без тридцать седьмого года, - заметил маршал А.М.Василевский, - возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решился начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел". Хотя урон, нанесенный Советским Вооруженным Силам, и был восполнен численно, в качественном отношении этого не произошло[2]. Место опытных офицеров заняли "наскоро подготовленные" (был такой термин). Большой ущерб был нанесен также советской экономике и оборонной промышленности в период развернутых работ по перевооружению армии[3].

В столицах западных государств, следя за перипетиями внутренней жизни СССР, пытались определить примерные масштабы репрессий. Хорошо осведомленный военный атташе Германии в СССР генерал-лейтенант Кёстринг извещал в декабре 1937 г. Берлин: Сталин ослабил Красную Армию на длительное время; "то, что он поступит таким образом, не могли предвидеть самые пессимистические наблюдатели". Признавая, что Красная Армия ослаблена в оперативном отношении, Кёстринг не отрицал того, что она явится очень важным фактором в случае возникновения войны[4]. Гитлер же с 1937 г. пере-

стал рассматривать СССР как крупный военный фактор, в этом мнении его убеждал шеф службы безопасности Гейдрих, подбросивший президенту ЧСР Бенешу досье фальшивых документов о маршале Тухачевском[5]. Гитлер и его окружение уверились в том, что Красная Армия окажется не в состоянии оправиться от нанесенного ей репрессиями удара и выступить боеспособной силой. Нацистские лидеры, разведка недооценили военный потенциал СССР и возможности его экономики, также как морально-политический фактор[6]. Этот крупный просчет предопределил в 1941 г. крушение стратегии блицкрига и иллюзий легкой победы над СССР.

Военное и политическое руководство западных государств получало в 1938-1939 гг. разноречивые сведения о состоянии военного потенциала СССР. Лишь немногие дипломаты и военные, и среди них военный атташе США в СССР Ф.Феймонвилл, давали оптимистические оценки[7]. Большинство экспертов подчеркивало резкое снижение мощи Красной Армии под влиянием репрессий и других причин. Начальники штабов Великобритании в представленном ими 3 декабря 1937 г. секретном меморандуме, проведя сравнительный анализ уровня вооруженных сил европейских стран, более чем осторожно оценили военное значение Советского Союза[8].

В мае 1938 г. британское и французское правительства сходились во мнении, что в СССР было ликвидировано 65 процентов офицерского состава[9]. Не имея для сравнения советских данных за этот месяц, назовем приводимые у нас цифры потерь за 1938-1939 гг.: общая доля репрессированных (из них уничтожено более 9/10-х, в среде высшего командования - от маршала до генерал-лейтенанта (в новых званиях) - составила 93 процента). В остальных рангах потери не были столь разительны[10]. По сведениям американских военных историков, в СССР до конца 1938 г. погибло 35 тыс.военных - 90 процентов офицеров и 80 процентов подковников[11]. Из опубликованных Комиссией Политбюро ЦК КПСС материалов мы знаем заявление К.Ворошилова, сделанное 29 ноября 1938 г.: "Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше 4

десятков тысяч человек..."[12]. Сейчас уточнено: всего в армии было репрессировано 43 тыс.человек из командного и политического состава; уничтожен и брошен в лагеря был цвет армии[13].

Свои критические, хотя и дифференцированные прогнозы военных возможностей СССР сообщали время от времени в Лондон британские представители в Москве. В начале чехословацкого кризиса 1938 г. они отмечали невысокое значение Красной Армии как наступательного фактора, но не отрицали определенной ее роли в будущей борьбе с агрессорами[14]. В мае 1938 г. британский военной атташе в СССР Р.Файрбрейс говорил французскому послу Кулондру: нужно принимать в расчет и сильные, и слабые стороны Красной Армии. "Ее сила,- сказал он, - в количестве дивизий, в количестве танков и самолетов и вообще в ее материальной части. Армия, однако, серьезно ослаблена недавними событиями"[15].

Небезынтересно сопоставить с этим высказывания У.Черчилля в частных беседах. Отмечая в апреле 1938 г ослабление Красной Армии, он подчеркивал в то же время большие материальные потенции СССР и считал, что "все зависит от состояния морального духа", что необходимо создать "большую коалицию" против Германии с участием стран Западной, Центральной и Восточной Европы[16]. Но тогдашнее руководство Британии игнорировало такого рода рекомендации.

Весной 1939 г. под влиянием роста агрессивности нацистского рейха, требований парламентских кругов и общественности и по ряду других причин британское правительство вынуждено было уделить внимание своим отношениям с СССР. Внутри кабинета министров не существовало единого мнения. Министр координации обороны лорд Чэтфилд, министр внутренних дел С.Хор и военный министр Хор-Белиша полагали неразумным в создавшейся ситуации игнорировать СССР. Премьер-министр Н.Чемберлен и министр финансов Д.Саймон, однако, были настроены в высшей степени скептически, основывая свое нерасположение к союзу с СССР на идеологических доводах и на получаемых от военных органов низких оценках боеспособнос-

ти Красной Армии. Начальники штабов в заключениях от 20 февраля 1939 г. вновь подчеркивали значение только оборонных возможностей советских войск[17]. "Я нисколько не верю в способность России, даже если она захочет, вести эффективное наступление. И у меня нет доверия к ее мотивам...", писал Чемберлен в конце марта[18].

Ряд относящихся к марту 1939 г. документов британской публикации дает более конкретное представление о характере информации, которая поступала на Уайт-холл относительно внутриполитического и экономического положения Советского Союза. Значительный объем информации содержался в депеше из Москвы(от 6 марта 1939 г.) нового британского посла У.Сидса и в четырех включенных в нее меморандумах. Они,как писал посол, полностью раскрывают существо проблемы, которую пресса именует "близкий крах России". "Общей тенденцией этих меморандумов, - отмечал Сидс, - подтверждаемой высказанным мне в Москве более опытными главами миссий мнением, - писал Сидс, - является убеждение в том, что советский режим столь же прочен, как это можно с уверенностью сказать о всяком другом режиме; что, подобно своему царскому предшественнику, он является русским и будет поэтому подвержен сильному внутреннему стрессу в случае наступательной или продолжительной войны; но что он отличается от царской России большей моральной стойкостью, позволяющей противостоять напряжению, вызываемому естественными условиями и определенной природной неэффективностью"[19].

Секретарь британского посольства в СССР Ф.Маклин в меморандуме "А" "Политическая стабильность Советского Союза" анализировал в основном один вопрос - о возможности политического переворота в СССР, а также факторы, которые, с его точки зрения, исключали такую возможность. "Точка зрения британского посольства, - указывал Маклин, - в последнее время состояла в том, что, кроме случаев войны или краха экономической системы, нет оснований ожидать в Советском Союзе чего-либо, похожего на политическое восстание... Не вызывает сомнения, что главной причиной неспособности на-

селения ответить на царство террора, невиданное даже в истории России, является почти невероятная пассивность русского характера". В числе других причин он ссылался на полное отсутствие контактов советских людей с внешним миром и достоверной информации о других странах, их политических системах и условиях жизни. С другой стороны, Маклин признал: советские граждане могут сравнивать свою теперешнюю жизнь с условиями прежних лет; они приходят к "вполне понятному заключению, что по крайней мере в некотором смысле дела обстоят лучше, чем раньше. Кроме того, хотя классовые различия существуют и в ряде случае обозначены весьма четко, разница между жизнью высшего и низшего классов не столь разительна, как в большинстве капиталистических стран, и поэтому проявление зависти и горечи менее вероятно"[20].

Затрудняясь определить степень недовольства народа, вызываемого режимом террора, Маклин в то же время предостерегал от ошибки полагать, "будто не существует такого понятия, как советский патриотизм". Общий вывод сводился к следующему: участие СССР в войне может дестабилизировать обстановку, однако "нельзя заключить, что обязательно произойдет политический переворот внутри страны"[21].

Автор меморандума "В" - "Красная армия" - уже упомянутый выше Файрбрейс определял ее численный состав мирного времени 1600 тысячами человек и утверждал, что в начале войны СССР смог бы в течение трех месяцев мобилизовать по меньшей мере 100 пехотных и 30 кавалерийских дивизий для действий на западном фронте; на Дальнем Востоке - 32 пехотных и 5 кавалерийских дивизий для действий против Японии. С 1937 г. Красная армия, писал военный атташе, была беспощадно "очищена" от старших офицеров; "бывшее высшее командование практически исчезло, и армия подверглась такому крайнему политическому контролю, который фактически означает двойное командование.... "Чистка" в промышленности также должна была снизить способность страны к удовлетворению военных нужд армии и гражданского населения. Несмотря на большие уси-

лия, которые несомненно предпринимаются высшим командованием в целях организации и подготовки армии к войне,"чистка" более чем нейтрализовала эти усилия, и значение армии для наступательных операций сильно снизилось". При обороне советской территории Красная Армия, как и ранее доказывал Файрбрейс, проявит себя большой силой. Однако он полагал сомнительным, чтобы СССР смог долго продержаться в войне[22].

Выводы военного атташе сводились к следующему: "а)Красная Армия в настоящее время верна режиму и, если поступит такой приказ, будет сражаться в наступательной или оборонительной войне; б) она сильно пострадала от "чистки", но все еще создаст серьезное препятствие для нападающего; в) в наступательной войне значение Красной Армии гораздо меньше, но она, наверно, сможет осуществить в начале продвижение в Польшу; г) Красная Армия считает войну неизбежной и, вне всякого сомнения, напряженно готовится к ней"[23].

Эти выводы дополнялись еще в одном донесении Файрбрейса (также от 6 марта 1939 г.), переданном Сидсом Галифаксу, где военный атташе знакомил с присягой в Красной Армии по случаю ее 25-летней годовщины. Ссылаясь на опубликованные в советской печати указы о присвоении воинских званий офицерам и комиссарам, Файрбрейс высказал надежду, что репрессии против армии подходят к концу. Принятие присяги, писал он, может стать "началом новой эры в армии"[24]. В определенном смысле такое предположение было верным, т.к. после устранения Сталиным Ежова в армию возвратили часть арестованных в 1937-1938 гг. командиров. Но, с другой стороны, как напоминал К.Симонов, аресты не прекращались; "и в 1940, и в 1941 годах все еще продолжались пароксизмы подозрений и обвинений"[25].

Меморандум "Д" - "Экономическая ситуация в Советском Союзе" - составлен секретарем британского посольства Ф.Тоддом, открывался следующим абзацем: "Трудно высказать какое-то определенное мнение по вопросу о том, сможет ли советский экономический механизм заметно усилиться, с тем чтобы

ответить на требования, которые будут предъявлены ему в случае вступления страны в войну в ближайшие несколько месяцев. Известные факторы, такие, как снижение производительности труда, отсутствие необходимых технических навыков, ошибки планирования и постоянные изменения в высшем кадровом составе предприятий, указывают, по-видимому, на его неспособность к этому, особенно в затяжной войне". В обоснование сделанного нигилистического вывода приводились некоторые сведения о развитии советской экономики - цифры промышленного производства, выполнения (или невыполнения) планов в промышленности, состояния железнодорожного и автомобильного транспорта[26].

Что касается оборонной промышленности, то Тодд, ссылаясь на отсутствие специальных данных, также затруднялся дать точную картину ее роста. Несмотря на это, у него не возникло сомнений в том, что оборонная индустрия СССР "уже работает на полную мощность; трудно видеть возможность дальнейшего ускорения производства, учитывая нехватку квалифицированных кадров. Тем не менее правительство предпринимает усилия в этом направлении, что подтверждается ростом импорта товаров для целей обороны - станков, цветных металлов и различных видов сырья. Другими шагами в этом направлении являются децентрализация различных комиссариатов, например, в тяжелой промышленности, оборонной, пищевой, станкостроительной промышленности, указы о трудовой дисциплине и отборе работников физического труда в коллективных хозяйствах для промышленности"[27].

Таким образом, судя по приведенным документам, единодушное мнение сводилось к тому, что репрессии против высшего командного состава Красной Армии снизили ее наступательные способности. Хотя однозначно негативных оценок состояния обороны СССР при этом не высказывалось, преобладало все же убеждение в длительности воздействия "чисток" на советский военный потенциал.

Сидс, препровождая четыре меморандума в Лондон, выразил с ними общее согласие[28]. При составлении своих коммен-

тариев на речь Сталина, произнесенную на XVIII съезде партии, британский посол, очевидно, опирался на содержавшуюся в этих меморандумах информацию. "...В вопросах внешней политики /СССР/, - сообщал Сидс Галифаксу 20 марта, - в расчёт принимаются реалии момента, и в первую очередь тот факт, что в связи с нынешним состоянием Красной Армии, советской экономической системы и советского транспорта Советский Союз должен избегать вмешательства в конфликт капиталистических держав"[29].

Заметим, что к аналогичному выводу приходил и Джозеф Дэвис, считавший необходимым форсировать заключение союза Англии, Франции и СССР[30]. 18 января 1939 г. Дэвис писал из Брюсселя, куда он после Москвы прибыл в качестве посла США, президенту Рузвельту: "Я полагаю, что как Советское правительство, так и его армия значительно сильнее, чем это обычно признается в некоторых европейских кругах. Правительство, по крайней мере, в данный момент, настроено в пользу международного мира. Более того, сохранения мира на долгие годы, если это возможно, требуют его экономические нужды"[31].

В целом создается впечатление, что выводы британских представителей строились при отсутствии достоверных данных, имели более или менее общий характер. При объяснении причин этого мы встречаемся с утверждением, что британская разведка с середины 30-х годов почти целиком сконцентрировалась на странах фашистского блока и не располагала данными о промышленном и военном потенциале СССР, на базе которых можно было составить более полное представление о военных возможностях страны; почти не было сведений, пишет автор официальной истории британской разведки Ф.Хинсли, о политической ситуации в СССР, его политических намерениях. Такое положение сохранялось до июня 1941 г.[32].

Трудно судить, насколько это верно. Но нужно сказать и о другой стороне вопроса - полной закрытости советского общества в канун войны. Министр по делам заморской торговли Р.Хадсон при посещении Москвы (март 1939 г.) высказал удивление тем, что к английскому и французскому военным ат-

таше в СССР проявляется "необъяснимое недоверие". По этому поводу заместитель Наркома иностранных дел СССР В.П.Потемкин возразил: "...во-первых, ни английский, ни французский военные атташе не могут пожаловаться на какую-либо дискриминацию в отношении их в СССР, во-вторых, Хадсон должен согласиться с тем, что общеполитическая атмосфера за последнее время не такова, чтобы советское высшее командование могло проникнуться полным доверием к представителям иностранных армий, находящимся в СССР"[32а].

Сложность обстановки, как можно предположить, не оправдывала все-таки пристрастия Сталина и его окружения к такой сверхсекретности, при которой ставился под сомнение даже уже достигнутый Советским Союзом уровень экономического потенциала. С 1937 года, отмечает английский историк Д.Уотт, советское руководство перекрывало Западу все возможности составить оценки успехов СССР при осуществлении программы развития промышленности и ее модернизации. Можно, очевидно, согласиться и с высказанным Уоттом замечанием в адрес некоторых деятелей советской дипломатии, которые, культивируя связи с группировкой Черчилля-Идена, не проявили достаточной настойчивости, чтобы убедить консервативное большинство в возможностях Советского государства оказать противодействие Гитлеру[34].

Уничтожение верхушки Красной Армии оказало отрицательное влияние на развитие отношений между СССР и Великобританией, укрепило у многих государственных деятелей Запада их антисоветизм и подозрения, создало представление о будто бы небольшом значении СССР как военного союзника.

Здесь уместно ознакомиться с различными оценками военной значимости соглашения Англии с СССР, которые высказывались на заседаниях кабинета министров и комитета внешней политики[35]. Рассмотрим подробнее, как с начала 1939 г. видоизменялись оценки и рекомендации Комитета начальников штабов.

В предварительном порядке начальники штабов проанализировали значение "русского вмешательства" 18 марта, когда

их мнение запросили в связи с предполагавшимся экономическим ультиматумом Германии Румынии. Мнение было зафиксировано так: "Если СССР будет на нашей стороне, а Польша останется нейтральной, положение изменится в нашу пользу. Следует, однако, заметить, что СССР представляет сейчас с военной точки зрения неизвестную величину и начальники штабов не в состоянии выработать определенную точку зрения насчет масштабов его военного участия на стороне союзников"[36]. Было высказано также убеждение в том, что союз с СССР создаст затруднения для Германии на Балтике, но не улучшит положение Британии в Средиземном море. На Дальнем Востоке он, как это вполне вероятно, отсрочит или даже воспрепятствует вступлению Японии в войну против Англии. Далее говорилось: "Если Польша останется нейтральной, Россия не сможет оказывать сколько-нибудь значительное давление на Германию действиями авиации. Более того, маловероятно какое-либо использование русских людских ресурсов для оказания нам помощи на театрах военных действий за пределами Советского Союза"[37]. В заключение начальники штабов упомянули донесение посла Сидса (от 6 марта) с приложенными к нему резюме военных атташе в Москве. Можно ожидать, напомнили они выводы атташе, что Красная Армия продемонстрирует хорошие качества в обороне; но оценка ими мощи советских ВВС "была весьма пессимистичной"[38]. Уточним: накануне войны в авиации, как свидетельствует маршал Г.К.Жуков, преобладали машины старых конструкций. Но талантливыми советскими конструкторами были созданы около 20 современных самолетов[39].

Этот далеко не позитивный вывод начальников штабов был 19 апреля зачитан на заседании комитета внешней политики, который собрался для обсуждения советских предложений (от 17 апреля) относительно заключения договора о взаимной помощи трех стран - СССР, Англии и Франции. Лорд Чэтфилд начал, было, говорить о возможной важной роли советского ВМФ в сдерживании Германии на Балтике, но Чемберлен сразу прервал его, категорически заявив: вся информация свиде-

тельствует, "что русские вооруженные силы представляют сейчас небольшую военную ценность" (чьей-то рукой на машинописном тексте протокола вписано: "для наступательных целей"). "Премьер-министры нескольких иностранных государств, - продолжал далее премьер, - говорили с ним в аналогичном духе, и их мнение подтвердили Р.С.Хадсон и сэр Перси Лорэн".[40]

Кто конкретно из лидеров запасных ст... беседовал с Чемберленом на эту тему, остается нам неясным. Но очевидно одно - премьер-министр опирался на довод о "небольшой военной ценности" СССР, чтобы настроить министров против принятия советских предложений. Прямо не отклоняя русское предложение, "мы, - так и сказал Чемберлен, - должны попытаться создать впечатление, что время для военного союза еще не настало". Суммируя дискуссию 19 апреля, лорд Чэтфилд заявил, что общее мнение министров - политические аргументы против военного союза Англии и Франции с СССР "непреодолимы" и перевешивают любые военные преимущества[41].

На заседании 19 апреля подкомитету начальников штабов было поручено подготовить доклад о военном значении СССР, причем не следовало суммировать военные аргументы за или против принятия советских предложений, а просто представить оценку, исходя из имеющейся информации о военном значении и возможностях Советской Армии, ВМФ и ВВС на данный момент. Чэтфилд подчеркнул строго ограниченный характер поставленных перед военным органом задач[42].

В сущности, как можно судить, Чемберлен и другие противники союза с СССР и не нуждались в каких-то дополнительных сведениях. Но к продолжению переговоров с Москвой их побуждало растущее давление общественности и политических кругов. В палате общин правительственная политика 13 апреля подверглась критике со стороны А.Синклера, Черчилля, К.Эттли, Х.Долтона и других парламентариев, что создало опасность блокирования части консервативной оппозиции с левыми лейбористами[43]. В комментариях Форин оффис на предложения Советского Союза (от 17 апреля 1939 г.), которые

А.Кадоган 19 апреля зачитал на заседании комитета внешней политики, прямо указывалось: запросы в адрес СССР делаются "скорее с целью успокоить наше левое крыло в Англии, нежели для того, чтобы получить какое-нибудь значительное военное преимущество..."[44].

24 апреля подкомитет начальников штабов представил доклад "Военное значение России"[45]. Начальники штабов пришли к выводу, что помощь со стороны СССР будет к выгоде англо-французских союзников, но дали при этом целый список доказательств "небольшого вклада" СССР: помощь эта не будет больших размеров; главную помощь СССР сможет оказать на Балтике, где его военно-морской флот отвлечет значительную часть немецких сил; на суше советская армия не предоставит Польше существенной материальной поддержки; состояние транспортных возможностей СССР позволит ему держать на западном фронте не более 30 дивизий. "Россия, - говорилось в этом документе, - не сможет в сколько-нибудь значительном масштабе помочь нам или нашим союзникам военными материалами, но ее сотрудничество будет неоценимым, так как лишит Германию русских сырьевых ресурсов"[46].

Если правильность последнего заключения подтвердилась во время Великой Отечественной войны, то прогноз той части доклада, которая посвящалась экономике СССР, не оправдался. "Для повышения выпуска продукции в чрезвычайных обстоятельствах не хватает квалифицированной рабочей силы, - писали авторы, и это соответствовало фактическому положению дел.- Управление производством безнадежно неэффективно и стало еще хуже из-за продолжающихся репрессий. По этим причинам, а главное из-за нынешнего состояния железных дорог мы сомневаемся, что советское народное хозяйство сможет производить военные материалы в большем количестве, чем это необходимо для обеспечения боевых действий 30 дивизий на западном фронте"[47].

Ошибочность этого суждения очевидна при обращении к цифрам советского военного производства в годы войны. Даже понеся в 1941 г. колоссальные потери в вооружении, СССР уже

в 1943-1944 гг. сумел создать и полностью оснастить всем необходимым 6 танковых армий, 10 артиллерийских корпусов, 44 артиллерийские дивизии прорыва, 14 воздушных армий[48].

При рассмотрении доклада "Военное значение России" в комитете внешней политики 25 апреля Чэтфилд резюмировал взгляды начальников штабов так: "Россия, хотя она и является великой державой в другом смысле, в военном отношении выступает лишь страной среднего ранга". Помощь со стороны России будет, конечно, к выгоде союзников, но не представит большой военной ценности; "сторона, на чьей она примет участие в войне, будет, несомненно, сражаться лучше благодаря ее помощи"[49].

Обращает на себя внимание, что военные в своих заключениях 18 марта и 24 апреля 1939 г. выдвинули аргументы, многие из которых использовались британским руководством накануне и в начальный период Великой Отечественной войны, чтобы воздерживаться от заключения Англией официального военного союза с СССР. На Западе, мы знаем, недооценивались потенциальные возможности Советского государства в области мобилизации ресурсов; шансы и способности СССР длительное время вести борьбу с Германией определялись как очень низкие. В начале 1941 г., как обоснованно считают некоторые историки, Британия не предприняла серьезных попыток дать оценку советскому военному потенциалу[50].

Возвращаясь к 1939 г., скажем все-таки, что требование о заключении союза с СССР выдвигалось не только левыми кругами и деятелями консервативной оппозиции, - к союзу призывали и некоторые члены британского правительства. Выступив в комитете внешней политики 25 апреля, министр по делам колоний М.Макдональд заявил: "...было бы тем не менее важно, чтобы в войне Россия выступила на нашей стороне, а не оставалась нейтральной или заняла бы сторону Германии. В каждом из двух этих вариантов Германия смогла бы получать от России сырьевые материалы, и мы испытали бы серьезные затруднения в ведении экономической войны"[51]. Министр по делам доминионов Т.Инскип, со своей стороны, привлек вни-

мание к возможной роли Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке. Начальники штабов, напомнил он, считают, что СССР "будет в состоянии оказывать сдерживающее влияние на Японию"[52].

Заметим также, что в последнем пункте начальники штабов расходились во мнении с Чемберленом, который считал нейтралитет Японии в случае войны с Германией важнее для Британии, чем получение помощи от СССР, а договоренность с ним Англии, как опасались в Лондоне, могла подтолкнуть Японию к оформлению союза с Германией.

В мае 1939 г. начальники штабов подготовили еще одну памятную записку - "Переговоры с Советской Россией". Здесь выражалась уверенность, что "полная гарантия взаимной помощи между Великобританией, Францией и Советским Союзом даст определенные преимущества. Этим будет создан фронт внушительных размеров против агрессии; при условии применения гарантии только в Европе опасность вызвать враждебность со стороны Японии будет невелика"[53]. Если же Англия не сможет придти к соглашению с СССР, предупреждали начальники штабов, это будет рассматриваться как дипломатическое поражение, которое повлечет за собой серьезные военные последствия, поощрив Германию к дальнейшим актам агрессии и к переходу на ее сторону Советского Союза. Но даже если этого и не случится, то, писали они, "нам, конечно, нужно нечто большее, чем просто нейтралитет России - не только в смысле возможности привлечения ее ресурсов, но и оказания помощи Польше и Румынии. Кроме того, если Россия останется нейтральной, это обеспечит ей к моменту окончания войны доминирующее положение"[54].

Касаясь вопроса о соотношении стратегического значения в ходе войны Испании (как противника) и России (как союзника), начальники штабов подчеркнули "важность создания сильного восточноевропейского фронта. Мы,-заявляли они,- склоняемся сейчас к мнению, что возможность вызвать враждебность со стороны франкистской Испании не должна с военной точки зрения стать препятствием для заключения пакта с

Россией"[55].

В комитете внешней политики 16 мая при обсуждении памятной записки Чемберлен и ряд других министров продолжали оспаривать военное и политическое значение союза с СССР, но на этот раз с ними разошлись во взглядах еще несколько членов правительства. Лорд Чэтфилд несколько раз брал слово, чтобы разъяснить смысл основной рекомендации начальников штабов в пользу союза с СССР и мотивы рекомендации. "Короче говоря, - заявил он, - неспособность придти к соглашению с Россией может иметь результатом то, что Россия останется в стороне от будущей войны в Европе и будет надеяться на получение выгод вследствие истощения западных стран. Он лично полагает, что у России имеется определенный повод для недовольства с точки зрения взаимности.

Англо-польская гарантия имела взаимный характер, но мы добивались от России дать гарантию Польше, не предлагая ей какого-либо quid pro quo"[56]. Начальники штабов, подчеркивал Чэтфилд, считают необходимым заключение Англией союза с Россией на базе взаимной поддержки и помощи. В случае одобрения этой политики Англия больше выиграет, чем проиграет."Получение активной и искренней поддержки со стороны России как нашего союзника окажет значительную пользу,особенно в плане сдерживания большого числа вражеских сил и снабжения военными материалами других наших союзников в Восточной Европе"[57]

Особенно настойчиво Чэтфилд, возражая Чемберлену, подчеркивал тот довод начальников штабов, что прекращение переговоров с СССР чревато опасностью его союза с Германией; с военной точки зрения это создаст для Англии "в высшей степени угрожающее положение"[58]. "В случае войны на Западе, в которой Россия останется нейтральной, Россия получит возможность занять господствующее положение в конце войны. Чтобы избежать этой вполне реальной опасности, было бы лучше пойти немного дальше того, чем это предлагается сейчас, с целью обеспечить русское участие в войне на Западе. Затронуты вопросы большой стратегической важ-

ности. Коллеги должны понять, насколько ему лично неприятна мысль о союзе с Советами. Точка зрения комитета начальников штабов определялась главным образом соображениями о сдерживающем влиянии на Германию возможности русского участия в европейской войне. Нельзя сказать, что большая страна, стоящая за спиной Польши, не представит военного или экономического значения; но с другой стороны не следует забывать и о таких соображениях, как плохие средства сообщения России, смена железнодорожной колеи на границе Польши и слабость высшего командного состава России. Он согласен, что если из опасения перед союзом с Россией мы подтолкнули бы ее в германский лагерь, то допустили бы ошибку жизненной важности, имеющую далеко идущие последствия"[59].

В поддержку этой аргументации выступил ряд министров. Министр внутренних дел С.Хор высказался за то, чтобы правительство пошло несколько дальше в целях достижения договоренности с СССР. Он признал важным соображение о сдерживающем влиянии союза Англии с СССР на Германию и сказал, кроме того, что правительство должно сделать все возможное "для привлечения на свою сторону России в целях предотвратить русско-германское соглашение"[60]. Президент Торговой палаты О.Стэнли, со своей стороны, подчеркивал преимущества для Англии договора о взаимной помощи с СССР и, прежде всего, того факта, что "в случае если при каких-либо обстоятельствах Германия нападет на нас, Россия будет обязана придти к нам на помощь". Советское правительство, по его мнению, предпочитает отстаивать свое предложение о союзе трех государств, а не выдвигавшуюся в Лондоне на той стадии переговоров идею ограниченного соглашения[6I].

Итак, военное руководство в мае 1939 г. изменило свои подходы и, поддержанное некоторыми министрами, высказалось теперь, хотя и с оговорками, за заключение договора о взаимной помощи СССР, Англии и Франции. В.Сиполс обоснованно связывает такое изменение с ростом военной угрозы в Европе, оформлением германо-итальянского военного союза и уси-

лением давления на правительство со стороны парламента[62]. (В палате общин 5 мая Черчилль решительно потребовал принятия предложения СССР-союзника, необходимого для нанесения поражения Гитлеру. К союзу с СССР призывал и А.Иден. В начале июня он предложил отправиться в Москву для официальных переговоров, однако Чемберлен отклонил его кандидатуру, в советскую столицу был направлен У.Стрэнг[63]). Опросы Британского института общественного мнения и других аналогичных организаций показали, что союз с СССР одобрялся подавляющим числом англичан. Именно с этим обстоятельством Д.Уотт ставит в связь новые (майские) рекомендации Комитета начальников штабов в пользу союза[64].

Главной же причиной изменения позиции начальников штабов явилось сильно выраженное ими опасение насчет сближения СССР и Германии. В Лондоне не могли не интересоваться состоянием германо-советских отношений, британское правительство получало из различных источников богатую информацию на этот счет[65]. 2I мая А.Кадоган телеграфировал находившемуся в Женеве Галифаксу: из секретных германских источников стало известно, что Шнурре выезжает на следующий день в Москву для переговоров о широком торговом соглашении Германии с СССР[66]. Британский МИД в "Меморандуме об англо-русских переговорах" (22 мая) допустил (хотя и с оговорками) как "худшую возможность" - сближение Германии с СССР. Взвешивая аргументы за и против союза Англии с СССР, он вновь привел все упомянутые выше доводы против этого шага. "Фактическая материальная поддержка, которую можно ожидать со стороны Советского Союза, не очень велика", - говорилось в меморандуме[67]. На заседании кабинета 24 мая было решено все-таки принять предложение СССР, с тем, чтобы срывом переговоров с ним не побудить Гитлера к войне; но по инициативе Чемберлена договор Англии и Франции с СССР был увязан со статьей I6-й Устава Лиги наций[68].

Британский кабинет и Форин оффис, как ответственно утверждает Ф.Хинсли, хорошо представляли себе возможность соглашения между Германией и СССР; просчет заключался в убеж-

дении, что СССР не подпишет соглашения, пока ведет переговоры с западными странами[69].

Что касается начальников штабов, то, пишет Н.Гиббс, их майская памятная записка убеждает в том, что они были в первую очередь обеспокоены именно возможностью заключения союза СССР с Германией, а не с Англией[70].

Заслуживает внимания упрек Гиббса в адрес британского военного руководства, которое действовало недостаточно энергично, чтобы довести до сознания министров кабинета настоятельную необходимость создания "восточного фронта" с участием СССР. "Ощущение срочности", считает Гиббс, отсутствовало у Комитета начальников штабов не только в мае, но и в августе 1939 г., когда составлялись инструкции для британской военной делегации на переговорах в Москве. К штабным переговорам с СССР, пишет он, на Уайт-холле не велось серьезной подготовки, а согласования с Францией в данном случае вообще не было[71].

В самом деле, как видно из приложения к августовским инструкциям британской военной миссии (озаглавлено "Оценка военного значения России"), акцент опять-таки был сделан на отрицательные стороны военного сотрудничества и подробно перечислены аргументы против него[72]. При оценке военного значения сухопутных сил СССР подчеркивался только количественный фактор. "Русская армия, - повторялся уже известный аргумент, - в особенности пострадала от чистки 1937 г. и от политического контроля со стороны системы комиссаров. Таким образом, ее значение, особенно в наступательных операциях, сильно снижено". Общий вывод: исключается оказание какой-либо существенной и быстрой военной поддержки Польше со стороны России[73]. Значение советских ВВС сводилось к трем моментам: а) возможность создания для противника "ограниченной опасности" со стороны авиации, базирующейся на Польшу, Румынию или Турцию; б) способность сдержать на западной границе больше авиасоединений Германии, чем это могло бы быть в случае неучастия СССР в войне; в) возможность оказания помощи Польше в ее воздушной обороне[74].

Правда, в докладе, предоставленном заместителями начальников штабов Кабинету 17 августа, были сделаны положительные выводы относительно возможного вклада СССР в борьбу против Германии, и заключение англо-советского договора рассматривалось как лучшее средство предотвращения войны. Без эффективной советской помощи в воздухе и на земле, говорилось в этом документе, "было бы меньше шансов на появление в конце [войны] Польши и Румынии в качестве независимых государств, сколько-нибудь похожих на свой первоначальный облик". Однако Чемберлен игнорировал дальновидный совет начальников штабов[75].

Подытоживая выше сказанное, можно придти к следующему заключению: британские оценки военного значения соглашения с СССР не были однородными. Чемберлен и другие министры, устремленные на достижение общего урегулирования с фашистскими державами, были постоянны в отрицании какой-либо ценности союза с Советским государством, не очень внимательно прислушивались к рекомендациям военных и к мнению немногочисленной тогда консервативной оппозиции. Военное же руководство интересовалось сперва главным образом масштабами репрессий и связанных с ними потерь в высшем командном составе Красной Армии. В течение весны-лета 1939 г. оно переориентировалось на более конкретное изучение возможных преимуществ военного сотрудничества с СССР. Однако, реалистически определяя эти преимущества и выгоды для Англии, начальники штабов по-прежнему оставались скептически настроенными в отношении способности Советского Союза вести продолжительную войну и развить наступление против вермахта.

На Западе ошибочно полагали, будто массовые репрессии в СССР надолго подорвали его боеспособность. Поэтому в числе других причин военные эксперты Британии, а также США и других стран занижали те оценки возможных сроков сопротивления Германии, которые давались в канун и в начальный период Великой Отечественной войны. Это оказало негативное воздействие на процесс формирования антигитлеровской коалиции в 1941 г.

Срыв советским народом еще в 1941 г. гитлеровского блицкрига, переход Красной Армии в контрнаступление и победа под Москвой, также как и весь трудный, но в целом успешный опыт военно-экономической мобилизации СССР в годы войны показали глубину и силу советских возможностей, подтвердили огромное значение СССР как союзника Великобритании и США в борьбе с фашистскими державами.

Примечания

1 В данном сообщении использованы британские дипломатические документы "Documents on British Foreign Policy 1919-1939". Third Series. Vols.I-VI. London, 1949-1953.(Далее-DBFP). Некоторые из них воспроизведены в новой документальной публикации:"British Documents on Foreign Affairs, Reports and Papers. From the Foreign Office Confidential Print". Ser.A. Vol.15. Lonodon, 1986. Привлечены также отдельные документы Государственного архива Великобритании.

2 См.: Павленко Н. На первом этапе войны. Заметки военного историка // Коммунист, 1988, № 9. С.88.

3 30-е годы: Взгляд из сегодня. М., 1990. С.37-38.

4 Hillgruber A. Das Russland-Bild der führenden deutschen Militärs vor Beginn des Angriffs auf die Sowietunion // Russland-Deutschland-Amerika. Wiesbaden, 1978. S.304).

5 Watt D.C. How War Came. Immediate Origins of the Second World War. 1938-1939. New York, 1989. P.44-45.

6 Сергеев Ф. Нацистская разведка против СССР: "дело" Тухачевского, операция "Цеппелин" // Новая и новейшая история, 1989, № 1. С.122, 123, 130-131.

7 Мальков В.Л. Секретные донесения военного атташе США в Москве накануне второй мировой войны // Новая и новейшая история, 1982. № 4. С.101-118.

8 Colvin I. The Chamberlain Cabinet. N.Y., 1971. P.60-62.

9 DBFP. Vol.I. N 222. P.306.

10 Раппопорт В., Алексеев Ю. Измена Родине. 1988. С.352; ..онов-Овсеенко А.В. Сталин и его время // Вопросы

истории, 1989. № 9. С.151.

11 Military Effectiveness. Vol.III; The Second World War / Ed.by A.R.Millett, W.Murray. Boston, 1988. P.260.

12 Дело о так называемой "антисоветской троцкистской военной организации" в Красной Армии // Известия ЦК КПСС, 1989. № 4. С.59.

13 Суровая драма народов: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С.279.

14 DBFP. Vol.I. Encl.to N 148. P.163-165.

15 Ibid. N 222. P.306.

16 Das Abkommen von München 1938. Tschechoslovakische diplomatische Dokumente 1937-1939. Praha, 1968. S.117. "Что касается России, - заявлял Черчилль в июне 1938 г.при посещении МИД ЧСР, - то о ней необходимо сотрудничать, но сейчас очень неприятно видеть, насколько она ослаблена внутриполитически, особенно ее армия" // Ibid. S.144.

17 Watt D.C. Op.cit. P.221.

18 Gibbs N.H. Grand Strategy. Vol.I: Rearmament Policy. L., 1976. P.697.

19 DBFP. Vol.IV. N 183. P.188.

20 Ibid. Encl.1 in N 183. P.191.

21 Ibid. P.194.

22 Ibid. Encl.2 in N 183. P.195.

23 Ibidem.

24 British Documents on Foreign Affairs. P.91-92.

25 Симонов К. Уроки истории и долг Писателя // Наука и жизнь, 1987. № 6. С.45.

26 DBFP. Vol.IV. N 183. Encl.4. P.197-198.

27 Ibid. P.198-199.

28 Ibid. N 183. P.188.

29 Ibid. N 452. P.419.

30 1939 год: Уроки истории / Отв.ред.О.А.Ржешевский. М., 1990. С.270-271.

31 Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs. Second Series / Ed.by D.B.Schewe. Vol.13. P.126.

32 Hinsley F.H. British Intelligence in the Second World War. Vol.I. L., 1979. P.451.

32a Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы. В 2 т. Т.I. М., 1990. С.336.

33 Watt D.C. Op.cit. P.236.

34 Ibid. P.217.

35 Комитет внешней политики - постоянный орган британского кабинета, в состав которого наряду с главой правительства входили руководители ведущих ведомств (министры иностранных дел, внутренних дел и др.) и ряд других ответственных лиц.

36 Public Record Office (Далее - PPO). Committee on Foreign Policy. Cab.27/624. P.295-296.

37 PRO. Cab.27/624. P.296.

38 Ibid. P.296-297.

39 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. М., 1990. Т.I. С.316-317.

40 PRO.Cab.27/624. P.297. Р.Хадсон - министр внешней (заморской) торговли; П.Лорэн - британский посол в Риме.

41 PRO. Cab.27/624. P.302.

42 Ibid. P.302-303.

43 Journal of Contemporary History, 1974. Vol.9. N 3.P.18.

44 PRO. Cab.27/624. P.310.

45 Текст доклада см.: Альтернативы 1939 года. М., 1989. С.184-186.

46 Там же. С.186. См.также: Gibbs N.H. Op.cit. P.723-724.

47 Альтернативы 1939 года. С.184-185.

48 Вторая мировая война: Итоги и уроки. М., 1985. С.229; см.также материалы круглого стола "Война. Народ. Победа" // Известия, 1990, 8 мая)

49 PRO. Cab.27/624. P.319.

50 Kitchen M. British Policy Toward the Soviet Union during the Second World War. L., 1986. P.44-45.

51 PRO. Cab.27/624. P.320.

52 Ibid. P.321.
53 PRO. Cab.27/625. P.52.
54 Ibid. P.52-53.
55 Ibid. P.55.
56 Ibid. P.27.
57 Ibid. P.28, 33.
58 Ibid. P.30.
59 Ibid. P.40.
60 Ibid. P.31, 43.
61 Ibid. P.32, 42.
62 Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза 1936-1939 гг. М., 1987. С.251.
63 Gilbert M. Winston Churchill. Vol.VI. L., 1983. P.99-101; James R.R. Anthony Eden. L., 1986. P.217-218.
64 Watt D.C. Op.cit. P.245.
65 Британский посол в Берлине Н.Гендерсон, получив информацию от военного атташе Ф.Мэсон-Макфарлана, не высказал 18 мая ни малейшего сомнения в том, что "немцы делают все возможное для обеспечения нейтра...тета России" //DBFP. Vol.V. N 552. P.594-595.
66 Ibid. N 574. P.622.
67 Ibid. N 589. P.645-646.
68 Сиполс В.Я. Указ.соч. С.256-257.
69 Hinsley F.H. Op.cit.Vol.I.P.46.На заседании комитета по внешней политике 10 июля 1939 г. Чемберлен утверждал, ссылаясь на мнение того же Н.Гендерсона: "Совершенно невозможно, чтобы Германия и Советская Россия в нынешних условиях объединились" (PRO. Cab.27/625. P.269).
70 Gibbs N.H. Op.cit. P.748.
71 Ibid. P.748-749.
72 DBFP. Vol.VI. Appendix V, Annex II. P.782-783.
73 Ibid. P.786.
74 Ibid. P.787.
75 1939 год: Уроки истории. С.449; Эдмонс Р. Начало войны. 1939 год // Вопросы истории, 1989, № 10. С.29.

Е.Н.Кульков

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

В книге нацистского главаря А.Гитлера "Моя борьба", написанной им во время отбывания тюремного наказания за организацию в Мюнхене в 1923 г. так называемого "пивного путча", есть такие строки: "Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешнеполитическим курсом довоенного времени. Мы возобновляем движение в том направлении, в котором оно было приостановлено шесть веков тому назад. Мы прекращаем вечное германское движение на юг и запад Европы и обращаем взор на земли на Востоке. Мы, наконец, завершаем колониальную и торговую политику довоенных лет и переходим к территориальной политике будущего. И если мы сегодня говорим о новых землях в Европе, то думаем в первую очередь только о России и подвластных ей окраинных государствах"[1].

Эта цитата, часто приводимая в нашей литературе, отражает лишь один аспект нацистской внешнеполитической программы, ее нацеленность на территориальные захваты в интересах расширения германского "жизненного пространства" за счет Советского Союза. Но при этом обычно не обращается внимание на то, что в этой цитате содержится и большая ложь, поскольку нацисты на самом деле никогда не помышляли о том, чтобы отказаться от планов завоевания земель ни на юге, ни на западе Европы, ни от намерения вернуть и приумножить утраченные Германией в результате поражения в первой мировой войне колониальные владения. В той же книге, изданной в 1925 году, а также в так называемой "Второй книге Гитлера"[2], написанной в 1928 г., но опубликованной в ФРГ лишь после второй мировой войны, и в книге А.Розенберга "Будущий путь германской внешней политики"[3], захват советских земель рассматривался как ключевой, но не единственный пункт на пути к мировому господству. К числу "смертельных врагов не-

мецкого народа" нацистская верхушка, в частности, относила Францию. Гитлер и его единомышленники в нацистской партии в 20-е годы стремились насадить среди немцев расовую ненависть по отношению к французам, утверждая, что те в результате смешения с африканцами утратили "арийскую кровь", "выродились в расовом отношении" и поэтому, мол, стали представлять "угрозу для существования белой расы в Европе", ратовали за "очищение Европейского материка от распространяемых Францией болезнетворных микробов из Африки и Сирии", путем ее разгрома[4]. В качестве врагов Германии национал-социалисты рассматривали также и связанные с Францией договорами государства Малой Антанты (Чехословакию, Румынию, Югославию) и Польшу, которые якобы зажали Германию в "стальное кольцо", перекрыв ей пути к расширению "жизненного пространства". Особую ненависть германские фашисты испытывали к соседней Польше. "Ликвидация Польского государства, - заявлял Розенберг, - это наипервейшая потребность Германии"[5].

Сразу по окончании первой мировой войны к числу абсолютных врагов Германии нацистское руководство отнесло и Англию, расценив захват ею большей части немецких колоний как "невосполнимую утрату"[6]. Однако гитлеровцы вскоре убедились, что в Англии есть консервативные силы, которые готовы поддержать некоторые ревизионистские требования Германии с тем, чтобы не допустить французской гегемонии в капиталистической части Европы. Это стало очевидно, когда Англия совместно с Италией и США вынудила Францию вывести из Рурской области свои войска, которые она ввела туда под предлогом применения санкций в связи с невыполнением германским правительством репарационных платежей. Со второй половины 20-х годов нацисты прекратили открытую антианглийскую пропаганду, стремясь углубить раскол между Англией и Францией, привлечь Англию на свою сторону. Заполучить поддержку Англии в реализации своих антисоветских и антифранцузских агрессивных замыслов нацисты надеялись, исходя из учета, как они полагали, ее заинтересованности в

сильной Германии, способной "задушить Москву", а также посредством временного, до установления полного германского господства в Европе, отказа от борьбы за новый передел колоний и влияние на море[7]. Замысел о привлечении Англии к осуществлению нацистских захватнических планов, как вытекает из содержания "Второй книги Гитлера", не получил полного одобрения в нацистской партии и считался нереальным. Гитлер, отстаивая этот замысел, тем не менее вынужден был признать, что Англия, как и Франция, является "наиболее опасным в военном отношении соседом Германии"[8].

К числу вероятных союзников на пути к достижению захватнических целей в Европе нацистская верхушка относила прежде всего фашистскую Италию, поскольку она выступала врагом большевизма и руководствовалась империалистической политикой "вечного Рима", а также Венгрию, в силу ее враждебности к государствам "Малой Антанты", и Испанию, видевшую во Франции препятствие на пути к расширению своих владений в Северной Африке[9].

Таким образом, согласно нацистской внешнеполитической программе осуществлению замысла о "захвате нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадной германизации" должны были предшествовать агрессивные акции, своим острием направленные против Франции, а если возникнет необходимость, то и против Англии, государств "Малой Антанты" и Польши.

Следует, однако, заметить, что до установления в Германии фашистской диктатуры в 1933 г. отношение правящих кругов Веймарской республики, основное внимание которых было направлено на ревизию Версальского мирного договора, к захватническим замыслам гитлеровцев в отношении Советской России было не однозначно. Правительство Веймарской республики, склоняясь к расширению контактов с Англией и Францией, добиваясь от них постепенного снятия наложенных на Германию ограничений, тем не менее поддерживало с СССР нормальные двусторонние отношения, в основе которых лежала заинтересованность обеих сторон в развитии традиционных

взаимовыгодных экономических связей. Не видело в 20-е годы каких-либо причин к нагнетанию напряженности в германо-советских отношениях и командование рейхсвера. Авторитетный среди консервативных германских военных округов генерал Х.Сект, который в советской исторической литературе обычно упоминается как активный сторонник установления власти нацистов в Германии, и тот резко осуждал антисоветские аспекты их внешнеполитической программы. Накануне прихода Гитлера к власти он опубликовал брошюру "Германия между Востоком и Западом", в которой доказывалась необходимость укрепления добрососедских германо-советских связей, целесообразность для Германии проводить политику, которая не способствовала бы, а препятствовала "возможному объединению враждебных России государств"[10].

До прихода нацистской партии к власти в ее рядах, по всей вероятности, также имелись противники конфронтации с СССР. Среди них можно назвать К.Людекке, поплатившегося за расхождения во взглядах с "фюрером" в 1934 г. заключением в концлагерь, но затем бежавшего из Германии в США. В своей книге "Я знал Гитлера", опубликованной в 1937 г., Людкке, в частности, утверждал, что беды на него обрушились в немалой степени из-за того, что, будучи советником Гитлера по внешнеполитическим вопросам, он пытался убедить нацистского главаря в нереальности осуществления замысла завоевания советских земель вплоть до Урала, в абсурдности его расчетов на поддержку этого замысла Англией, об опасности курса на союз с Италией и Японией, который создает угрозу не только СССР, но и Англии, Франции и США, что неизбежно приведет к возобновлению между последними антигерманской коалиции[11].

В противовес мнению Гитлера, Людекке настаивал на том, чтобы после прихода к власти нацисты во взаимоотношениях с СССР опирались на подписанные с ним ранее правительством Веймарской республики Рапалльский договор 1922 г. и Пакт о нейтралитете 1926 г., добивались союза с СССР против западных держав с целью ревизии Версаля[12].

Гитлер подобные советы отвергал, полагая, что выдвинутая им внешнеполитическая программа сможет заставить Англию поверить, что "Германия является последним оплотом против красной угрозы" и тем самым склонить ее к согласию на ревизию Версаля и ремилитаризацию страны[13]. В то же время Гитлер не отрицал, что на пути к достижению своих внешнеполитических целей он не исключает временного компромисса с СССР. "Не исключено, - говорил он, - что когда-нибудь возникнет необходимость под носом у Джона Буля восстановить дружественные отношения с Москвой"[14].

История германо-советских отношений со времени назначения Гитлера на пост рейхсканцлера в январе 1933 г. до начала второй мировой войны, как и до нападения фашистской Германии на СССР, в советской литературе освещена довольно слабо. Обычно эти отношения рассматриваются через призму противодействия Советского государства агрессивным акциям германского фашизма в Европе. В то же время конкретное содержание и динамика двусторонних германо-советских связей остаются практически неизученными. Между тем, по крайней мере с германской стороны, особенно в период утверждения фашистской диктатуры в 1933-1935 гг., несмотря на ведущуюся в Германии разнузданную антисоветскую и антикоммунистическую кампанию, предпринимались меры, чтобы не довести дело до разрыва с СССР. Так, в речи в рейхстаге 23 марта 1933 г. Гитлер говорил, что "с Советским Союзом правительство рейха намерено поддерживать дружественные взаимовыгодные отношения"[15]. Это заверение он повторил через месяц советскому послу в Берлине[16]. А еще через месяц - в мае 1933 г. - германский рейхстаг утвердил продление навечно действие советско-германского Пакта о нейтралитете 1926 г.[17].

Не прерывались и германо-советские взаимовыгодные торговые связи. В апреле 1935 г. было подписано новое крупное германо-советское торговое соглашение и соглашение о предоставлении германского кредита СССР в размере 200 млн. марок для закупки необходимых ему промышленных товаров[18] сроком действия до марта 1936 г. Переговоры об очередном

торговом советско-германском соглашении, которые велись в 1937-1938 гг., были прерваны лишь в результате "аншлюса" Австрии.

Выступая на международной арене последовательным противником усилий СССР, направленных на создание в Европе системы коллективной безопасности, гитлеровское правительство вместе с тем не собиралось идти на разрыв германо-советских отношений. Так, в 1936 г. при подписании германо-японского "Антикоминтерновского пакта" (в 1937 г. к нему присоединилась Италия) и направленного против СССР военного "Дополнительного секретного соглашения к Соглашению против Коммунистического Интернационала" И.Риббентроп по поручению своего правительства вручил японскому послу в Берлине ноту следующего содержания: "В связи с подписанием Дополнительного секретного соглашения к Соглашению против Коммунистического Интернационала" я имею честь сообщить Вам, Ваше превосходительство, что германское правительство рассматривает договора, существующие между Германским рейхом и Союзом Советских Социалистических республик, в частности, Рапалльский договор 1922 г. и Пакт о нейтралитете 1926 г. как не утратившими силу и не противоречащими духу этого соглашения и вытекающих из него обязательств"[19]. Из ноты следовало, что гитлеровское правительство твердо придерживалось своей внешнеполитической концепции и стремилось оградить себя от возможного втягивания его Японией в войну против СССР до того, как будет разгромлена Франция, а если возникнет необходимость, то и Англия. Причем уже в октябре 1936 г., как явствует из материалов секретных переговоров между Гитлером и итальянским министром иностранных дел Г.Чиано, были намечены приблизительные сроки начала войны "против демократий", ближайший из которых приходился на 1939 г.[20]. Через год, в ноябре 1937 г., на секретном совещании высшего руководства "третьего рейха", где в основном речь шла об Австрии и Чехословакии, а также "злейших врагах" Германии - Англии и Франции, о Советском Союзе упо-

миналось лишь в том смысле, что ему нельзя будет вмешаться в европейскую войну из-за японской угрозы с Востока[21]. В публичных же выступлениях того времени Гитлер громогласно на весь мир демонстрировал свой антикоммунизм и антисоветизм, говорил о заинтересованности Германии в богатствах Урала, Сибири и Украины[22]. Многочисленные заявления подобного рода делались нацистами в конфиденциальных беседах с дипломатами и государственными деятелями западных держав, возбуждая надежды последних на то, что им удастся избежать столкновения с германским фашизмом, канализировать его агрессию на Восток. Этими мотивами, видимо, во многом можно объяснить политику Англии и Франции в предвоенные годы, вошедшую в историю как политика "умиротворения", апогеем которой справедливо считается Мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 г., в результате которого была принесена в жертву гитлеровцам Чехословакия. Парадокс истории, однако, заключается в том, что именно Мюнхенское соглашение стимулировало активность гитлеровцев в подготовке агрессии против умиротворителей. 26 ноября 1938 г. верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) по указанию гитлеровского правительства разработало соображения о развязывании и ведении войны на Западе. В этом документе речь шла о "войне Германии и Италии против Франции и Англии с целью добиться в первую очередь разгрома Франции, благодаря чему понесет поражение также и Англия, так как она утратит базу для ведения войны на континенте и все военные средства Германии и Италии окажутся направленными против нее одной"[23]. Но прежде чем развернуть войну против Франции и Англии, гитлеровское руководство должно было решить задачу, как нейтрализовать Польшу, позиция которой в отношении Германии оценивалась им как "сомнительная", а также СССР, который, как считалось тогда в Берлине, займет в случае войны против западноевропейских держав "враждебную" Германии позицию.

Вопрос о "нейтрализации" Польши Гитлер был намерен решить военной силой. В марте 1939 г. он поставил перед своими генералами задачу разгромить Польшу так, чтобы "она

уже не могла приниматься в расчет как политический фактор"[24].

Нейтрализовать СССР тем же способом, что и Польшу, гитлеровцам не предоставлялось никакой возможности. Поэтому им не оставалось ничего, как рассчитывать на решение той же задачи по отношению к СССР при помощи дипломатических средств.

После Мюнхена Советский Союз попал в чрезвычайно неблагоприятную для него внешнеполитическую ситуацию. Мюнхенский оговор обесценил и свел на-нет заключенные в 1935 г. советско-французский и советско-чехословацкий пакты о взаимопомощи. С начала 30-х годов дипломатические, экономические и военные меры советского руководства, направленные на пресечение нацистской агрессии и создание в Европе системы коллективной безопасности, из-за отсутствия желания Англии, а затем, частично, и Франции, поддержать их, не принесли сколько-нибудь заметных результатов. Мюнхен показал, что Англия и Франция более склонны установлению сотрудничества на международной арене с фашистскими державами, нежели с Советским Союзом.

Выдвинутый еще в начале 1933 г. Б.Муссолини и отстаиваемый с большой настойчивостью английским правительством замысел объединения Англии, Франции,Германии и Италии в рамках так называемого "пакта четырех" с целью совместного решения всех "европейских и внеевропейских проблем", если стал бы в конце 1938 г. реальностью, СССР оказался бы в полной внешнеполитической изоляции.

Учитывая эти обстоятельства, нацистские дипломаты полагали, что СССР так или иначе будет вынужден искать новые пути для обеспечения своей безопасности. В донесении германского посольства в Москве в Берлин от 3 октября 1938 г. содержался вывод о том, что проводимый ранее СССР курс на создание в Европе системы коллективной безопасности "себя не оправдал", более того, "потерпел полный крах" и поэтому советское руководство, чтобы выйти из международной изоляции, вынуждено будет пойти на улучшение отношений с Герма-

нией, что последней следовало бы использовать "для заключения с ним нового более крупного экономического соглашения"[15]. 26 октября 1938 г. германский посол в Москве В.Шуленбург обратился в Берлин за разрешением на встречу с В.М.Молотовым, чтобы "достичь урегулирования вопросов, осложнявших германо-советские отношения"[26]. Эта просьба была удовлетворена, так как гитлеровское правительство было заинтересовано в поставках из СССР необходимого для германской промышленности сырья. "Положение Германии с сырьем таково, - отмечалось в меморандуме отдела экономической политики германского МИДа, - что ведомство генерал-фельдмаршала Геринга и многие заинтересованные учреждения постоянно требуют, по крайне мере, еще один раз попытаться снова оживить деловые связи с Россией"[37].

Однако первая инициатива германо-советского сближения, предпринятая немецкой стороной, не дала никаких результатов. "Общее впечатление такового, - отмечал Шуленбург 18 ноября 1938 г., - что после чехословацкого кризиса изменений во взглядах Кремля не наступило. Высший принцип советской политики заключается в борьбе против фашизма и усиление мощи Советского государства"[28].

Однако гитлеровское правительство проявляло настойчивость в попытках заинтересовать СССР в улучшении советско-германских отношений. I декабря 1938 г. оно предложило советскому правительству возобновить прерванные после "аншлюса" Австрии переговоры о заключении нового торгового соглашения и выразило готовность предоставить СССР кредит в 200 млн.марок. На этот раз советское правительство согласилось вести переговоры.Но в их ходе выдвинуло требование о поставке в СССР в обмен на сырье такого большого количества германских промышленных товаров, которое в Берлине расценили как заведомо неприемлемое. Переговоры зашли в тупик и были прерваны.

Новые надежды на достижение разрядки в германо-советских отношениях возникли в Берлине в начале весны 1939 г. в связи с выступлением И.В.Сталина 10 марта 1939 г. на

ХУШ съезде ВКП(б), в котором, по мнению Шуленбурга, "ирония и критика были значительно сильнее направлены против Англии, т.е. правящей английской реакции, нежели против так называемых агрессивных государств, в частности, и против Германии"[29].

Речь Сталина была воспринята в Берлине как прозрачный намек на его желание пойти на сближение с Германией. Позднее Молотов во время встречи Сталина с Риббентропом в Москве, желая подчеркнуть проницательность советского "вождя", заметил, что "Сталин был тем, кто благодаря своей речи 10 марта сего года, которая была хорошо понята в Германии, положил началом повороту политических отношений"[30].

Многие историки считают, что эта речь является свидетельством того, что инициатива германо-советского сближения после Мюнхена исходила от СССР. Однако это не так. Инициатива исходила, как свидетельствуют приведенные ранее документы, с немецкой стороны, а именно в октябре 1938 г. При этом, главную ставку гитлеровское руководство делало на то обстоятельство, что в конце концов из-за неблагоприятной внешнеполитической ситуации, чреватой угрозой остаться один на один перед Германией и ее партнерами по "Антикоминтерновскому пакту", СССР будет вынужден пойти по пути компромисса с последними. Вскоре после того, как германские войска 15 марта 1939 г. вступили в Прагу, один из сотрудников германского посольства в Москве сообщил в Берлин следующее: "Советы раздражены тем, что западные державы стремятся направить германскую агрессию против СССР и хотят тем самым избавить себя от подобной опасности"[31]. Лишь узкая полоса польской и румынской территории отделяла германского агрессора от советской западной границы. Одновременно во второй половине марта 1939 г. усилилось стремление гитлеровского руководства добиться от СССР согласия на заключение нового торгового договора, так как Англия и Франция в знак протеста против непредусмотренного Мюнхенским соглашением захвата немецкими войсками всей чешской территории и их ввода в Словакию временно прервали с Германией переговоры о

заключении новых экономических соглашений.

Зашедшие в тупик в начале марта германо-советские переговоры были возобновлены по обоюдному согласию в следующем месяце. Их благоприятному течению способствовало согласие гитлеровского правительства на то, чтобы чехословацкий военный завод "Шкода" не прекращал выполнение советских заказов, а также исчезновение из германской прессы антисоветских материалов. Кроме того, в начале марта 1939 г. гитлеровское правительство отказалось от подписания с Италией и Японией договора о заключении военного союза ("Тройственный пакт"), только из-за того, что японская сторона настаивала на включении в его текст указания о его направленности против СССР. Происшедший из-за этого срыв попытки трех агрессивных держав юридически оформить свое военное сотрудничество не прошел мимо внимания советской стороны, на основе чего нарком иностранных дел М.М.Литвинов сделал вывод о стремлении не только Германии, но и Италии к "компромиссу" с СССР[32]. Италофашистское руководство действительно, несмотря на ярый антикоммунизм, избегало прямой конфронтации с СССР. Заключив с ним в 1933 г. "Договор о дружбе, ненападении и нейтралитете", оно своей ближайшей целью ставило сведение счетов со своими капиталистическими соперниками - Англией и Францией, препятствовавшими установлению итальянского господства в Средиземноморском бассейне. Во время визита Г.Геринга в Рим 16 апреля 1939 г. Муссолини и Чиано с одобрением отозвались о намерении гитлеровского правительства на период подготовки к "большой войне" против "плутократических", т.е. западных держав,нормализовать отношения с СССР[33].

Советско-германские торговые переговоры весной 1939 г. шли успешно. 20 мая Шуленбург посетил Молотова, сменившего к тому времени на посту наркома иностранных дел Литвинова, и сообщил, что германское правительство готово представить советскому правительству такой проект нового торгового соглашения, который, видимо, должен будет удовлетворить интересы обеих сторон. Однако Молотов реагировал на это со-

общение с недоверием и подозрительностью, заявив, что с германской стороны "возобновление переговоров лишь политическая игра", которую трудно принять всерьез. Шуленбург энергично возражал. Но Молотов же, настаивая на своем мнении, заявил, что СССР только тогда возобновит переговоры с Германией, когда для этого будет создана "политическая основа". Шуленбург пытался выяснить, что следует понимать под "созданием политической основы". На что Молотов ответил, что над этим "должны думать оба правительства"[34].

В Берлине долго размышляли, как следует расценить поведение и слова Молотова о невозможности заключения торгового соглашения без наличия "политической основы" и пришли к выводу, что СССР не намерен вести далее переговоры. Напряженная пауза длилась до 5 июня, когда Шуленбург сообщил, что Молотов отнюдь не отклонил "германо-советского компромисса", а напротив, "пригласил к политическим переговорам"[35]. Это контрпредложение было принято Берлином. Примерно через неделю переговоры возобновились. 10 августа германской стороной было предложено включить "политические формулировки" в текст нового торгового соглашения. Советской стороной это предложение было отвергнуто, но подчеркнуто, что она желает "улучшения отношений с Германией" и готова наряду с экономическими приступить к "поэтапному" рассмотрению вопросов, относящихся к прессе, культурному сотрудничеству, польской проблеме, а также и "вопросов, связанных со старыми политическими германо-советскими договорами"[36].

11 августа в Москву прибыли английская и французская военные миссии. 14 августа в Берлин от германского посла в Лондоне поступило сообщение о том, что один из участников начавшихся ранее политических советско-англо-французских переговоров У.Стрэнг прибыл в Англию и заявил, что позиция СССР безупречна и можно надеяться на успешное завершение этих переговоров. На переговорах речь шла об оборонительном союзе между СССР, Англией и Францией, который вынудил бы Германию отказаться от расширения агрессии в Европе.

Это известие не на шутку встревожило нацистское руко-

водство, уже наметившее не позднее I сентября 1939 г. напасть на соседнюю Польшу. Оно решило немедленно форсировать переговоры с СССР. Вечером Риббентроп направил Шуленбургу телеграмму, поручив ему встретиться с Молотовым и заверить его в готовности германского правительства "восстановить германо-советскую дружбу", "совместно разрешить территориальные вопросы, связанные с Восточной Европой". В заключение Риббентроп уполномочил Шуленбурга от своего имени просить Молотова "об аудиенции с господином Сталиным"[37]

I5 августа Молотов принял Шуленбурга и, выслушав его, ответил, что "приветствует германское желание улучшить взаимоотношения с СССР", но против немедленного прибытия Риббентропа в Москву, так как для ведения результативных переговоров необходима соответствующая подготовка. В частности, Молотов поручил выяснить Шуленбургу вопрос о том, готово ли гитлеровское правительство заключить с СССР пакт о ненападении, предоставить совместные гарантии прибалтийским странам, а также, используя свое влияние на Японию, оказать содействие в быстрейшем улаживании возникшего в то время советско-японского вооруженного пограничного конфликта[38].

Получив сообщение о содержании этой беседы, Риббентроп поручил Шуленбургу вновь встретиться с Молотовым и сообщить о готовности гитлеровского правительства исполнить все три высказанных им пожелания, а также просит у него согласия на прибытие Риббентропа в Москву I8 августа с целью обсуждения всего комплекса вопросов и подписания соответствующих соглашений[39].

I7 августа Шуленбург снова был у Молотова и информировал его о положительном ответе из Берлина на все поставленные им ранее вопросы, а также о новой просьбе Риббентропа принять его в Москве. Молотов поручил Шуленбургу дополнительно выяснить, готово ли гитлеровское правительство подписать также "специальный протокол", регулирующий "интересы обеих сторон в тех или иных внешнеполитических вопросах", который явился бы "неотъемлемой составной частью"

пакта о ненападении[40]. В тот же день Риббентроп дал согласие опойти навстречу и поэтому пожеланию Молотова, снова просив разрешения как можно скорее прибыть в Москву[41].

19 августа был подписан новый советско-германский торговый договор. В тот же день Молотов сообщил Шуленбургу, что Риббентроп может прибыть в Москву 23 августа для обсуждения и подписания пакта о ненападении и дополнительного секретного протокола к пакту[42]. Содержание этих документов, подписанных Молотовым и Риббентропом, хорошо известно[43]. Следует лишь отметить, что подписание этих документов было воспринято как большой дипломатический успех в Берлине, облегчавший развязывание и ведение войны как против Польши, так и против западных держав. Аналогичную оценку им дали и в Риме. 25 августа 1939 г. Муссолини писал Гитлеру: "Что касается соглашения с Россией, то я его полностью одобряю. Его превосходительство Геринг может сказать, что в переговорах с ним, проходивших в минувшем апреле я подтвердил необходимость сближения с Россией..."[44].

Реакция дальневосточного партнера Германии по "Антикоминтерновскому пакут" на германо-советский пакт о ненападении была резко отрицательной. Японское правительство во главе с премьер-министром К.Хиранума, выражавшее летом 1939 года готовность выступить на стороне Германии в любой войне, если только ее противником будет СССР, заявило гитлеровскому правительству протест и ушло в отставку. Проводившиеся тогда переговоры о заключении между Германией, Италией и Японией военного пакта оказались сорваны. Они были возобновлены лишь в 1940 г., когда почти вся Европа оказалась под пятой германского вермахта.

Заключение гитлеровским правительством пакта о ненападении с СССР и дополнительного секретного протокола к нему не означало какого-либо серьезного отклонения от принятой нацистами ещё в 20-е годы внешнеполитической завоевательной программы. Как и прежде, захват земель "России и подвластных ей окраинных государств" оставался ее центральным пунктом. Приступив к осуществ... ю плана уничтожения Пол...

I сентября 1939 г. и развернув после достижения этой цели подготовку к разгрому Франции и Англии, немецко-фашистское руководство ни на минуту не оставляло мысли о том, что решающую победу, которая должна открыть им путь к мировому господству, надлежит одержать в России. Уже I0 октября 1939 г. Гитлер отдал секретный приказ начальнику штаба ОКВ В.Кейтелю и генерал-квартирмейстеру сухопутных войск Э.Вагнеру о том, чтобы шоссейные дороги и линии связи в Восточной Польше содержались в образцовом порядке, поскольку эта "территория важна для нас с военной точки зрения как наступательный плацдарм и может быть использована для стратегического развертывания войск"[45].

Намерения уничтожить СССР гитлеровские главари не скрывали даже от своих капиталистических соперников в начавшейся войне. Так, I0 октября 1939 г. один из доверенных лиц Розенберга во время переговоров с английским бароном де Роппом заявил, что "линия Висла-Сан как раз создана для того, чтобы построить на ней Восточный вал, более мощный, чем наш Западный вал, чтобы иметь возможность в любое время развернуть оттуда наступление"[46].

Гитлер, выступая перед генералитетом в ноябре 1939 г., говорил: "Мы можем только тогда выступать против России, когда будем свободны на Западе... Россия сейчас не опасна. Она сейчас ослаблена многими внутренними процессами. Кроме того, мы заключили с Россией договоры. Договоры, однако, соблюдаются лишь до тех пор, пока они целесообразны"[47].

Подобных заявлений Гитлера и других нацистских главарей известно немало. Они свидетельствуют о том, что заключение советско-германского пакта о ненападении и ряда последующих договоров между СССР и Германией в 1939-1940 гг. нисколько не уменьшило исходящую от Германии и ее союзников угрозу Советской России. К моменту нападения на СССР 22 июня 1941 г. нацистская Германия уже не опасалась за свои тылы, обладала гораздо более многочисленными, чем в 1939 г., получившими боевой опыт и окруженными ореолом непобедимости, вооруженными силами.

Примечания

I. Hitler A. Mein Kampf. Bd. 1-2. München, 1940. Bd. 2. S. 296-297.

2. Hitlers Zweites Buch. Stuttgart, 1961.

3. Rosenberg A. Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik. München, 1927.

4. Rosenberg A. Der Müthus des 20. Jahrhunderts. München, 1934. S. 49, 101-104; Hitler A. Mein Kampf. Bd. 2. S. 264, 308-309.

5. Rosenberg A. Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik. S. 13.

6. Kuhn A. Hitlers aussenpolitisches Programm. Stuttgart, 1970. S. 35, 53.

7. Hitler A. Mein Kampf. Bd. 1. S. 145-146; Bd. 2. S. 253, 305.

8. Hitlers Zweites Buch. S. 110.

9. Hitler A. Mein Kampf. Bd. 2. S. 260; Hitlers Zweites Buch. S. 216-217; Rosenberg A. Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik. S. 14.

10. Sekt H. Deutschland zwischen West und Ost. 3. Auflage. Hamburg, 1940.

11. Ludecke K. I Knew Hitler. New York, 1937. P. 452.

12. Ibid. P. 470.

13. Ibid. P. 608.

14. Ibidem.

15. Völkischer Beobachter. 1933. 24. März.

16. Documents on German Foreign Policy 1918-1945. Ser. C. London, 1957. Bd. 1. P. 355.

17. Ibid. P. 385.

18. Die Ostwirtschaft. 1935. Heft 3/4. S. 62.

19. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945. Serie D. Baden-baden, 1956. Bd. IV. S. 118-119 (далее - ADAP).

20. Wiskeman E. The Rome-Berlin Axis. London, 1966. P. 87.

21. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. I. С. 125-127.

22. Auf antisowjetischem Kriegskurs. Berlin, 1970. S. 40.

23. Ursachen und Folgen. Berlin, 1975. Bd. XII. S. 109.

24. Ibid. S. 117.

25. ADAP. Serie D. Baden-Baden, 1956. Bd. IV. S. 529-531.

26. Ibid. S. 533

27. Ibid. S. 534.

28. Ibid. S. 535-536.

29. ADAP. Bd. VI. S. 61.

30. ADAP. Serie D. Baden-Baden, 1956. Bd. VII. S. 191.

31. Ibid. Bd. VI. S. 116.

32. Ibid. S. 46.

33. Ibid. S. 37.

34. Ibid. S. 454, 465-466.

35. Ibid. S. 535.

36. Ibid. Bd. VII. S. 48.

37. Ibid. S. 51-52.

38. Ibid. S. 63-64.

39. Ibid. S. 70.

40. Ibid. S. 96.

41. Ibid. S. 101.

42. Ibid. S. 112.

43. 1939 год. Уроки истории. М., 1990. С. 343-344.

44. ADAP. Serie D. Bd. VII. S. 239.

45. Trial of the Major War Criminals before the International military Tribunal. Nürnberg 1947-1949. Vol. 26. P. 379 (далее - IMT).

46. ADAP. Serie D. Bd. VIII. S. 262.

47. IMT. Vol. 26. P. 331.

Н.Р.Романова

К ВОПРОСУ ОБ АНГЛО-СОВЕТСКИХ ТОРГОВЫХ ПЕРЕГОВОРАХ 1939 г.

В настоящее время и в СССР и в Англии опубликованы новые документы из советских и британских архивов, касающиеся дипломатической деятельности государств накануне и в ходе второй мировой войны, которые дают возможность рассмотреть более подробно вопрос об англо-советских экономических отношениях в начале 1939 года[1].

С осени 1938 года до весны 1939 года, на первый взгляд, существовала как бы своего рода пауза в англо-советских отношениях. Одной из главных политических задач Чемберлена и английского кабинета были поиски сближения с Германией[2]. Предполагалось, что основой для этого сближения будет служить совместная политика двух стран в Европе, направленная против Советского Союза[3].

В то же время, в период января-марта 1939 года, как указывал посол СССР в Лондоне И.М.Майский, "происходит отрезвление английских правящих кругов от Мюнхена" и наблюдается некоторая переориентация в европейской политике Великобритании. Этому способствовали колониальные требования Гитлера и Муссолини, еврейские погромы и преследования в Германии, кампания немецкой прессы против Англии, начавшаяся после Мюнхена, морское строительство Германии, в частности ее желание удвоить свой подводный флот[4].

Общественное мнение Англии, недовольное проводимой правительством Чемберлена внешней политикой, вынуждало правительство делать некоторые шаги навстречу СССР.

Параллельно с англо-германскими контактами по различным направлениям, которые привели к заключению Дюссельдорфского соглашения 15 марта, английское правительство стало проявлять инициативу в нормализации отношений с Советским Союзом, правда, не в последнюю очередь с целью оказания давления на Германию и Италию, и это, впрочем, хорошо понимали в Берлине. Немецкий посол в Лондоне Дирксен сообщал

в январе 1939 года, что попытка "усилить английскую позицию более тесными связями с СССР является в большей степени угрозой, чем реальной политикой"[5].

В Москву был направлен новый английский посол У.Сидс, получивший указание от Галифакса сделать все, что в его силах, для того, чтобы советское правительство считало, что Англия дружественно относится к СССР[6]. В своих первых беседах с М.М.Литвиновым и М.И.Калининым Сидс подчеркивал желание Англии поддерживать дружественные отношения, развивать торговые связи с СССР, но еще до открытия политических переговоров Англии и Франции с СССР в своих донесениях Лондону он давал пессимистическую оценку мощи Советского государства и его стремления к сотрудничеству с западными странами[7]. В официальных кругах Великобритании начали охотно подчеркивать факты имевшихся встреч английских и советских представителей в этот период[8].

К этому времени состояние англо-советских торговых связей находилось на крайне низком уровне, более того, влиятельные деловые круги Англии требовали денонсации торгового соглашения 1934 года. По словам У.Сидса, И.М.Майский, говоря о политическом эффекте денонсации, заметил, что это может толкнуть Советский Союз в объятия Германии. По мнению Сидса, это старый советский прием, который нет нужды принимать серьезно[9].

Зима 1938-1939 гг., как пишет видный английский историк С.Астор, была свидетелем некоторой оттепели между Москвой и Лондоном. Он полагает, что Форин оффис начал склоняться в пользу улучшения отношений с русскими как только стало известно, что Гитлер намерен вести военные действия на западном направлении[10]. Очевидно, что отход от старой тактики не был легким. Многие все еще чувствовали, что англо-советские отношения "основывались на взаимной и неизбежной антипатии". Другие, однако, отмечали значение СССР как "очень важного фактора в неопределенном балансе Европы"[11].

Политика сближения с Советским Союзом получила поддержку лорда Галифакса, поскольку, по его мнению, "существова-

ло многое, что говорит за улучшение наших отношений с Россией, если мы в состоянии это сделать"[12]. По его мнению, Британия была слишком груба по отношению к русским. Он предостерегал кабинет от каких-либо действий, ведущих к дальнейшему отчуждению Москвы[13].

Премьер-министр Великобритании Н.Чемберлен не разделял этих взглядов Галифакса, что, конечно, не благоприятствовало улучшению англо-советских отношений. В письме к своей сестре от 8 января 1939 г. он писал о том, "что ему советуют заключить большой союз с Россией против Германии, но я отказываюсь это сделать"[14].

В рассматриваемый период (январь-март 1939 года) последовательно происходят следующие события:

20 января посол Советского Союза Майский в беседе с главным дипломатическим советником при министре иностранных дел Р.Ванситтартом, заметил, что пока нет серьезных симптомов, указывающих на изменение настроений в руководящих кругах Англии и Франции в благоприятную сторону в отношении СССР. Наоборот, имеются симптомы противоположного характера. В качестве примера Майский сослался на вопрос о денонсации англо-советского договора 1934 г., который с благословения министра торговли стали обсуждать влиятельные круги британских промышленников и купцов[15]. Эта проблема была затронута и в беседе Майского с Галифаксом, которая состоялась 27 января, где Галифакс проявил интерес к отправке немецкой торговой миссии в Москву. Майский объяснил это тяжелым экономическим положением Германии, а с другой стороны, - состоянием англо-советских торговых отношений. Галифакс признал, что существующее торговое соглашение не действует в полной мере[16].

3 февраля состоялась еще одна встреча Майского с Галифаксом, в ходе которой Майский, анализируя советско-английские торговые отношения, отметил, что с 1935 г. они не имели развития. По мнению Майского, денонсация имела бы исключительно отрицательный эффект и экономический, и политический[17].

В тот же день советский посол встретился с заместителем министра иностранных дел Р.Батлером и имел с ним длительную беседу, в ходе которой были рассмотрены вопросы необходимости улучшения экономических и политических отношений между двумя странами. Касаясь вопроса о возможной денонсации англо-советского торгового соглашения, Батлер заявил, что она не может быть оправдана фактическим состоянием торговли, и добавил, что на днях обсудит этот вопрос с министром торговли Стенли[18]. На этой встрече были рассмотрены и другие аспекты советско-английских отношений. Майский заметил, что от англо-советских отношений будет зависеть будущий мир во всем мире[19].

На фоне изменившейся политической ситуации, в поисках путей урегулирования экономических вопросов, Р.Ванситтарт выдвинул следующий план. Он предложил министру по делам заморской торговли Роберту Хадсону, видному политическому деятелю и дипломату, служившему прежде в России, возглавить торговую делегацию в Москву. Предполагалось, что это будет не просто торговая миссия, а жест доброй воли в сторону Москвы, и, как надеялись в английских правящих кругах, он сможет оказать сдерживающее воздействие на Германию[20].

Поездка Хадсона в Москву получила поддержку Галифакса. 20 февраля на обеде в советском посольстве, Галифакс заявил Майскому о том, что денонсирование торгового договора нежелательно. Поездка Хадсона, по мнению Галифакса, могла бы подготовить почву для пересмотра торгового соглашения или же для каких-либо иных мероприятий, которые при соблюдении интересов обеих сторон могли бы ликвидировать ныне наблюдающееся недовольство англичан состоянием торговли между двумя странами. Кроме того, Галифакс полагал, что как раз в настоящее время такая поездка могла бы иметь полезный политический эффект[21].

В тот же день, 20 февраля 1939 года, премьер-министр Великобритании Н.Чемберлен объявил в палате общин, что министр по делам заморской торговли Р.Хадсон во время своей поездки в столицы северных стран нанесет визит в Москву.

Советокое правительство заявило о своей готовности принять Хадсона. Впервые после визита Идена в 1935 году Москву посещал политический деятель Великобритании такого ранга, член английского кабинета. Некоторые газеты, в том числе "Файнэнл таймс", "Ньюс кроникл", заявили, что этот визит будет важным изменением в английской политике и имеет целью улучшить политические и экономические отношения с СССР[22]. Однако предполагалось, что целью визита будут не переговоры, а установление контакта с руководящими лицами о торговых возможностях[23]. Представляет интерес в этой связи одно из писем Сидса от 21 февраля, где он, в частности, пишет: "Торговое соглашение и с советской стороны, и с английской необходимо с точки зрения экономической выгоды"[24]. Далее Сидс подробно останавливается на вопросах, которые целесообразно обсудить в ходе визита Хадсона в Москву, а именно:

- будет ли СССР в нынешних обстоятельствах руководствоваться при осуществлении поставок политическими мотивами и кому он будет направлять поставки и оказывать услуги?

- какие меры усиления давления на СССР будут наиболее эффективны?

- какое количество сырья имеется в распоряжении СССР для экспорта?[25]

Однако эти рекомендации Сидса не были использованы, а поднятые им вопросы на переговорах не обсуждались.

28 февраля Сидс был принят М.И.Калининым и имел с ним беседу, в ходе которой были затронуты проблемы экономических отношений между СССР и Англией.

I марта 1939 года Чемберлен присутствовал на приеме в советском посольстве, что вызвало бурный резонанс как в печати, так и в дипломатических и политических кругах, поскольку до этого ни один британский премьер-министр не переступал порога советского посольства[26]. Майский объяснял этот шаг, а также предстоящий визит Хадсона в Москву следующими причинами:

I) желанием попугать немцев накануне англо-германских

переговоров;

2) лишить оппозицию ее козыря - нежелание британского правительства сотрудничать с СССР;

3) по возможности увеличить британский экспорт, так как платежный баланс Англии за 1938 год показывал отрицательное сальдо в 55 мл.ф.ст.[27].

В разговоре с Майским Чемберлен, касаясь предстоящей поездки Хадсона в Москву, сказал, что ее целью является урегулирование отношений, вызываемых нынешним торговым соглашением, и выяснение возможностей расширения англо-советской торговли[28].

Анализируя сообщение Майского о визите Чемберлена и четырех министров кабинета в советское посольство, нарком иностранных дел М.М.Литвинов высказал предположение, что основной причиной этого визита явились не столько торговые переговоры, сколько "усиление акции по натравливанию Гитлера на Восток". Литвинов считал, что советское правительство имеет дело только с жестами и тактическими маневрами со стороны англичан, а не действительным стремлением Чемберлена к сотрудничеству с СССР[29]. Надо сказать, что М.М. Литвинов, относясь с долей скептицизма и недоверия к "английским жестам", не считал их бесполезными[30].

В новой публикации английских документов содержится меморандум от 2 марта, подготовленный для Хадсона сотрудником Форин оффиса Кольером, копию которого Галифакс передал в Москву для Сидса. В этом документе декларировалось, что правительство Великобритании считает, что настоящее состояние англо-советского торгового соглашения - неудовлетворительное. Рекомендовалось, чтобы предпринимаемые переговоры велись с целью заставить русских увеличить свои закупки в Великобритании, а также следует настаивать на увеличении доли британских судов в англо-русской торговле. Советское правительство, вероятно, окажет сопротивление, что может привести к серьезному напряжению и коммерческому и политическому, в этом случае следует применить угрозу санкций. В меморандуме рекомендовалось обсудить на переговорах вопрос

о долгах и кредитах, так как, по мнению Кольера, урегулирование этого вопроса возможно. В заключение в документе указывается, что урегулирование всех этих вопросов будет иметь хороший эффект и для политических отношений между двумя странами. Конкретно переговоры предлагалось вести по следующим направлениям:

- постоянный торговый договор;
- создание соответствующего торгового баланса, при котором Россия берет больший процент британских товаров;
- приемлемое урегулирование старых долгов;
- будущий кредит на основе соглашения 1934 г.[31]

По мнению Лондона, англо-советская торговля и советский импорт из Великобритании должны быть подчинены одной задаче - способствовать вооружению Англии.

9 марта в Лондоне состоялась встреча Хадсона с Майским. Хадсон заявил, что в английской политике за последние 2-3 месяца произошли большие перемены. "Мы твердо решили сохранить свою империю и свои позиции великой мировой державы", - сказал он, подчеркнув, что для достижения этой цели Великобритании "нужно поддерживать дружеские контакты с державами, с которыми на данном отрезке времени по пути. Мы считаем, что СССР - одна из таких держав"[32].

Хадсон заявил, что англо-советские отношения - политические и экономические - могут постепенно стать очень тесными, так как основная опасность для Британской империи, как и для СССР, идет от Германии. Вместе с тем, Хадсон предупредил советского посла, что если СССР не пойдет навстречу Англии, то ей "в целях защиты своих интересов придется идти на какие-либо международные комбинации, которые, может быть, и не вызовут одобрения английской стороны, но которые она избежать не сможет"[33]. И.М.Майский предупредил Хадсона, что Москва, больше чем когда-либо, "будет судить о серьезности намерений по части улучшения советско-английских отношений не по словам, а по делам"[34].

В день захвата Германией Чехословакии 15 марта состоялась встреча Майского с Черчиллем, который возлагал боль-

шие надежды на поездку Хадсона и расценивал ее как определенный поворот в британской политике. Если Чемберлен, санкционируя поездку Хадсона, рассматривал ее как известный тактический шаг, то в обстановке, созданной немецкой оккупацией Праги, по мнению Черчилля, данная поездка могла бы оказать серьезное влияние на будущую ориентацию политики Англии[35].

Вторжение Гитлера в Чехословакию заставило британское и французское правительства внести некоторые коррективы в их тактику в отношении СССР. Лорд Галифакс на заседании Кабинета заявил, что он сделает все, чтобы сохранить хорошие отношения с Москвой. Об этом же говорил в своих выступлениях и Н.Чемберлен. Возлагались определенные надежды на поездку Хадсона.

Но Хадсон не был уполномочен делать какие-либо предложения советскому правительству и предполагал лишь выслушивать предложения советской стороны[36]. Во время своего четырехдневного пребывания в Москве Хадсон имел несколько бесед с наркомом внешней торговли Микояном и наркомом иностранных дел Литвиновым, а также имел встречу с председателем Совнаркома Молотовым.

По поручению советского правительства М.М.Литвинов 23 марта 1939 г. сделал следующее заявление министру заморской торговли Великобритании: "Мы еще пять лет тому назад осознали опасность для дела мира со стороны фашистской агрессии. Советский Союз... не отказывается от сотрудничества с другими странами... Не следует отрицать необходимость совещаний, конференций и соглашений антиагрессивных государств... В частности, заявил он, мы всегда готовы были и теперь готовы к сотрудничеству с Великобританией. Мы готовы рассмотреть и обсудить всякие конкретные предложения, базирующиеся на указанных выше принципах"[37].

Как известно, визит Хадсона состоялся накануне англо-франко-советских политических переговоров. Можно было ожидать, что в условиях, когда на повестку дня ставился вопрос об образовании коалиции неагрессивных государств, пра-

вительства Великобритании и СССР выдвинут реальные предложения, которые могли бы способствовать не только экономическому, но и политическому сближению двух стран. Этого, однако, не случилось.

Создалась парадоксальная и в общем-то до конца неясная ситуация. 28 марта было опубликовано сообщение ТАСС, в котором говорилось, что в ходе этих встреч стороны выяснили свои позиции, было подвергнуто обстоятельному обсуждению существующее состояние торговых отношений между СССР и Великобританией и возможность их дальнейшего развития... При этом вскрылся ряд существенных разногласий, которые, надо полагать, сведутся к минимуму в ходе дальнейших переговоров в Лондоне[38]. Однако в дальнейшем торговые переговоры не получили продолжения.

Если принять во внимание, что в одной из бесед с Майским министр иностранных дел Галифакс квалифицировал этот шаг английского правительства как ответ на немецкий торгово-экономический зондаж, предпринятый в январе 1939 г. и не получивший в то время развития, то, видимо, следует признать, что Англия и Германия следовали в этих вопросах параллельными курсами. Не исключено, что советское правительство посчитало предложение Германии более выгодным и реалистичным.

Таким образом, несмотря на ряд обнадеживающих симптомов, свидетельствовавших о некоторой перемене настроений в английских правящих кругах, общая линия английской внешней политики не претерпела существенных изменений. Общая установка чемберленовской внешней политики сказалась на результатах англо-советских торговых переговоров в марте 1939 г., которые окончились безрезультатно, что отражало общий характер двусторонних отношений между СССР и Великобританией, отмеченный глубоким взаимным недоверием. Угрожавшая как одной, так и другой стороне германская агрессия и в Лондоне и в Москве рассматривалась как явление, которое можно либо предотвратить, либо отвести от своей страны с помощью

различных дипломатических комбинаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 British documents on foreign affairs. Part II. Ser.A.V. 16. London, 1986; Год кризиса. 1938-1939. Документы и материалы. Т.I-II. М. 1990.
2 Попов В.И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929-1939 гг.). М. 1965. С.373.
3 DGFP. Ser.D. V.IV. Wash. 1951. P.320-332.
4 Год кризиса. Т.I. С.180.
5 DGFP. Ser.D. V.IV. P.363.
6 1939 год. Уроки истории. М. 1990. С.218-219.
7 Там же.
8 DGFP. Ser.3. V.IV. P.24-25. L.1951.
9 Aster S. 1939: The Making of the Second World War. L. 1973. S.15.
10 Ibid. P.153.
11 Ibid. P.153-154.
12 Ibidem.
13 Ibidem.
14 Ibidem.
15 СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. С.166.
16 Там же. С.173; DBFP. S.3. V.IV. L. 1951.P.106.
17 СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. С.186.
18 Там же. С.211.
19 Там же. С.212.
20 WATT D.C. How war came. The immediate origions of the Second World War. N.Y. 1989. P.220.
21 СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. С.205.
23 British documents on foreign affairs. Part.II. Ser.A. Vol.16. Doc.13.
24 Ibidem.
25 Ibidem.

26 СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. С.220-222.

27 Там же. С.222.

28 Там же. С.223.

29 Там же.

30 Там же.

31 British documents on foreign affairs. Part.2. Ser.A. V.16. L. 1986. Doc.20.

32 Watt D.C. How war came. The immediate origiens of the Second World War. P.130.

33 Aster S. 1939: The Making of the Second World War. P. 156.

34 Ibidem.

35 Год кризиса. 1938-1939. С.275.

36 Там же. С.318.

37 СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. С.271-272.

38 Год кризиса. С.339.

Л.Н.Чернова

СОБЫТИЯ МАРТА-АВГУСТА 1939 ГОДА НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ

Периодическая печать является для исторической науки одним из важных источников. Наряду с собственно газетными материалами - передовицами, комментариями, корреспонденциями, заметками - в газете помещаются также материалы иного порядка: дипломатические документы, ноты, правительственные заявления, сообщения, сводки, международные обозрения, доклады и выступления руководителей государства. Таким образом, пресса может быть использована историком как достаточно содержательный и разнообразный по характеру сборник документов, хотя и относительно несовершенный, бессистемный. Материалы прессы представляют интерес с точки зрения выражения идеологических и пропагандистских "обоснований" внешнеполитического курса правительства. Особенностью советской прессы рассматриваемого периода была весьма незначительная публикация статей по внешнеполитическим и особенно международным вопросам. Чаще всего публиковались сообщения из-за границы, реже комментарии по внешней политике, в чем убеждают материалы газет "Правда", "Известия" и журнала "Большевик".

После того, как агрессия Японии, Италии и Германии привела к образованию очагов войны на Дальнем Востоке, в Африке и Европе, руководители Советского Союза во главе со Сталиным пришли к выводу, что вторая мировая война уже началась. Впервые он был сформулирован в вышедшем в 1938 году "Кратком курсе истории ВКП(б)". В этой связи представляет интерес опубликованная в февральском номере журнала "Большевик" за 1939 год статья "Международная обстановка второй империалистической войны", подписанная В.Гальянов. Под этим псевдонимом выступил заместитель наркома иностранных дел СССР В.П.Потемкин. Он писал: "Идет вторая империалистическая война... Фронт второй империалистической войны все расши-

ряетоя. Не все современники отдают себе отчет в том, что происходит. Не все понимают, что началась вторая империалиотическая война, которая уже втянула в свою орбиту более полумиллиарда населения"[I].

Идея, что "новая империалистическая война стала фактом"[2], нашла отражение в отчетном докладе ЦК ВКП(б) ХУШ съезду партии, о котором 10 марта 1939 года выступил Сталин. "Войну, - сказал он, - ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессору уступку за уступкой"[3].

Председатель СНК Молотов в своей речи на ХУШ съезде ВКП(б), характеризуя международное положение СССР в плане противоборства социализма и капитализма, сказал, что социалистическое государство "идет в гору, идет к полной победе коммунизма", в то время как "капитализм ищет для себя спасения в фашизме...,- капитализм, изъеденный кризисами и паразитическим гниением на корню, все больше втягивает Европу и Азию в новую империалистическую войну". По его мнению, "происки внешнего классового врага из лагеря капитализма, особенно "из лагеря фашизма, нами разбиты в пух и прах". "Их новый шпионский прием вмешательства, - конкретизирует далее свою мысль Молотов, - в котором все эти Троцкие, Рыковы, Бухарины, Зиновьевы, Тухачевские, Радеки, Икрамовы, Любченки сыграли жалкую роль шпиков-вредителей и грязных агентов иностранных разведок, - полностью провалился"[4].

Очевидно, что приведенная характеристика далека от реальности как относительно тенденций развития двух различных социально-экономических систем, так и в особенности оценки необоснованных репрессий 30-х годов, которые в действительности не упрочили, а наоборот, значительно ослабили Советский Союз накануне мировой войны.

Советская пресса отводила большое место освещению ХУШ съезда ВКП(б). В передовой статье "Правды" "Мудрый сталинский анализ международного положения" настойчиво проводились те же идеи: "Советский Союз достаточно могуч, чтобы справиться с любым врагом и любым вражеским блоком. Совет-

ская страна сильна тем, что она разгромила троцкистско-бухаринское шпионское отребье, что она неустанно бьет и добивает шпионов, диверсантов и убийц.., засылаемых в ее тылы капиталистическим окружением. В обстановке начавшейся второй империалистической войны советское государство будет проявлять неукоснительную бдительность и осторожность, не давая провокаторам втянуть его в водорот войны"[5]. .Теперь уже массовый читатель получал извращенное предcтавление о положении дел.

Во время работы съезда 15 марта, в нарушение заключенного полгода ранее Мюнхенского соглашения, вермахт вступил в Прагу. Вскоре между наркомом иностранных дел М.М.Литвиновым и германским послом в Москве Ф.Шуленбургом состоялся обмен нотами. 20 марта в прессе была опубликована нота НКИД СССР от 18 марта 1939 года, в которой содержался решительный протест против агрессивных действий германского правительства, серьезная озабоченность создавшимся положением в Европе. В ней доводилось до сведения руководителей рейха, что "советское правительство не может признать включение в состав германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии, правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости"[6]. В том же номере газеты, в материале "Слово Советского правительства" выражалась надежда, что чехословацкая акция Германии побудит западные державы отойти от политики "невмешательства".

В последующие дни советская пресса помещает материалы о реакции Запада на чехословацкие события и ноту Литвинова. Интересно, на что она прежде всего обращает внимание. "Известия" отмечают, что парижские газеты всех направлений подчеркивают "энергичный тон и железную логику" советской ноты. В частности, приводится оценка "Пти паризьен", которая отмечала, что "нота написана в чрезвычайно решительных выражениях"[7]. Что касается английских газет, то из них даются выдержки о реакции разных политических кругов на агрессивные действия Германии. Так, премьер-министр Чемберлен

сообщил в палате общин I5 марта, что хотя он "с прискорбием следил за событиями, развивавшимися на протяжении последних двух дней,и хотя быть может, в дальнейшем придется пережить еще ряд разочарований, правительство все же полно решимости не допустить изменений своего политического курса"[8]. В то же время лейборист Грейфелл заявил, что I5 марта останется позорной датой для демократий. По словам либерала Синклера "мир в Центральной Европе мог бы быть сохранен, если бы Англия совместно с Францией своевременно сделала совершенно четкую декларацию о проведении твердой политики в защиту мира"[9].

I9 марта "Известия" перепечатали сообщение дипломатического обозревателя "Обсервер": "Британское правительство в тесном контакте с правительствами Франции, США и СССР обдумывают сейчас, как выразить на практике новые взаимоотношения в Европе, являющиеся следствием открытого расторжения Гитлером мюнхенского соглашения, которое, как теперь доказано, было лишь клочком бумаги... В этой свя: і велись вчера переговоры между Галифаксом и послами Франции, СССР и США. Данные, имевшиеся вчера вечером, явно указывали на то, что дальнейшие планы Германии предусматривают аннексию богатств, вооружений, сырья, зерновых, нефтяных и животноводческих ресурсов Румынии, а также аннексию польского коридора, Мемеля, Данцига и т.д. Вчера широко циркулировали слухи о возможности франко-англо-советского оборонительного соглашения"[I0]. Из сообщения ТАСС, опубликованного 22 марта в "Известиях", мы узнаем, что "I8 марта с.г. британское правительство, уведомив советское правительство, что имеются серьезные основания опасаться насилия над Румынией, запрашивало о возможной позиции советского правительства. Советское правительство в ответ на этот запрос выдвинуло предложение о созыве совещания представителей наиболее заинтересованных государств, а именно Великобритании, Франции, Румынии, Польши, Турции и СССР. Такое совещание давало бы наибольшие возможности для выяснения действительного положения и определения позиций всех его участников". Однако

уже на следующий день, 19 марта, это предложение было английским правительством отклонено как "преждевременное".

Британское правительство еще во второй половине февраля 1939 г. приняло решение направить в марте в Москву министра по делам заморской торговли Великобритании Роберта Хадсона. В "Известиях" от 28 марта ТАСС сообщает, что Р.Хадсон имел по нескольку бесед с наркомом внешней торговли А.И.Микояном и наркомом иностранных дел М.М.Литвиновым, а также был принят председателем Совнаркома В.М.Молотовым. Обсуждались, в основном, торговые взаимоотношения между СССР и Великобританией. Но также "состоялся, равным образом, дружественный обмен мнений по вопросу о международной политике, давший взаимное ознакомление со взглядами правительств обоих государств и выяснение точек соприкосновения между их позициями в деле укрепления мира".

И в то же время какие-то сдвиги в английской политике происходили одновременно с некоторыми изменениями в германской позиции в отношении Советского Союза. Германия предприняла определенные усилия для возобновления и расширения торговли с СССР. Зам.наркома иностранных дел Потемкин в упомянутой выше статье, опубликованной в февральском номере журнала "Большевик", привел такой факт, что "на новогоднем приеме дипломатического корпуса в Берлине Гитлер поразил всех вниманием, проявленным к советскому послу... В Москву собирается Ю.Шнурре. А это доверенный человек самого Гитлера. Ему поручены важные переговоры с большевиками"[11]. Вероятно, своим поведением на новогоднем приеме Гитлер зондировал почву и хотел продемонстрировать свою готовность пересмотреть отношения с Советским Союзом. Автор статьи высказывает в адрес Франции предупреждение: "Теперь, после Чехословакии, очередь за Францией. На предстоящей "консультации" четырех держав она будет иметь против себя Муссолини и Гитлера. "Миротворец" Чемберлен будет убеждать ее, чтобы она услужила. За счет малодушной и обманутой союзницы он постарается отыграть английские колонии. Советский Союз? Но сама же Франция сделала все, чтобы ослабить значе-

ние франко-советского договора от 2 мая 1935 г. А вот Рапалльское соглашение между СССР и Германией еще существует"[12].

З.Шейнис, автор книги "М.М.Литвинов: революционер, дипломат, человек", утверждает, что Потемкин опубликовал эту статью в журнале "Большевик" по поручению Сталина[13]. Сталин и его ближайшее окружение продолжали подходить к Германии с рапалльскими мерками. Германия - жертва Версаля, и поэтому у СССР с ней есть точки соприкосновения в противоположность Лондону и Парижу. Нарком иностранных дел Литвинов узнает об этой статье лишь после ее опубликования. Литвинову, решительному противнику каких-либо сделок с фашизмом, убежденному стороннику коллективной безопасности в Европе, становится все труднее работать. В Наркоминдел приходят новые люди, назначенные без его ведома. Ему становится известно, что не все советские полпреды шлют ему информацию. Многие из них, минуя Литвинова, направляют свои донесения Молотову. Торгпред в Берлине имеет непосредственный контакт по дипломатическим вопросам с Молотовым. Литвинов был снят с поста наркома иностранных дел. 3 мая 1939 г. в "Правде" был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР, в соответствии с которым народным комиссаром иностранных дел был назначен Молотов с сохранением за ним поста председателя СНК СССР. Смещение Литвинова стало сенсацией для дипломатического мира в Западной Европе. Для Сталина, оно, вероятно, означало необходимый шаг на пути к усилению контактов с Германией.

Весной 1939 года советское руководство решило тем не менее активизировать переговоры с западными демократиями.

2 апреля "Правда" писала в редакционной статье: "Мюнхен дезорганизовал Европу, привел к разгулу агрессии и подорвал доверие к так называемым демократическим государствам. Если теперь угроза всеевропейской войны ставит с новой остротой проблему коллективной безопасности и борьбы против агрессии, необходимо изменить в корне ту политику, которая велась в течение 1938 года.Они могут рассчитывать

на полную поддержку того единственного государства, которое не несет никакой ответственности за Мюнхен".

После полного захвата Чехословакии и аннексии Германией 22 марта Клайпеды резко ухудшилось стратегическое положение Польши. "Германский фашизм все более тесным кольцом сжимает Польшу, продлив свою южную границу с ней почти на 500 км, зайдя к ней в тыл с севера в результате захвата Клайпеды", - писала "Правда" 25 марта. Под прямой угрозой как со стороны Германии, так и со стороны Италии находилась Югославия. Наконец, фактически новой жертвой германской агрессии явилась Румыния, которая приняла все экономические требования, предъявленные в ультимативной форме Германией.

31 марта Н.Чемберлен, как известно, огласил в палате общин документ о гарантиях Польше. Советская пресса своеобразно реагировала на заявление Чемберлена. Вместо того, чтобы дать собственную оценку этому документу, газеты помещают заметки своих зарубежных корреспондентов. Так, "Известия" печатают корреспонденцию из Парижа о реакции Германии на заявление Чемберлена: "Официальное германское информационное агентство опубликовало сообщение по поводу заявления Чемберлена об охране Англией и Францией независимости.Польши... Сообщение кончается раздражением и язвительным утверждением, что демократии хотят платоническими заверениями поднять свой престиж и что это не остановит Германию в ее деле воссоздания Центральной Европы"[14]. Как известно, 3 апреля Германия приняла решение о нападении на Польшу - операция "Вайс".

Собственный корреспондент "Известий" 4 апреля передал из Парижа следующее: "Вся французская печать подчеркивает важность вчерашнего заявления Чемберлена в палате общин,более категорического и более решительного, чем предыдущее. Особенно подчеркивается заявление британского премьера о том, что при нынешних обстоятельствах никакие идеологические вопросы не помешают Англии сотрудничать с СССР...Чемберлен заявил, что если Польше придется защищаться от аг-

рессора, Англия окажет ей помощь "при всех условиях". Высказывают убеждение, что франко-английская гарантия в ближайшее время распространится на Румынию и Турцию, а затем на Югославию и Грецию. Речь идет о реорганизации всей системы коллективной безопасности и взаимопомощи"[15]. 5 апреля в "Известиях" было помещено сообщение ТАСС: "Газеты "Тан" и "Эвр" напечатали сообщение агентства "Гавас" из Москвы, в котором говорится, что Советский Союз обязался будто бы в случае войны снабжать Польшу военными материалами и закрыть свой сырьевой рынок для Германии. "ТАСС уполномочен заявить, что это сообщение не соответствует действительности, т.к. Советский Союз не давал никому таких обещаний и не брал таких обязательств". По этому поводу нарком иностранных дел М.М.Литвинов писал полномочному представителю СССР в Англии И.М.Майскому "опровержение газетных намеков должно рассеять иллюзии англичан относительно приемлемости для нас какой бы то ни было роли, которая будет представлена нам на основании решений какой-то комбинации государств без нашего участия"[16].

7 апреля был совершен очередной акт фашистской агрессии. Итальянские войска оккупировали Албанию. "Учитывая поведение великих держав, все малые державы стараются зарыться поглубже и не дышать. Конечно, английские и французские газеты полны комплиментами по адресу "храброго албанского народа", но, увы, эти комплименты сильно смахивают на некрологи. Еще раз торжествует знаменитое невмешательство"[17], — сообщает корреспондент "Известий" из Парижа.

Хотя Англия и Франция совершили важный шаг, приняв решение о гарантиях Польше и Румынии, советское же правительство считало, что сепаратные действия отдельных государств не могут остановить агрессию, нужна коллективная безопасность. О начавшихся англо-франко-советских политических переговорах в Москве и о позиции СССР на них мы узнаем из доклада о международном положении и внешней политике СССР председателя СНК и наркома иностранных дел Молотова, сделанного на третьей сессии Верховного Совета 31 мая и опуб-

ликованного в прессе. Советские предложения сводились к следующему: "Заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии, имеющего исключительно оборонительный характер; гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств Центральной и Восточной Европы, включая в их число все без исключения пограничные с СССР европейские страны от нападения агрессоров; заключение конкретного соглашения между Англией,Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам в случае нападения агрессоров"[18]. Таким образом, советские предложения предполагали заключение Англией, Францией и СССР трехстороннего договора о взаимопомощи, сопровождавшегося военной конвенцией, который вступил бы в силу в случае агрессии Германии против одной из трех указанных держав или против одного из соседних с СССР государств. Советский Союз не мог обеспечить безопасность своих границ, не обеспечив безопасность Польши, Румынии, Прибалтийских государств. Поэтому в советском проекте предусматривалась военная помощь Советскому Союзу со стороны Англии и Франции на случай "непрямого" - косвенного (оно представлялось наиболее вероятным) нападения Германии на СССР. Советское правительство должно было позаботиться о том, чтобы "косвенная" агрессия Германии против Советского Союза, а тем самым и агрессия против союзных с ним государств столкнулась с сопротивлением не только его самого, но и его военных союзников.

Эти положения проекта отстаивались советской стороной до самого конца переговоров с Англией и Францией. Все дальнейшие предложения, которые вносились Советским правительством в ответ на англо-французские контрпредложения, имели характер уточнений и не меняли сути первоначальной концепции.

Что же касается предложений Англии и Франции на переговорах, то их советская пресса комментировала до выступления Молотова 31 мая. Так, в передовой статье "Известий" от

II мая был дан анализ контрпредложений английского правительства от 8 мая с.г.: Англия обходит вопрос о пакте взаимопомощи между Англией, Францией и СССР". Кроме того, эти предложения ставят СССР в неравное положение, хотя обязательства "будут у него такие же, как и у Франции и Англии". "Мы уже не говорим о том, - указывалось в статье, - что интереснейший вопрос о фактическом отпоре агрессии и о сроке начала такого отпора при этой комбинации предоставляется на разрешение одной лишь Англии и Франции, хотя тяжесть отпора должна лечь главным образом на плечи СССР в силу его географического положения". Не имея пакта о взаимопомощи ни с Англией, ни с Францией, ни с Польшей, Советский Союз должен оказывать помощь всем этим трем государствам, не получая от них никакой помощи, причем в случае агрессии, направленной прямо против СССР, он будет вынужден обходиться лишь собственными силами.

Советское правительство, отвергая английские предложения от 8 мая, продолжало настаивать на заключении пакта о взаимопомощи и эффективного военного соглашения для противодействия агрессии.

Необходимость такого пакта диктовалась той международной обстановкой, которая сложилась весной 1939 года. 22 мая в Берлине состоялось подписание германо-итальянского договора о военно-политическом союзе. "В договоре подчеркивается общность интересов Германии и Италии и их готовность выступить сообща, за обеспечение их жизненного пространства", - писала "Правда" 23 мая. Германия расторгла польско-германский пакт о ненападении 1934 г., а также англо-германский морской договор 1935 г.

Перспектива заключения англо-франко-советского соглашения настолько обеспокоила Германию, что она поспешила возобновить советско-германские контакты. Германия еще с конца 1938 года начала зондаж с целью улучшения отношений с Советским Союзом. В.М.Молотов в своем докладе на сессии Верховного Совета 31 мая сделал акцент на том, что "позиция Советского Союза, как каждому понятно, ни в коем случае

не может быть заподозрена в каком-либо сочувствии агрессорам". Но, "ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считаем необходимым отказаться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия. Еще в начале прошлого года, по инициативе германского правительства начались переговоры о торговом соглашении и новых кредитах. Тогда со стороны Германии нам было сделано предложение о предоставлении нового кредита в 200 миллионов марок. В начале 1939 г. Наркомвнешторг был уведомлен о том, что для этих переговоров в Москву выезжает специальный германский представитель г.Шнурре. Затем эти переговоры были поручены германскому послу в Москве г.Шуленбургу, которые были прерваны ввиду разногласий. Не исключено, что переговоры могут возобновиться"[19].

Как известно из архивных источников, с мая 1939 года работники внешнеполитического ведомства Германии, следуя указаниям Риббентропа, неоднократно вступали в контакты с представителями СССР в Берлине, различными неофициальными и официальными способами давали понять о готовности Германии пойти на сближение с Советским Союзом.

Московские англо-франко-советские переговоры велись председателем СНК и наркомом иностранных дел В.М.Молотовым, английским послом Уильямом Сидсом и французским послом Полем Наджиаром, а после 15 июня и ответственным сотрудником Форин оффиса Уильямом Стрэнгом. В таком составе переговоры велись до конца июля.

В период с 22 июня по 28 июля в газете "Известия" под рубрикой "В Наркоминделе" публикуются краткие и самого общего характера сообщения о ходе англо-франко-советских переговоров. Например, 22 июня в "Известиях" опубликовано сообщение: "Вчера тов.Молотовым были приняты английский посол г.Сидс, французский посол г.Наджиар и г.Стрэнг, которыми были переданы "новые" англо-французские предложения, повторяющие прежние предложения Англии и Франции. В кругах Наркоминдела отмечают, что "новые" англо-французские предложения не представляют какого-либо прогресса "по сравне-

нию с предыдущими предложениями".

Период с конца июля и по 3 августа - это был принципиально важный рубеж, когда происходила активизация действий по всем направлениям: тройственные переговоры в Москве, секретные германо-советские и англо-германские контакты.

2 августа газета "Известия" опубликовала сообщение ТАСС в ответ на выступление в палате общин г.Батлера - парламентского заместителя министра иностранных дел - в котором он отметил, что главным из существующих разногласий между СССР и Англией и причиной затяжки переговоров является вопрос о том, должны ли мы посягать на независимость балтийских государств или нет. "ТАСС уполномочен заявить, что на самом деле разногласия состоят не в том, чтобы посягать или не посягать на независимость балтийских стран,ибо обе стороны стоят за гарантию этой независимости, а в том, чтобы в формуле о "косвенной" агрессии не оставить никакой лазейки для агрессора, покушающегося на независимость балтийских стран. Одна из причин затяжки переговоров состоит в том, что английская формула оставляет такую лазейку для агрессора"[20]. Недооценка действительной и грозной опасности фашизма, неготовность всех участников переговоров к широким компромиссам были главными причинами, приведшими к срыву политических переговоров в Москве. Но, как тогда представлялось, был еще один шанс - он состоял в военных переговорах, намеченных на август 1939 года с целью заключения военной конвенции между Англией, Францией и Советским Союзом.

Немецкая дипломатия прекрасно знала о всех сложностях, возникавших в ходе тройственных переговоров в Москве, и в своих зондажах советской позиции действовала все настойчивее. 22 июля "Правда" писала: "На днях возобновились переговоры о торговле и кредите между германской и советской сторонами. От Наркомата внешней торговли переговоры ведет зам.торгпреда в Берлине тов.Бабарин, от германской стороны - г.Шнурре".

Возникло сложное переплетение дипломатических действий: переговоры Англии, Франции и СССР, зондаж Германией советской позиции и тайные англо-германские переговоры. В газете "Правда" от 23 июля опубликованы корреспонденции из Лондона и Парижа. Читаем лондонскую корреспонденцию: "Германский эксперт по торговым договорам Вольтат вчера вылетел из Лондона в Берлин. В хорошо информированных кругах утверждают, что результаты его переговоров в Лондоне благоприятны. Вопросы, затронутые им в беседе, будут, по всей вероятности, обсуждены английским и германским правительствами дипломатическим путем". Парижский корреспондент дополняет информацию: В Лондоне вчера циркулировали слухи относительно обмена взглядами между Вольтатом и представителями английских правительственных сфер, в том числе основным вдохновителем "Мюнхенского опыта Чемберлена" - Вильсоном. В последние дни Вильсон стремился установить финансовые, экономические и прочие льготы, которые, по его мнению, должны были бы быть предоставлены гитлеровской Германии, если бы последняя не настаивала на своих требованиях, в частности, относительно Данцига, и если бы Германия пообещала не нарушать сложившиеся политические и территориальные структуры"[21]. Дипломатический обозреватель газеты "Ньюс Хроникл" отмечает, что "циркулируют слухи, согласно которым английское и французское правительства намерены в сентябре с.г. сделать Германии ряд важных предложений, в частности, гарантировать заем в 100 миллионов фунтов стерлингов и создать из африканских колоний территорию, которая управлялась бы на основе "кондоминимума" в целях совместной эксплоатации колониальных ресурсов"[22]. Переговоры по этим вопросам вел член английского правительства Хадсон. Тот самый Хадсон, который приезжал в марте с.г. в Москву с торговой миссией.

Утром 11 августа в Москву из Ленинграда прибыли английская и французская военные миссии, возглавляемые адмиралом Драксом и генералом Думенком. Руководители миссий были

приняты в тот же день наркомом иностранных дел Молотовым. На приеме присутствовали английский посол Сидс и французский посол Наджиар, а также заместитель наркома иностранных дел Потемкин В.П. - сообщили "Известия" 12 августа. До приезда военных миссий 9 августа была сформирована советская военная делегация: глава делегации - нарком обороны маршал К.Е.Ворошилов, члены делегации: начальник Генерального штаба командарм I-го ранга Б.М.Шапошников, нарком Военно-Морского флота СССР Н.Г.Кузнецов, начальник Военно-Воздушных Сил А.Д.Локтионов[23].

О переговорах военных миссий в прессе содержится крайне лаконичная информация: опровержение ТАСС о сообщении польских газет о том, что разногласия, возникшие в ходе переговоров в Москве между советской военной делегацией, с одной стороны, и французской и английской военными миссиями, с другой, связаны, якобы, с требованием Советского Союза помощи у Англии и Франции на случай войны на Дальнем Востоке. "ТАСС уполномочен заявить, что это сообщение является сплошным вымыслом от начала до конца, а существующие на самом деле разногласия касаются совсем другого вопроса и не имеют никакого отношения к вопросу о Дальнем Востоке"[24]. 27 августа в "Известиях" опубликовано интервью К.Е.Ворошилова о причинах прекращения военных переговоров, которое он дал сотруднику "Известий". "Вопрос: Чем закончились переговоры с военными миссиями Англии и Франции? Ответ: Ввиду вскрывшихся серьезных разногласий переговоры прерваны. Военные миссии выехали из Москвы. Вопрос. Можно ли знать, в чем заключаются эти разногласия? Ответ: Советская военная миссия считала, что СССР, не имеющий общей границы с агрессором, может оказать помощь Франции, Англии, Польше лишь при условии пропуска его войск через польскую территорию, ибо не существует других путей для того, чтобы советским войскам войти в соприкосновение с войсками агрессора... Несмотря на всю очевидность такой позиции, французская и английская военные миссии не согласились с такой позицией советской миссии, а польское правительство открыто заявило, что оно не нуждает-

ся и не примет военной помощи от СССР. В этом "основа разногласий. На этом и прервались переговоры".

В интервью правильно изложена суть разногласий. Однако это было сделано таким образом, что у читателя создавалось впечатление, будто переговоры расстроились исключительно вследствие неуступчивой позиции Запада и Польши. Между тем само по себе разумное требование о проходе войск через Польшу и Румынию выдвигалось Советским Союзом весьма ультимативно. Тогда как остановить фашистов можно было лишь совместными усилиями, ценой взаимных уступок и компромиссов.

В итоге от имени советского правительства Молотов подписал с гитлеровской Германией пакт о ненападении. Передовая статья "Известий" писала 24 августа 1939 года: "19 августа подписано торгово-кредитное соглашение, 23 августа - договор о ненападении с Германией. Оба эти документа имеют величайшее значение не только для отношений между двумя договаривающимися сторонами, но и для международно-политического положения во всем мире".

Однако мировая общественность не получила объяснения мотивов столь неожиданного решения советского правительства. Неожиданным и непонятным этот пакт был и для советских людей, ибо он противоречил всему тому, что им говорили и печатали на страницах газет и журналов об ужасах фашизма и необходимости решительной борьбы с ним.

Даже с позиций сегодняшнего дня при использовании различных типов источников, включая дипломатические документы, переписку, прессу и т.д., трудно составить четкое и однозначное представление о событиях рассматриваемого периода. В еще более трудном положении находились современники событий. Ведь для советских людей того периода пресса была скудным, и как мы пытались в ряде случаев показать, не всегда адекватным действительности, источником, по которому они могли судить о состоянии международной обстановки и внешней политике Советского Союза.

Примечания

I Большевик. I939. № 4. С.49.

2 Правда. I939. II марта.

3 Там же.

4 Там же.

5 Правда. I939. I3 марта.

6 Правда. I939. 20 марта.

7 Известия. I939. 2I марта.

8 Известия. I939. I6 марта.

9 Известия. I939. I6 марта.

I0 Известия. I939. 20 марта.

II Большевик. I939. № 4. С.63.

I2 Там же.

I3 Шейнис З. и Литвинов М.М.: революционер, дипломат, человек. М. I989. С.360.

I4 Известия. I939. I апреля.

I5 Известия. I939. 5 апреля.

I6 СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь I938 г. - август I939 г.). М. I97I. - 302 с.

I7 Известия. I939. 9 апреля.

I8 Правда. I939. I июня.

I9 Там же.

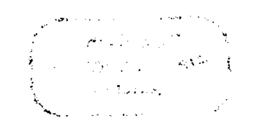
20 Известия. I939. 2 августа.

2I Правда. I939. 23 июля.

22 Правда. I939. 24 июля

23 Известия. I939. 9 августа.

24 Известия. I939. 20 августа.



ОГЛАВЛЕНИЕ

"ПРЕДВОЕННЫЙ КРИЗИС 1939 г. В ДОКУМЕНТАХ". (Материалы научной конференции Института всеобщей истории АН СССР 15 ноября 1989 г.). Редактор З.С.Белоусова